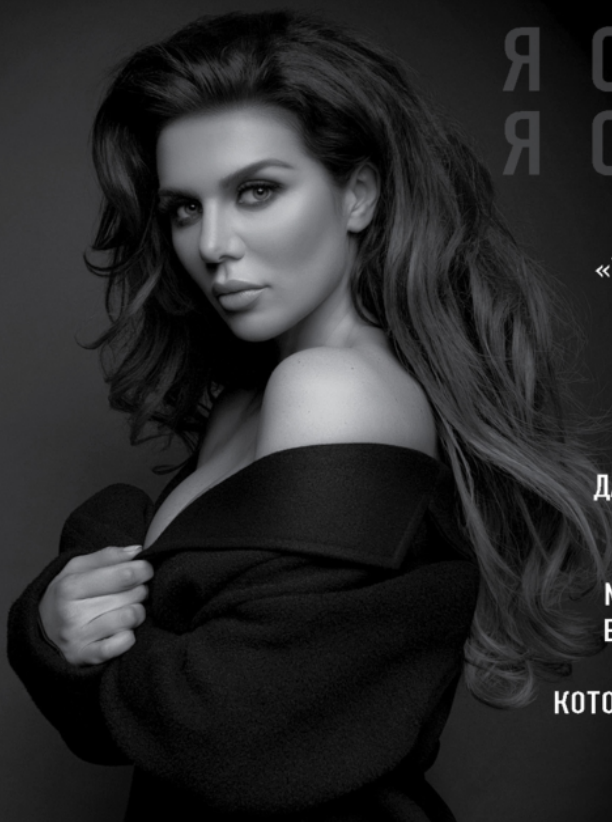

А Н Н А С Е Д О К О В А

Я СИЛЬНАЯ Я СПРАВЛЮСЬ

«У МЕНЯ БЫЛО ВСЕ — ВЗЛЕТЫ
И ПАДЕНИЯ, ГАНГСТЕРЫ,
КОТОРЫХ ИСКАЛ ИНТЕРПОЛ,
И МИЛЛИОНЕРЫ, КОТОРЫЕ
ДАРИЛИ МНЕ СКАЗКУ. Я НЕ
ЗНАЮ, ЧТО БУДЕТ СО МНОЙ
ДАЛЬШЕ, НО УВЕРЕНА, ЧТО ЭТО
ЕЩЕ НЕ ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН
МОЕГО ПРЕКРАСНОГО КИНО И
МОЙ СЦЕНАРИСТ ПРИГОТОВИЛ
ЕЩЕ МАССУ ЗАХВАТЫВАЮЩИХ
ПОВОРОТОВ ЭТОГО СЮЖЕТА,
КОТОРЫЙ НАЗЫВАЕТСЯ ПРОСТО —
МОЯ ЖИЗНЬ».

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Меня зовут Аня Седокова, и это история простой кудрявой девочки, которая никогда не прекращала мечтать и любить. Родившись на бандитской окраине города, в самой бедной семье и оставшись без отца и защиты, я все время искала ее в других мужчинах. Искала себя в них и, растворяясь до остатка, опять уходила искать себя. Я Мама. Мама троих детей с разными фамилиями и абсолютно разными судьбами. Артистка, выступавшая на самых больших сценах перед десятками президентов разных стран. Я видела всю изнанку жизни самых богатых людей и знаю, что деньги не могут принести счастья, когда тебя не любит тот, кого любишь ты. Измены, предательства, боль и ложь были моими постоянными спутниками по дороге, которой я шла. Но каждый день, побеждая свои комплексы, я делаю шаг вперед, хотя иногда и сто шагов назад. Все совпадения в этой книге случайны, все истории рождены из настоящих чувств и, возможно, моей фантазии. С благодарностью за каждую эмоцию, с открытым сердцем, полной любви, я делюсь с тобой историей. Историей сильной девочки, которая обязательно со всем справится.

- [Анна Седокова](#)

- ☐ [Глава 1](#)

- ☐ [Глава 2](#)

- ☐ [Глава 3](#)

- ☐ [Глава 4](#)

- ☐ [Глава 5](#)

Анна Седокова

Я сильная. Я справлюсь

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
GooseFrol, AtthameeNi, Virinafl ora / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Седокова А., текст, фото, 2020

© Величко Д., Оршанский А., Палшков Н., Жукенов Д., фото,
2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Я стою в дикой пробке на московском бульваре. Стою уже битых 10 минут – никакого движения. Сигналят машины, водители нервничают, но сделать ничего нельзя. Только смириться. Осенний ветер сбрасывает с деревьев остатки оранжевых листьев, они ложатся под ноги гуляющим по бульвару людям.

Они идут по бульвару, держась за руки. Образцовая семья, из тех, чьи фотографии рекламодатели обожают помещать на коробки с йогуртом и стиральным порошком. Папа, мама и их пятилетняя девочка, красивые, веселые и счастливые. Родители держат малышку за руки с двух сторон, переговариваются о чем-то своем, смеются. Девочка время от времени подпрыгивает, бережно переносит через лужи. Им так хорошо. А я их ненавижу...

Мне больно смотреть на счастливые семьи. Когда я была маленькой, увидев ребенка, гуляющего с мамой и папой, я отворачивалась. Став старше, я придумывала себе миллионы объяснений неправдоподобности их счастья. Ведь оно ненастоящее. Оно не может быть таким. Папа явно гуляет или бьет детей, это просто на людях они такие, а дома друг друга ненавидят. Позднее в разговоре с психологом, когда я чинила свою голову, она попросила вспомнить меня пример счастливой семьи, я не смогла привести ни одного. Моя память заблокировала все, это был мой способ выжить. У меня не было ролевой модели «папа, мама, я – счастливая семья». У меня всегда была только я. Выжившая. Один на один с этой жизнью. И моей самой большой мечтой было однажды завести большую собаку. Чтоб она всех мудаков искусала, а меня защищала. Меня некому было защитить. Позднее в разговоре с психологом я услышала главную фразу о детской психике. Что бы ни случилось, ребенок должен чувствовать себя защищенным. Он должен знать, что ему есть к кому идти. Мне было некуда. Но моя история не об этом.

Мне было больно смотреть на счастливые семьи

Моя память заблокировала все, это был мой способ
выжить

Моя история похожа на тысячи других историй маленьких девочек, отчаянно пытающихся доказать, что они достойны любви, каждый раз старающихся словить то самое счастье, о котором читали в детстве. И даже в почти за тридцать продолжающих верить в чудо. Я – хорошая девочка, постоянно

влипающая в дерьмо, но научившаяся искать в этом исключительно позитивные стороны. Ведь это же к деньгам. Их в моей жизни было достаточно. Разные. Грязные, чистенькие, бандитские. Но я как никто знаю, что на них счастье не купишь. Только офигенные туфли. А это уже неплохо. Но начнем с самого начала. Перенесемся в прошлое. Пристегнитесь.

В моем детстве счастья не было. Меня бросили как ненужную вещь. Бросили, когда я была еще совсем ребенком.

– Давай, смелее, уходи к ней! Уходи сейчас же! И чтобы я тебя больше здесь не видела! – кричит мама.

Отец ходит по комнате, швыряет в чемодан свои вещи, злится. Они ругаются не первый час. Я в свои неполные пять лет уже насмотрелась подобных сцен, но интуиция подсказывает мне, что эта может стать последней – уж больно решительно папа собирает чемодан. Мне страшно. Очень страшно и больно. Он сейчас уйдет, и тогда конец нашей семье. «Надо попытаться его остановить» – решаю я. Становлюсь в дверном проеме, растопыриваю руки и ноги, как следует упираюсь ими в косяк. Никакая сила не заставит меня покинуть мой пост. Папа не пройдет. Он увидит меня и останется дома. Он меня очень любит, я знаю, он просто не сможет бросить меня. «Папа, не уходи», – реву я. Он меня даже не видит. Глаза, побелевшие от злости. Стекланный взгляд в никуда. Он с силой бьет меня по руке, отодвигает в сторону, делает шаг и захлопывает за собой дверь. Он даже не оглянулся.

Даже сейчас, спустя 30 лет, я чувствую, как болит место удара. Я могу показать это место.

Это уже потом, спустя много лет, я поняла, что уходил он не от меня. Когда я появилась на свет, между мамой и папой уже не было ничего, одни руины. Строго говоря, я вообще не должна была рождаться – к тому времени родители уже доругались до того, что видеть друг друга не могли, они уже расходились, жили отдельно, но, видимо, решили в какой-то момент дать друг другу шанс. Забеременев, мама даже думать не хотела о том, чтобы меня оставить. Отец ее уговорил, пообещав вернуться в семью, любить меня, носить на руках маму (но это не точно).

Хотя я очень мало знаю о совместной их жизни. Понятия не имею, где они встретились, как полюбили друг друга, но знаю, что это была любовь. Такая любовь, о которой пишут в книгах и поют в песнях еще со времен Шекспира. А они и были Ромео и Джульетта, только жили в Сибири. Все были против них: папин отец, известный профессор, не испытывал никакого восторга, узнав, что его сын встречается с дочкой медсестры и военного фотографа. Да и мамыны родители посчитали их союз

мезальянсом и запретили маме видаться с избалованным мальчиком из профессорской семьи. Мои папа и мама не придумали ничего лучше, как взяться за руки и сбежать от вздорной родни куда-нибудь подальше. Например, в Киев. Почему именно туда? Потому что там их никто не ждал, там не было ни родни, ни друзей – вообще никого, кто мог бы помешать их любви и счастью.

Они никогда не рассказывали мне об этой любви. Я знаю только об их ненависти, в которую любовь превратилась к моменту моего появления на свет. И это понятно: когда люди так сильно злятся друг на друга, их дети узнают только о том, что «твой папа – козел, не нужна ты ему» и что «мама пусть вернет все, что у меня забрала, тогда я смогу поговорить с ней о твоих алиментах, а пока пусть даже не думает». Алименты, деньги, вещи, квартиру – сколько я помню, они всегда что-то делили. Не делили они только одно. Меня. Папа сразу решил, что я останусь с мамой. А мама была слишком занята ненавистью к нему и выживанием в этой жизни, в которой она осталась одна с двумя детьми и разбитым сердцем.

Я не смогла спасти их брак. Папа ушел из дома, правда, не очень далеко – переехал на соседнюю улицу. Однажды мы с мамой возвращались из магазина, и она увидела папу. Он шел по своим делам, не замечая нас. Мама затолкала меня в ближайший подъезд, повернула к себе, схватила за плечи, начала трясти и тормошить, говоря:

– Сейчас ты заплачешь, потом выбежишь из подъезда, побежишь навстречу к папе, бросишься к нему на шею и будешь уговаривать вернуться домой. Давай, плачь!

От испуга и неожиданности я действительно расплакалась. В тот день я узнала значение слова «манипуляция».

На папу, впрочем, моя истерика действия не возымела, возвращаться он не планировал.

Мы остались втроем с мамой и старшим братом.

Это очень странно, но о том времени у меня не осталось почти никаких воспоминаний. Наверное, мое подсознание просто стерло их все, чтобы я могла как-то дожить до взрослого возраста, не сойдя при этом с ума. Но кое-что я все-таки помню.

Мы жили в маленькой двухкомнатной квартире обычной панельной девятиэтажки в самом что ни на есть бандитском районе на окраине города. В одной комнате мама, в другой – мы с братом. Мама, чтобы прокормить нас, работала с утра до поздней ночи, ведя английский язык и музыку в школе и подрабатывая репетиторством. У нее не оставалось ни сил, ни времени, чтобы любить нас, ну или хотя бы чтоб готовить еду. Мы были предоставлены сами себе. Знаете, я до сих пор испытываю невероятное удивление, когда кто-нибудь при мне рассказывает: «Пришла мама, приготовила ужин». Как это так: мама приготовила ужин? Она что, испекла пироги или сварила суп? Так можно было, что ли? В нашем меню обычно были макароны и сосиски. Пельмени иногда. Все, больше никакой еды мы с братом не знали. Это была не мамина вина, ей приходилось выбирать – либо готовить нам пироги, либо зарабатывать деньги, на которые можно было бы купить муку для этих пирогов. Она выбрала второе. А это означало, что пирогов в доме не было никогда. Иногда, правда, случались праздники – обычно это происходило 8 Марта или в День учителя, когда мама уходила в школу праздновать эти праздники с коллегами, а вернувшись, приносила нам в пакете недоеденные бутерброды с праздничного стола. Вот это был настоящий деликатес! С колбасой! С сыром! Правда, колбаса и сыр на них были не всегда, от некоторых бутербродов оставался только хлеб с маслом, и местами они были надкусаны, но все равно это был пир. Мы доедали эти объедки, откусывали маленькие кусочки и медленно пережевывали, чтобы

растянуть удовольствие. Чувствовали себя при этом самыми богатыми на свете.

У меня не было ролевой модели «папа, мама, я – счастливая семья». У меня всегда была только я

Я пишу эти строки, а в это время на кухню заходит моя старшая дочь и заглядывает в холодильник. Отодвигает в сторону икру, достает колбасу, спрашивает, есть ли в ней ГМО, а в хлебе – глютен и почему они вообще имеют право на существование, если в них все это есть. Потом делает себе бутерброд с авокадо и уходит. А я снова возвращаюсь мыслью к своим детским годам.

Икра там, кстати, тоже была. В один прекрасный день мама где-то раздобыла и принесла домой маленькую баночку красной икры.

– Ешьте, дети, это икра, вы обязательно должны ее попробовать, она полезная, – сказала мама, гордо протягивая нам свою добычу. Мы взяли ложки, зачерпнули от души, проглотили, скривились и выплюнули все обратно – икра совершенно нам не понравилась. В тот день мама еще раз вспомнила значение слова «неблагодарность». Но мы и в мыслях не хотели ее обидеть, нам просто было невкусно.

Помимо преподавания в школе мама занималась репетиторством. Времена были тяжелые, деньги были не у всех, и иногда ученики расплачивались с ней продуктами. Помню одну семью из какого-то дальнего села, денег у них не было совсем, зато был богатый урожай картошки. Мама за три мешка картошки учила их детей английскому. А когда наступили каникулы и дети отправились к себе в село, мама попросила взять заодно и меня – чтобы я там подышала чистым воздухом и немного поела. Незабываемая поездка – я забилась на заднем сиденье их «Запорожца» между чужими незнакомыми детьми, три часа смотрела на проплывающие пейзажи за окном и совершенно не понимала, зачем и куда я еду. Всю дорогу дети ругались то между собой, то с родителями, орали друг на друга матом (как потом выяснилось, это не из-за того, что они были злы друг на друга, просто там, откуда они родом, было так принято разговаривать). Когда мы наконец доехали до пункта назначения, я вошла в дом, забилась на печку и так и не слезла оттуда до конца своего пребывания. Единственный плюс этой поездки – они кормили меня жареной картошкой собственного приготовления. Ничего вкуснее я в своей жизни до этого не ела.

Позднее в разговоре с психологом я услышала главную фразу о детской психике. Что бы ни случилось,

ребенок должен чувствовать себя защищенным

Но не подумайте, что в моей жизни совсем не было праздников. Я была знакома с роскошью, с заграничными товарами, они были на расстоянии протянутой руки. В прямом смысле слова. Дело было так. Однажды во двор нашего киевского дома приехал огромный грузовик с польскими номерами, водитель-дальнобойщик почему-то решил щедро одарить нас, детей, заграничной жвачкой. Он чуть приоткрыл окно и начал кидать в щелочку пластинки в ярких обертках. Собрался весь двор, и все дети, как щеночки на мясо, кидались на это лакомство, ловя его на лету ртом. И я вместе со всеми подскакивала и ловила на лету эту жвачку. А человек смеялся над нами, снимал это на камеру. Это было первое на нашей планете вирусное видео, и, если бы тогда существовали соцсети, чувак получил бы свой миллиард просмотров. А так он просто развлекался.

В тот момент, когда отец ушел из нашего дома, вместе с ним ушла любовь. И нас поглотила обыденность. Маме было непросто. Ее обида на папу заглушала материнские чувства, к тому же она видела в нас продолжение отца и справиться с этим была не в силах.

Вся жизнь наша превратилась в борьбу. Мама боролась за то, чтобы не скатиться в финансовую пропасть, а я боролась за мамину любовь. Каждый день я должна была выйти победителем из какой-нибудь схватки, чтобы мама меня похвалила. Я побеждала собственную неидеальность, побеждала беспорядок в комнате и в своей жизни. Именно тогда у меня появилась уверенность в том, что любовь надо заслужить. Просто так меня любить никто не будет. Я должна все время доказывать миру, что я хорошая, и вот тогда, может быть, мир будет ко мне благосклонен.

Борьба с беспорядком и хаосом давалась особенно тяжело. Наша квартира была до потолка завалена каким-то хламом, старой ненужной мебелью, посудой, которой никто не пользовался, непонятными книгами, которые зачем-то были куплены, но так ни разу и не открыты. Самым жутким местом был балкон – на него сгружалось все, что уже не могло влезть в квартиру. Сначала мы выходили туда, но с большим трудом, потом перестали выходить – ступить было некуда. А со временем завалы достигли таких масштабов, что закрыли балконное стекло, и рассмотреть сквозь него улицу было уже невозможно. Однажды наша 11-летняя соседка вышла на свой балкон покурить (да,

такие нравы были в том доме) и кинула на наш балкон, в кучу этого хлама, непотушенный «бычок». Случился настоящий пожар. В тот момент нас не было дома, и в квартире находилась только наша собака которую мы все-таки завели, когда мне было около 17 лет. К счастью, пожарные приехали вовремя, все потушили, пса спасли. Мы были вне себя от счастья и не поняли, почему мама, попав в квартиру, с перекошенным от ужаса лицом побежала на балкон. Все же спаслись, почему такая паника? Оказалось, что на балконе, посреди всего этого жуткого хлама мама прятала золото. Тайник находился в старом резиновом сапоге. После недолгих поисков выяснилось, что пожарные «спасли» и золото тоже. Унесли все, что было нажито непосильным трудом.

Мама тяжело переживала потерю, а нами с братом овладела страсть к переменам и жажда нового. Однажды, оставшись дома одни, мы поняли, что надо действовать. Решили поменять интерьер нашей квартиры, и хотя слово «лофт» было тогда никому не знакомо, именно этот стиль мы выбрали в качестве основы нашего дизайна. Для начала взяли и вынесли все, что нам показалось лишним, на помойку. Среди лишнего оказалась шикарная коллекция хрустальных салатниц и ваз. Ликовал весь район! А мама, придя домой, застала отличную картину: абсолютно пустая квартира, по углам красиво расставлены стол, три табуретки и три кровати. А посреди всего этого великолепия – рулон новых обоев, который мы с братом приобрели на сэкономленные деньги и собирались клеить поверх старых. На новых обоях – какой-то жуткий убийственный орнамент зеленого цвета, но все равно они не идут ни в какое сравнение со старыми – обшарпанными и в некоторых местах висящими клочьями.

Игрушек у меня не было – нам на еду-то не всегда хватало, а если бы мама еще и игрушки покупала, мы моментально бы вышли из бюджета. На Новый год, когда все дети получали вожделенные Барби или радиоуправляемые машинки, мне дарили мандарин. Но справедливости ради, надо сказать, что мама буквально из кожи вон лезла, чтоб хотя бы раз в году все-таки устроить нам праздник. Под елкой стоял игрушечный Дед Мороз, и каждое утро в течение 12 новогодних дней около него появлялся какой-нибудь маленький сюрприз. Сегодня мандарин, завтра колготки, послезавтра – цветной карандаш. Мы с братом просыпались как можно раньше и бегом бежали смотреть, что принес Дед Мороз на этот раз. Эту милую традицию я сохраняю в своей собственной семье по сей день, и мои дети точно так же вскакивают с утра и бегут к елке за сюрпризом.

Моя история похожа на тысячи других историй маленьких девочек, отчаянно пытающихся доказать, что они достойны любви

Но как бы ни старалась мама, игрушек мне очень не хватало. Единственным моим другом тогда был плюшевый песик Бимка, появившийся в доме в незапамятные времена, когда я была совсем маленькой. Я спала с ним в обнимку и каждую ночь, засыпая, просила, чтобы он меня защитил (я тогда искренне верила в то, что ночами игрушки оживают, собираются все вместе и обсуждают, как им помочь своим хозяевам). А когда мне было лет 12, у меня появился второй защитник. Я тогда пела в народном ансамбле, мы поехали на гастроли в Германию, и добрые местные жители отдали нам, бедным советским детям, мешок кем-то уже попользованных мягких игрушек. Я до сих пор помню фиолетового дракошу, который мне достался, – он был грязный, весь в каком-то варенье, но я была счастлива, потому что это же был мой собственный дракоша.

Отец и мать ненавидели друг друга так, как только можно себе было представить. Между ними была выжженная земля, на которую то и дело с двух сторон падали бомбы и снаряды, а я была заложником этой ненависти, и эти снаряды валились прямо мне на голову. После того как папа ушел, он появлялся в моей жизни всего три раза, но я знала, что они с мамой общаются. Правда, общением это назвать было нельзя, скорее войной, они с жуткими скандалами бесконечно делили какие-то грязные носки, ругались друг с другом из-за алиментов, а однажды я пришла

домой и обнаружила, что одна из комнат в нашей квартире закрыта на ключ – оказывается, родители судились из-за собственности, и в какой-то момент постановление о разделе имущества (нашей маленькой двушки) вступило в силу. Папа повесил на свою часть недвижимости огромный замок.

Поначалу я еще его ждала. Мечтала, что придет, поговорит со мной, подарит что-нибудь. Однажды мечта сбылась. Папа приехал и подарил мне ярко-бирюзовую шапочку и такого же цвета шарфик, которые я носила не снимая лет пять (с тех пор бирюза – мой любимый цвет). А еще преподнес банку жвачки – помните, были такие жвачки в виде разноцветных фруктов с разными вкусами? Банка стояла у меня в комнате на видном месте, я доставала оттуда по большим праздникам по одной жвачке и жевала, пока она не начинала по вкусу напоминать пластилин. Вторая встреча была куда печальнее. Он объявил, что мой брат – не его сын.

– Ты же сама видишь, вы совершенно не похожи! – уверенно произнес он.

Вечером, вернувшись домой, я подошла к зеркалу, подозвала брата, и мы с ним долго-долго стояли рядом, пытаюсь найти сходство. Брови у него были чуть шире моих, и мы решили исправить ситуацию – выщипали ему брови. Очень хотели доказать папе и всем вокруг, что мы родные. Была и еще одна встреча. Я тогда танцевала в народном ансамбле, и у нас намечались первые гастроли за рубеж. Можете себе представить, что такая поездка значила для меня, девочки из беднейшей семьи, которая за границу видела только на картинках. Мы с мамой долго копили сто долларов, которые необходимо было внести за билет, – огромные для нас деньги. Отказывали себе во всем. Наконец сумма была собрана и судьба поездки решена. Оставалось дело за малым – взять у отца согласие на мой выезд за границу. Лет 13 мне уже было, то есть с момента, когда папа, ударив меня по руке, покинул наш дом, прошло уже 8 лет. И вот мама устроила нам с папой встречу у нотариуса, но он почему-то не пошел в кабинет подписывать бумагу, а попросил меня погулять с ним немного. Мы ходили вокруг дома, где располагалась нотариальная контора, и говорили, говорили, говорили. Папа долго рассказывал о том, какая мама плохая, о том, какой она ужасный человек, о том, как она забрала у него все и ничего ему не оставила. И в финале нашей с ним беседы объявил, что никакую бумагу он подписывать не станет, пока мама не отдаст ему военный билет. На гастроли я в тот раз так и не поехала.

Через 20 лет история повторилась, только на этот раз действующие лица были другими. Я уже тогда развелась со своим первым мужем, и мне надо было попросить у него разрешение на выезд за границу нашей дочери Алины. Как меня колотило! Я вспоминала все подробности того разговора с отцом и понимала, что сейчас все повторится. И мне опять не дадут эту бумагу. А я буду просить, умолять, доказывать. Так и произошло. И повторялось раз за разом, я снова и снова приходила к Вениамину за злосчастной бумагой, он снова, чувствуя мою слабость и уязвимость, издевался надо мной, но, вдоволь покуражившись, разрешение все-таки подписывал. И эта моя дотошность спасла меня однажды. Через пять лет после того, как мы уехали с Алиной в Америку, Вениамин вдруг решил подать на меня в суд за то, что я ее туда незаконно вывезла, разлучив с ним. И оказалось, что я не зря просила документ на каждый ее выезд, не зря преодолевала свой детский страх и волнение, не зря унижалась. Предоставив суду кипу подписанных лично Вениамином разрешений на выезд, я доказала, что он блефует и что на самом деле Алину никто не крал, она выезжала в Америку с согласия папы.

Это был первый суд в моей жизни, как в американском кино. Страшный судья, запрещающий с ним разговаривать, и судьба моего ребенка, которого могут десантировать из страны. Тогда я думала, это был самый страшный суд. Но я ошибалась. Это было всего лишь начало.

Меня спас мой страх. Можно было бы просто подойти к Вениамину и попросить у него одно-единственное разрешение сразу на пять лет, но я на это так и не осмелилась. Я была в плену своих детских терзаний и подумала, что лучше не нагнеть: вдруг такой срок его только больше разозлит? И каждый раз клянчила новую бумагу – на неделю, на две, на три. Одно разрешение Вениамин еще мог бы оспорить в суде, заявить, что я подделала его подпись или подкупила нотариуса. Но когда я предъявила судьям целую папку разрешений, дело было закрыто.

Знаете, я в какой-то момент даже рада была, что мы живем без папы. Иногда я оглядывалась вокруг, смотрела, как живут другие семьи, те, в которых папы имелись, и понимала, что завидовать там нечему. Наверху, над нами, жила семья: папа, мама и две девочки. В доме была превосходная слышимость, и каждый вечер мы вынуждены были прослушивать очередную порцию скандалов в исполнении этого семейства: сначала родители орали друг на друга, потом они хором орали на детей. По выходным действо становилось круглосуточным – делать больше было нечего. Девочкам доставалось больше всех, а особенно рьяно надрывался их отец. А под нами была семья, где ее глава был тираном и деспотом, и орал он один – и на свою жену, и на детей. Наслушавшись этих ежедневных криков, я как-то раз сказала: «Мама, а все-таки хорошо, что папы у нас нет. Никто на нас не орет».

Во взрослой жизни я получила от отца две весточки. Первая случилась, когда мне было 18 лет. На электронную почту пришло письмо. В нем говорилось, что моя мама очень плохая женщина, и в конце были выдвинуты требования: пусть она вернет кинокамеру, которую много лет назад украла у папы. Я ничего не поняла, долго размышляла, о какой кинокамере идет речь и почему это все адресовано мне. В конце концов, решила, что папа к этому письму никакого отношения не имеет и что, скорее всего,

писал его кто-то другой. Через несколько лет, когда я была уже беременна, пришло второе письмо, на этот раз уже от папы. «Хотелось бы знать, когда у меня появится внук?» – говорилось в письме. И это все. После стольких лет, проведенных порознь. Ни слова больше.

В 2010 году в нашем доме в Лос-Анджелесе раздался звонок и незнакомый голос на том конце провода сказал, что папа умер. От сердечного приступа. Ему было чуть за 50. В тот момент я обучалась в актерской школе, и в моем монологе были слова про последний вздох. Когда я услышала этот голос в трубке, первое, что я подумала, что я во всем опять виновата. Через 20 лет жизни, никогда не видев его больше, я все равно винила себя в его смерти. Я привыкла винить себя во всем.

Потом, уже после его похорон, я много общалась с людьми, которые знали его при жизни, и все они в один голос говорили: «Он тобой очень гордился». «Твой папа так и не смог пережить все, что с ним произошло. Он так и не оправился от развода с твоей мамой и от того, что вас с братом в его жизни больше нет», – объяснили мне. Думаю, виноваты были в этом две женщины, которые так и не смогли разделить любимого мужчину – моя мама и та, другая, к которой он тогда ушел. Мама ненавидела его, эта женщина ненавидела нас, и они раздирали его на части своей ненавистью. Удивительно, что папа так и не решился любить нас. Он сделал выбор в пользу другой женщины, которая, буквально через пару недель после того, как папы не стало, рассказывала папиным родственникам о новом мужчине: «Наконец-то у меня в жизни хоть секс хороший появился». Удивительно, как неправильно делают выбор взрослые. Какие суки бывают женщины. И как слабы бывают мужчины. Ненавижу слабых мужчин. Наверное, я вижу в них своего отца. Все мы видим в мужчинах своего отца.

Я – хорошая девочка, постоянно вляпывающаяся в дерьмо, но научившаяся искать в этом исключительно позитивные стороны

До 35 лет я прожила с осознанием того, что мой папа – монстр, который ненавидит всю нашу семью, желает нам только зла, а я ему просто не нужна. Я злилась на него, всю жизнь хотела доказать ему, что я хорошая, что меня можно любить. Жила с мыслью о том, что меня предал самый близкий человек. Который к тому же продолжает жить в соседнем районе и ничего не желает делать для того, чтобы как-то эту ситуацию исправить. Такие мысли, зародившись в голове у девочки в раннем детстве, бросают тень на ее отношения со всеми мужчинами, которые

будут ей встречаться во взрослом возрасте (это подтвердит вам любой специалист). Я была не исключением, мучительно искала в каждом из своих мужчин отца. А, как мы все знаем, подобные поиски всегда ведут в тупик. И только спустя много лет, пройдя сквозь множество отношений, которые я собственноручно поломала, проработав всю эту ситуацию с психологом и поговорив с людьми, которые знали отца при жизни, я поняла, что в действительности все было совсем не так, как мне рассказывали.

Человек, существовавший в моем сознании исключительно в образе монстра и чудовища, на деле оказался моим спасителем. И если у вас есть достаточно попкорна для продолжения, я вам расскажу, как все было на самом деле.

Когда мне было три года, случилась авария на Чернобыльской АЭС. Эта трагедия потрясла весь мир, а в нашем городе случилась настоящая паника, ведь катастрофа произошла всего лишь в ста километрах от нас. Все, кто мог, эвакуировались, а те, кто не мог никуда уехать, спешно придумывали, куда бы отправить детей. Меня увезли в Томск к маминим родителям. Там я мгновенно стала предметом всеобщего обожания – дедушка играл мне на аккордеоне и пел вместе со мной песенки, бабушка непрерывно кормила всякими вкусностями, тетя играла со мной. Бабуля и дедуля меня научили говорить и даже читать. Я прижилась там, полюбила их всей душой. И в этом сказочном мире любви я прожила два года, пока вдруг не приехал папа и не забрал меня оттуда. Потрясение было очень велико. Я перестала разговаривать, а когда начала вновь – стала сильно заикаться.

«Ты знаешь, а ведь он тебя украл у бабули с дедулей, забрал в одной пижамке на голое тело посреди зимы и увез», – рассказывали мне, повзрослевшей, родственники, вспоминая те дни. Поскольку я очень любила дедулю с бабулей, я тут же положила этот факт в копилку плохих поступков, связанных с отцом, – вот, мало того, что бросил маму, еще и меня выкрал. И только спустя годы я узнала, как все было на самом деле. Отправляя меня в Томск, родители предполагали, что я поживу там неделю-другую, а в результате все затянулось на два года. Никакой угрозы моему здоровью жизнь в Киеве спустя два года уже не представляла, но домой меня не забирали, аргументируя это тем, что у бабули мне будет лучше. Мама так решила. А мой папа очень скучал по мне. Он безумно меня любил, но целых два года не мог увидеть свою дочь. Да что там увидеть – даже позвонить в другой город в то время было проблематично! Не было ни фейстайма, ни ватсапа, ни видеосвязи. Я представить себе не могу, чтобы сейчас кто-то увез моего ребенка от меня на

два года без всякой возможности даже говорить по телефону. Это было бы просто невозможно пережить!

Понимая, что так может продолжаться бесконечно, он психанул, плюнул на все, купил билет на самолет и прилетел с твердым намерением вернуть меня домой. Понимая, что по-хорошему меня ему не отдадут, он пошел на хитрость. Сказал: «Я пойду погуляю с Аней», – а сам отправился в аэропорт и увез меня в Киев первым же рейсом.

Понимаете, я же была его ребенком, его любимой дочерью, он два года по мне тосковал. И рисковал вообще больше никогда не увидеть. Что он должен был еще делать? Конечно, приехать и забрать домой. А мне преподнесли этот его поступок, абсолютно законный и разумный, как величайшее преступление.

Как только кусочек пазла под названием «Томск» в моей голове сложился, я решила собрать недостающие участки. Стала по крупицам собирать информацию о своем отце, о том, как он на самом деле к нам относился, и оказалось, что он всю жизнь меня любил и за меня боролся. Но он, жертва обстоятельств, попал в такие жернова, противостоять которым не мог. И по-хорошему, конечно, ему надо было взять за руки обеих женщин, и маму, и ту, другую, сжать покрепче и сказать: «А ну-ка, обе, молчите и дайте мне общаться с моими детьми так, как этого хочу я!» Но он не мог этого сделать. Не хватило характера. Теперь я понимаю, что он хороший был, добрый, классный парень, душа компании, но слабый. Он выбрал путь наименьшего сопротивления, но так и не смог пережить того, что его разлучили со мной. Так и умер, ничего не исправив.

Мне страшно. Очень страшно и больно. Он сейчас уйдет, и тогда конец нашей семье. Он даже не оглянулся

И вот когда я наконец-то все это осознала – мой мир перевернулся с ног на голову буквально в несколько дней. Я, девочка, выросшая без папы, вдруг поняла, что папа у меня был. Все эти годы он думал обо мне, любил меня и поддерживал – пусть на расстоянии. Как и все девочки, выросшие без папы, я испытывала постоянное чувство одиночества. Когда у ребенка есть полный комплект любящих родителей – он, даже став взрослым, чувствует, что защищен. Что за его спиной в любой схватке стоят еще два защитника – мама и папа. Даже если они в тот момент далеко. Даже если их нет на свете. Когда у ребенка только один родитель, он все время ощущает за спиной, в том месте, где должен быть второй, – зияющую пустоту. И всю жизнь старается эту пустоту чем-то заполнить. Поскольку у меня не было главного мужчины – отца, я старалась компенсировать это отсутствие, ища его черты во всех мужчинах, которые попадались мне на пути. Хотела, чтобы обо мне заботились, как о маленькой девочке. Искала себе папу. И в результате это неизменно приводило к краху отношений. А стоило мне осознать, что папато у меня все-таки был, – эта зияющая пустота за спиной стала затягиваться. Конечно, это случилось не сразу, я долго работала над собой. В системно-векторной психологии есть такая практика,

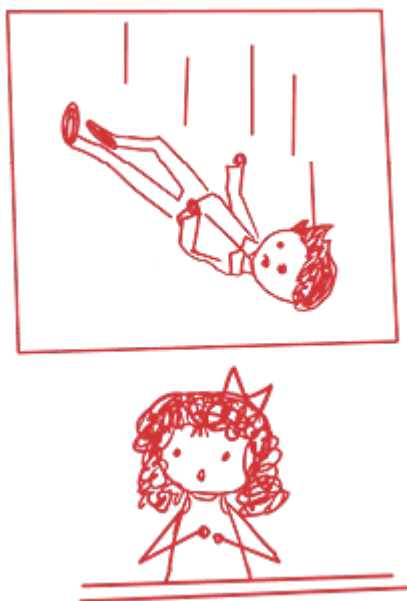
когда человек мысленно ставит рядом с собой фигуру отца и учится с ним общаться. Пытается ему что-то сказать или представляет, как отец обнимает его. Я долгое время не могла даже мысленно обняться с папой. Мне было невероятно больно. Но постепенно рана затягивалась, и я стала свободной. Мне больше не надо заполнять пустоту.

– Мама не разрешала мне видаться с вами, – сказал мне однажды папа, и я тогда восприняла его слова как должное. «Ну действительно, – подумала я, – а что ему еще оставалось делать? Мама же не разрешила? Значит, пришлось вычеркнуть нас из своей жизни». И долгое время меня в этой ситуации ничего не тревожило, все казалось логичным. А потом, уже став взрослой, я вдруг поняла, что виноваты в сложившейся ситуации они оба. Что значит «мама не разрешала»? Мужчины вообще не любят сложностей. Я часто слышу от знакомых, что их бывшие супруги не дают им детей, не разрешают с ними видаться. И не устаю повторять:

– Ребята, боритесь за дочерей, за сыновей, идите в суд, доказывайте, что вы имеете полное право проводить половину времени со своими детьми, выбивайте себе время для встреч, только не бросайте их. Вы нужны им. Вы должны заполнить ту самую зияющую пустоту за их спинами, иначе они будут ощущать ее всю свою жизнь.

Я всю жизнь пыталась заслужить любовь родителей. И папы, которого не было рядом, и мамы, которой было сложно любить. Она тяжело работала и должна была одна прокормить двух детей. Когда она, отпахав в школе и на ниве репетиторства, приходила домой – у нее, мне кажется, оставались силы и время только на то, чтобы из всех сил ненавидеть папу, потому что именно он сделал ее жизнь такой несчастной. На любовь к нам с братом ее уже не хватало. Никакой особой поддержки, никаких объятий и поцелуев, никаких душевных разговоров – ничего этого не было в нашем доме. Мама считала, что чем больше она меня будет ругать, тем лучше я буду становиться. Книг по психологии в то время почти не было, а те, что были, пропагандировали именно такой подход к воспитанию детей – главное, не перехвалить. Да и жизнь не особо располагала к тому, чтоб целовать, гладить и хвалить. Мы выживали, как могли. Дом, в котором мы жили, и район, в котором он находился, тоже не очень способствовали этому. Там не было места нежности и возвышенным чувствам. Каждое утро я просыпалась в 5.30 от рева моторов, визгов автомобильных сигнализаций, криков людей – под нашими окнами располагался рынок, куда с самого раннего утра уже начинали стекаться продавцы и покупатели. Все это шумело,

кричало, торговалось, спорило до позднего вечера, оставляя после себя по ночам горы мусора и полчища крыс. И я долго не могла понять, что хуже – живые крысы, шныряющие под ногами, или крысиные трупы, воняющие на весь подъезд. Впрочем, человеческие трупы пахли еще хуже. Этот запах сопровождал меня все детство. Время от времени с крыши нашего дома сигал вниз какой-нибудь безумный самоубийца, и его останки долго лежали под нашими окнами, пока их не увозила «Скорая». Однажды один такой отчаявшийся пролетел мимо моего окна, когда я, сидя за столом в кухне, ела мороженое. Регулярно у нас в подъезде убивали кого-то (бандитские разборки) или выносили оттуда очередного переборщившего с дозой наркомана. Со временем я даже научилась отличать по виду – он сидит вон там, у стены, весь синий, но пока еще живой, или можно уже вызывать труповозку.

Но больше всего мы боялись не наркоманов, и не трупов, и даже не стрельбы под окнами. Страшнее всего были маньяки. Я заходила в подъезд, обмирая от ужаса. Я не знала, кто ждет меня за дверью, которая не запиралась на кодовые замки и была пристанищем для всего отребья нашего жуткого района. Света внутри никогда не было, лампочку разбивали ровно через пять минут после того, как какая-нибудь добрая душа вкручивала ее в патрон, стремясь сделать нашу жизнь хоть немного светлее. Убегать от отвратительных извращенцев, путающихся в собственных расстегнутых штанах, приходилось постоянно.

Но оказалось, что самый страшный маньяк поджидал меня в моем собственном доме. Когда мне было лет 9, к моей маме начал захаживать в гости дядя Сережа. Он жил в соседнем подъезде, у него была прекрасная семья – жена и две дочки. По воскресеньям днем они прогуливались по бульварам всей семьей, чинно держась за ручки, а я, не наученная тогда еще горьким опытом и не знавшая правды жизни, смотрела им вслед и думала: «Ну надо же, как они все любят друг друга». А вечерами, прогулив свою жену по бульвару, дядя Сережа приходил к моей маме. Я не особо вдавалась в подробности, зачем он приходит и чем они там занимаются за закрытой дверью. Я бы вообще не обращала на него никакого внимания, если бы ночами дядя Сережа не приходил ко мне. Он открывал дверь в мою комнату и замирал над моей кроваткой. Сначала стоял и смотрел на меня, думая, что я сплю. Потом осторожно просовывал руку под одеяло и начинал гладить меня по голой ноге. С каждым разом забираясь все выше и выше. Я перестала спать ночами, с ужасом ждала, что вот сейчас скрипнет дверь маминой комнаты и я услышу тяжелые шаги. А между тем он все основательнее прописывался в нашей квартире. Однажды, отругав меня за какой-то проступок, снял ремень, задрал мне юбку и начал пороть меня. Я не знала, как реагировать: меня никто никогда не бил.

Говорить что-либо маме я боялась – видела, как она была счастлива с дядей Сережей, впервые за много лет, и не хотела это счастье разрушить. Я решила терпеть. Просто стиснуть зубы и терпеть. Правда, однажды нервы сдали. Я зашивала свою плюшевую игрушку и вдруг, взглянув на иголку, поняла: сейчас или никогда. У дяди Сережи был свой стул на нашей кухне, он, приходя к нам, всегда садился именно на него. Я воткнула иголку острием вверх в сиденье этого стула и убежала к себе в комнату. Через несколько минут раздался крик. Мой расчет оказался верным. Мама страшно ругалась на меня, сильно наказала.

После этого его ночные визиты ко мне участились, и в одну из ночей, когда его рука зашла уже слишком далеко, я не выдержала и закричала. Мама прибежала мгновенно, все поняла без слов, и больше дядя Сережа к нам не приходил. А я еще несколько лет не могла спать по ночам, вновь и вновь ожидая этого кошмара.

Через несколько дней я увидела дядю Сережу с его семьей – женой и двумя дочками моего возраста. Им было лет 8, как и мне. Они счастливо вышли из соседнего подъезда и ушли по осеннему бульвару. Под ногами у них шуршала осенняя листва. В тот момент я и захотела большую собаку. После я внезапно увидела дядю Сережу спустя почти 15 лет. Он пришел с моей мамой ко

мне на день рождения.

*
**

Из внешнего мира я тоже не получала никакой поддержки. В школе меня не любили. А за что меня было любить? Внешне ничем не примечательная девочка в старенькой дешевой юбке, каждый день заплетающая волосы в две неизменные косички от висков, переходящие в хвостик. Понятно, что популярностью я не пользовалась. И никак мне было не дотянуться до нашей местной звезды по имени Сюзанна (одно имя чего стоит!). У Сюзанны были неземной красоты длинные пышные волосы, яркие лосины, она была невозможная красавица. И мама у нее была красавица. Веяло от них спокойствием, богатством, достоинством. А я каждый день возвращалась домой, в свою комнату, где на стенах красовались еще папой нарисованные мультяшные Винни Пух и ослик Иа, залезала на второй этаж нашей с братом двухъярусной кровати, грустно смотрела на заваленный хламом балкон, из которого не видна была улица, и размышляла, как мне стать похожей на Сюзанну.

Когда люди так сильно злятся друг на друга, их дети узнают только о том, что «твой папа – козел, не нужна ты ему»

Денег на одежду в семье не было никаких. Однажды мама разорилась и купила мне лосины – тогда их все носили. Это была моя мечта, я смотрела на других девчонок, у которых был полный комплект лосин – и розовые, и голубые, и ярко-салатовые, – и мечтала, что когда-нибудь и я смогу пройти в таких по улице. И

вот мама купила их мне, на моих глазах торжественно положила в самый дальний угол шкафа и сказала, что надеть я их смогу только на праздник. До ближайшего праздника ждать было долго, я вычеркивала дни в календаре, а когда наконец там остался один незачеркнутый день, достала лосины из шкафа, надела... и разрыдалась. Они стали мне безнадежно малы. Еще одним поводом для рыданий стали коньки. Прямо перед нашим домом было небольшое озеро, и зимой, когда оно замерзало, весь район приходил туда кататься на коньках. Это были одни из самых счастливых моментов моего детства – такая чистая, незамутненная ничем радость. Впрочем, продолжалась она недолго, я стала замечать, что в коньки мне стало влезать все труднее. Нога росла, а о том, чтобы попросить у мамы новые коньки, на размер больше, можно было даже не мечтать. И, знаете, я изобрела способ, как мне решить эту проблему. Я доходила до озера, там разувалась, ждала, пока ноги хорошенько замерзнут – прямо до онемения и полной потери чувствительности, – и потом этими замерзшими ногами залезала в коньки. Замерзшие пальцы не чувствовали дискомфорта от того, что ботинки безнадежно малы, и я могла кататься. Таким образом я каталась в этих коньках еще два года.

Из одежды я вырастала так же стремительно, и мой и без того небогатый гардероб в средних классах школы стал оскудевать с драматической быстротой. Но здесь был кое-какой выход. Я много читала, и любимой книжкой была история про маленькую девочку, к которой прилетала добрая фея и учила ее готовить, вязать и шить. Называлась книжка «Калинкины истории». Я зачитала ее до дыр и постепенно научилась всему, чему учила девочку фея. Я освоила швейную машинку и время от времени залезала в шкаф с мамиными старыми вещами, о которых она уже и думать забыла, а выкинуть руки не доходили, и перешивала их. Находила где-то тесьму, убирала лишнюю длину, пришивала какие-то меха – и мне казалось, что я хоть немного становлюсь похожей на Сюзанну.

Одноклассники, впрочем, так не считали. Ни тесьма, ни меха не делали невзрачную девочку Аню яркой и интересной личностью. К тому же я для них была «училкина дочка», и, хотя моя мама никогда у нас в классе ничего не вела, все равно они были уверены, что я за ними шпионю и все докладываю матери. А мои хорошие оценки по всем предметам их только злили – конечно, мне же ставили пятерки исключительно потому, что мама работала в школе! Однажды даже несколько девочек собрались, чтобы меня побить. Требования они при этом выдвигали невнятные, я так и не поняла, что именно они от меня

хотели, да и не старалась понять – инстинктивно поняла, что надо просто «сделать ноги», и убежала. С тех пор способность быстро бегать спасала меня не раз.

Я была изгоем. Единственные существа, которые соглашались со мной дружить, – дворовые собаки. Я их прикармливала, гуляла с ними. Разумеется, мама и слышать не хотела о том, чтобы взять хоть одну собаку к нам домой, и мои друзья жили у меня в коробке на лестничной клетке. Одна из собак, смешная маленькая дворняжка по кличке Джуля, целый месяц сопровождала меня во всех моих передвижениях. С утра мы с ней шли в школу, она терпеливо ждала, пока закончатся мои уроки, дожидаясь у калитки, радостно меня встречала, и мы шли домой. Если вечером мне предстояло идти на какой-нибудь кружок, я точно знала, что пойду не одна – Джуля обязательно проводит меня туда, дождется и снова сопроводит до дома. Однажды Джуля исчезла из моей жизни раз и навсегда. Точно так же внезапно, как папа когда-то.

КОГДА У РЕБЕНКА ЕСТЬ ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ ЛЮБЯЩИХ РОДИТЕЛЕЙ – ОН, ДАЖЕ СТАВ ВЗРОСЛЫМ, ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ЗАЩИЩЕН. ЧТО ЗА ЕГО СПИНОЙ В ЛЮБОЙ СХВАТКЕ СТОЯТ ЕЩЕ ДВА ЗАЩИТНИКА – МАМА И ПАПА. ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ В ТОТ МОМЕНТ ДАЛЕКО. ДАЖЕ ЕСЛИ ИХ НЕТ НА СВЕТЕ. КОГДА У РЕБЕНКА ТОЛЬКО ОДИН РОДИТЕЛЬ – ОН ВСЕ ВРЕМЯ ОЩУЩАЕТ ЗА СПИНОЙ, В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВТОРОЙ, – ЗИЯЮЩУЮ ПУСТОТУ. И ВСЮ ЖИЗНЬ СТАРАЕТСЯ ЭТУ ПУСТОТУ ЧЕМ-ТО ЗАПОЛНИТЬ.

Глава 2

Несмотря на, то что в школе я была круглой отличницей и мне одинаково легко давались и гуманитарные, и точные науки, довольно рано стало понятно, что ни гениальным математиком, ни перспективным филологом я вряд ли стану. Науки меня не привлекали никак. И было очевидно, что, скорее всего, успех меня будет ждать на артистическом поприще. Подавляющее большинство детей ненавидели, когда мамы ставили их на табуретку и просили прочитать стихи для Дедушки Мороза. Меня упрасивать не приходилось, я залезала на табуретку при любом удобном случае и декламировала стихотворения километрами. Я их легко заучивала и звучным голосом, с выражением, трогательно и торжественно читала перед собравшимися родственниками. На этой же самой табуретке был впервые исполнен незабвенный хит «Эй вы там, наверху». Я брала в руки швабру и, пародируя Аллу Борисовну Пугачеву, стучала ею в потолок. Потом был «Синенький скромный платочек»

в сопровождении дедушкиного аккордеона и множество других песен. В общем, было очевидно, что мое будущее – артистическая карьера.

Мама тоже разглядела во мне артистку и в один прекрасный день повела меня на прослушивание в ансамбль народной песни. Меня прослушали, на меня посмотрели, пожали плечами и сказали: «Ну, ничего особенного, конечно. Солисткой вашей девочке не быть. Но если у вас время есть – ходите к нам». И я стала ходить. Времени у меня было не очень много – после обычной школы я каждый день ходила еще и в музыкальную, а до места, где базировалась репетиционная база ансамбля, надо было ехать час на автобусе, шесть остановок на метро и потом еще идти пешком. Но я как-то справлялась с таким графиком, трижды в неделю мотаясь через весь город на репетиции хора.

Алименты, деньги, вещи, квартиру – сколько я помню, они всегда что то делили. Не делили они только одно: меня

Мне нравилось петь в хоре, даже несмотря на то, что я никогда не была там солисткой. Я была девочкой, которой говорят: «Слушай, ты встань где-нибудь там, сбоку, в третьем ряду, ладно?» Любой детский хор тогда был устроен следующим образом: на выступлениях в первом ряду стояли красавицы с хорошими голосами. Во втором – девочки попроще с голосами похуже. А в третьем располагались все остальные (ну надо же их было куда-то девать). Внешность у меня была средненькая, голос средненький, и я считала, что третий ряд – это вполне заслуженное место. И даже то обстоятельство, что абсолютно у всех участников хора, кроме меня, были свои сольные номера, меня не смущало. Главное – я на сцене. Остальное неважно.

Самым большим счастьем на свете были для меня поездки с хором на гастроли. Можете себе представить, каково было мне, девочке, жившей в бандитском районе, в подъезде, где никогда не горел свет, в квартире, где из игрушек был только плюшевый Бимка, оказаться первый раз в Германии или во Франции? Это было путешествие в мир счастливых людей, где никто не ругался, все друг другу улыбались. В этом мире я выходила на сцену в красивом наряде и пела, а все на меня смотрели и аплодировали. В моем обычном мире я была никем, а там становилась кем-то, пусть даже третьим в пятом ряду. Конечно, это были гастроли далеко не люксового уровня, бизнес-классом там и не пахло, запахи были совсем другими. Мы добирались до места назначения на автобусе – на старом разбитом «Икарусе». Бесконечно колесили по дорогам Европы для того, чтобы доехать

до небольшого городка где-то в немецкой или чешской глубинке и дать единственный концерт в местной школе или в церкви. Получалось обычно так: пять дней не выходишь из автобуса, который везет тебя через всю Европу, два дня на выступление и обратно домой, еще пять дней в пути. Ели и спали мы прямо там, в автобусе. Особым шиком считалось, если тебе удалось застолбить место для сна в проходе между сиденьями. Там, на полу, было жутко холодно, ледяные сквозняки и железный пол, но почему-то спать там считалось очень круто. Мы брали с собой в поездку все теплые вещи, которые у нас были дома, чтобы создать хоть какое-то подобие комфорта и уюта. Но на самом деле мы не особо заморачивались какими-то там условиями проживания. Мы едем в путешествие, мы вместе, мы – дружная компания. И вот она, наконец-то, семья, которой у меня никогда не было и которую я всю жизнь искала. Что еще нужно?

Изучить как следует те страны, в которые мы приезжали, нам не удавалось, расписание было очень плотным. Но даже того, что нам удавалось разглядеть из окна нашего «Икаруса», было достаточно, чтобы понять – мы попали совсем в другой мир, совершенно не похожий на тот, что ждал нас дома. Мы смотрели на людей, на деревеньки и маленькие городки, сквозь которые проезжали, на школы, в которых оказывались в день выступления, и мечтали только об одном: жить в таком городке и учиться в такой школе. И именно там и тогда я поняла, что надо приложить максимум усилий, много работать, чтобы как-то выбраться самой из той нищеты, в которой мы все жили, и по возможности вывезти оттуда всю семью – маму, брата и бабушку.

В одной из этих поездок случился и первый романтик в моей жизни. На тот момент мне уже исполнилось 14 лет, а я ни разу еще ни с кем не целовалась. Не сказать, чтобы меня особо тяготило это обстоятельство, но время от времени я размышляла, каким он будет, мой первый поцелуй. А чтобы быть хоть немного подготовленной к волнующему событию, я тренировалась... на помидорах. Брала из холодильника помидор, уединялась с ним на втором этаже нашей с братом двухэтажной кровати, чтобы никто из домашних не видел, и репетировала. И вот однажды отправились мы в Португалию, и там, помимо нашего хора, оказалось еще несколько ансамблей из разных стран. Мальчики быстренько все передружились, и, слово за слово, у них возник какой-то животрепещущий спор. Не знаю, что они там делили, но по условиям этого спора проигравшая сторона должна была поцеловать самую страшную девчонку. В результате спор проиграл один парень из Польши. А самой страшной девчонкой всего объединенного состава международных хоров назначили...

меня. Парень, надо отдать ему должное, ничего мне про этот спор не сказал. Он обставил событие невероятно романтичным образом – пригласил меня ночью на стадион неподалеку от нашей гостиницы. Взял за руку, вывел на поле и поцеловал. Парень был очень худенький и не очень красивый, но мне в тот момент было совершенно все равно, как он выглядел. Свершилось то, чего я так долго ждала, – первый поцелуй.

Разумеется, как только я вернулась в отель, добрые подружки тут же доложили мне все как есть – и о том, что этот парень поцеловал меня только потому, что проиграл пари, и о том, что я, по общему мнению, стала самой некрасивой девчонкой. Но моего настроения ничто не могло испортить. Это все было неважно. Я была счастлива. Пусть смеются, сколько им влезет.

В тот момент я впервые поняла значение выражения: «Если жизнь тебе отгрузила лимоны – сделай из них лимонад». Да, меня назначили самой страшной девчонкой, но эта страшная девчонка только что целоваааалааась! И не с помидором, а с живым человеком. Ну и кто после этого лузер?!

А еще я стала воровкой. Будучи в городе Андорра, мы зашли в один сувенирный магазинчик, и я увидела там браслетик. Такой

совсем пустячный, но очень красивый – коричневые и красные нити были переплетены в причудливый узор, и на нем бусинками было вышито что-то типа «Люблю тебя бесконечно». И мне вдруг ужасно захотелось подарить этот браслетик маме. Он стоил три евро, которых, конечно, у меня не было и в помине. Но как вернуться домой без подарка? И тогда я сделала жуткую вещь. Я осторожно стянула браслет с крючка, на котором он висел, незаметно положила себе в карман и вышла из магазина. Чуть не сгорела от стыда и страха, пока проделывала этот трюк. Стыдно до сих пор.

В 16 лет меня из ансамбля выперли. Попросили освободить место. Я стала слишком взрослая, слишком высокая, переросла всех участников, и даже то обстоятельство, что я стояла в третьем ряду, уже не спасало. Я ушла. И передо мной вплотную встал вопрос: что же теперь делать дальше? Ясно было одно: надо начинать зарабатывать деньги. Семья жила настолько бедно, что не хватало средств на самые элементарные вещи типа еды и одежды. А потребности росли, да и помочь семье хотелось. И я начала искать работу.

Надо сказать, что к тому времени я постепенно начала превращаться из заморыша, которым была в подростковом возрасте, во вполне себе интересную женщину. Начала прорисовываться фигура, лицо изменилось. На меня начали обращать внимание мужчины, но я совершенно искренне не понимала, чем вызван столь резко возросший интерес ко мне и что мне самой делать с этой зарождающейся и стремительно растущей женской энергией. Каждый раз вздрагивала, ловя заинтересованные взгляды. Почему они на меня смотрят? Что со мной не так? Может, в одежде какой-то изъясн? И до сих пор, надо сказать, когда мне кто-то говорит, что я красавица, мне становится неудобно. Комплекс некрасивой девочки, который развился у меня в детстве и юности, не отпускает по сей день.

Однажды в метро я наткнулась на парня, раздающего флаеры рекламного агентства. «Приходите к нам на кастинг», – было написано в объявлении. Поскольку раздавали флаеры всем девушкам, независимо от роста и веса, я решила попробовать и приехала по указанному в объявлении адресу. Фигура у меня была далекой от стандартов подиумной модели – я была невысокая (всего 168 сантиметров) и довольно пухленькая. Разумеется, с первых же секунд я услышала, что с таким ростом, как у меня, о карьере модели даже и помыслить нельзя. Я собралась уже развернуться и уйти восвояси, но вдруг услышала: «Впрочем, не все потеряно. Мы попробуем сделать из тебя фотомодель». И действительно, агентство организовало мне

несколько фотосессий, одна из них была напечатана на страницах популярного модного журнала – мои пышные кудрявые волосы отлично подошли для рекламы каких-то причесок. А потом, неожиданно для меня, я была отобрана в числе других для показа коллекции одежды из трикотажа в киевском ЦУМе. Тогда ЦУМ даже близко не был похож на тот роскошный магазин, каким мы знаем его сейчас. Это был обычный советский универмаг, серый и скучный. Но показ у них получился солидный, на подиум вышли очень известные модели, роскошные, высокие. И я среди них. Плохо помню, как все прошло, в памяти осталось только, как я в каком-то вязаном ужасе иду по подиуму. Я была абсолютно счастлива, к тому же заработала первые в своей жизни деньги – целых сто гривен! Хватило на торт для мамы и на ролики, о которых я давно мечтала, но денег на них никогда не было. Я чувствовала себя самым богатым и счастливым человеком на земле. У меня появилось что-то по-настоящему роскошное – роскошные ролики!

Закончилась моя карьера модели, едва успев начаться. Дело было так. Однажды меня пригласили на очередной кастинг, я пришла, встала в очередь и стала разглядывать божественно красивых девочек, которые меня там окружали. Это были совершенно неземные красотки. Одна невероятнее другой. Подходит моя очередь, я в числе десятка других девочек захожу в комнату, где сидит отборочная комиссия. Девочки вертятся во все стороны, мужчины, восседающие в комиссии, смотрят на них, как на товар. Я перехватываю взгляд одного из них и внезапно выхожу из себя. Ну какое он право имеет смотреть на женщин, как на куски мяса?! Они же все личности! Они наверняка невероятно умные, с чувством собственного достоинства. Они, может быть, стихи читают хорошо, поют божественно. А он на них смотрит, как на рынке: повернись, подними, опусти. И так меня накрыло, что я не смогла сдержаться и все это высказала прямо дяденьке в лицо:

– Подонки, не смейте так смотреть на девушек! Мы, женщины, – нечто большее, чем просто тело! – После чего гордо удалилась, хлопнув дверью.

Я не смогла спасти их брак

В тот день я узнала значение слова «манипуляция»

– Можешь к нам больше не приходите, – сказали мне в агентстве. Но я ничуть не расстроилась, наоборот, была горда тем, что не побоялась сказать правду в лицо этому мерзкому дяде.

Параллельно с карьерой модели я начала свою работу в шоу-

бизнесе, и начала я ее с самого «сока» – с телевизионной массовки. Я была среди тех всем известных трехсот человек, которые сидят на трибунах позади ведущей и устраивают овации, когда она делает особенно крутые вещи, например лихо достает огурцы из банки. Я смотрела на ведущую и мечтала: «Когда-нибудь и я так же мастерски буду доставать огурцы, и публика будет реветь от восторга». Денег мне за это никаких не платили, но опыт я приобретала бесценный. Мои аплодисменты день ото дня становились все убедительнее, и карьера пошла в гору. Сначала я, как водится, сидела в последнем ряду, потом переместилась на 4-й, и наконец наступил день, когда режиссер попросил меня сесть в первый ряд. Это был триумф! А однажды я пережила настоящий звездный час. Я сидела в зале на съемках программы «Как стать звездой», которую вел Сергей Сивохо, и меня, в компании еще одной зрительницы, выбрали для участия в конкурсе – кто лучше споет. Из всех зрителей выбрали нас двоих, вы представляете? Я думала: «Вот она, победа, сейчас спою – и зал упадет от восторга к моим ногам». Ничего из этого не вышло. Победила моя соперница. Впрочем, это не имело никакого значения. Важно было то, что из всех зрителей, а их там было около сотни, выбрали именно меня. Значит, я что-то все-таки могу! Значит, я небезнадежна. В тот момент я по-настоящему поверила в себя.

На поисках работы моя зарождающаяся вера в себя никак не отражалась. Меня никуда не брали. Я круглосуточно смотрела телевизор, выискивала в эфире объявления о кастингах и ходила на все подряд в надежде, что куда-то возьмут. Я была везде. На всех телеканалах, во всех программах. И даже прошла кастинг на отбор солистки в группу «Hi-Fi» – музыканты группы организовали целый тур для поиска девушки в свою команду, приехали они в том числе и в Киев. Когда очередь на кастинге дошла до меня, на вопрос, как меня зовут, я ответила: «Дана». Мне показалось, что «Аня» – это невероятно скучно, а хотелось как-то выделиться. «Дана – это другое дело, это роскошное имя», – решила я. Но пока пела – напрочь забыла о том, что меня отныне зовут Дана. Спустилась со сцены и пошла себе, не обращая никакого внимания на крики: «Дана, куда же вы, останьтесь!» Я же – Аня, правильно? Значит, кричат не мне. Если бы память у меня была лучше, может быть, я бы сейчас пела в группе «Hi-Fi».

Пока я металась по городу в поисках работы, пришло время заканчивать школу и поступать в институт. Поскольку я была круглой отличницей и медалисткой, в любой вуз меня брали вне конкурса – надо было только сдать экзамены по специальности. Первым в списке вузов, куда мне хотелось бы поступить, значился театральный институт. Рассчитывать я могла только на бюджет, платить за мою учебу мама бы точно не смогла. Критически оглядев свой гардероб, я сделала вывод, что одежды, подходящей для подачи документов в театральный, у меня нет, выпросила у одной подружки джинсы, у другой кофту и отправилась в приемную комиссию. А для того, чтобы выглядеть солиднее, прихватила с собой тот самый модный журнал, где была реклама причесок со мной в главной роли. И вот я прихожу, вся такая себе модная, спасибо подружкам, даю членам приемной комиссии журнал со своей фотографией, они переглядываются, кивают друг другу и принимают у меня документы.

Мы доедали эти объедки, откусывали маленькие кусочки и медленно пережевывали, чтобы растянуть удовольствие

Начинаются творческие экзамены. В первом туре надо было рассказать стихотворение и прочитать отрывок из прозаического произведения. Я, полностью уверенная в своих силах, выхожу на

середину аудитории, рассказываю приемной комиссии все, что выучила, получается просто превосходно. И вдруг – бабах – мне ставят тройку. Тройка – это неплохо, это означает, что я прохожу в следующий тур, но баллов маловато. Второй экзамен – песня и танец. Это вообще моя родная стихия. Я демонстрирую максимум того, на что способна, – и опять получаю тройку. В третьем туре – собеседование. Я легко выполняю все просьбы экзаменаторов. Мне говорят: «Заплачьте», – я плачу. Просят засмеяться – смеюсь. То есть, вроде бы, с актерской точки зрения ко мне претензий нет. И тут вдруг экзаменатор спрашивает:

– А кем работают твои папа и мама? Кто они? Мы их знаем?

– Вряд ли, – говорю, – папы у нас нет, а мама – обычная учительница.

Экзаменаторы, услышав это, почему-то страшно удивляются. «Откуда же тогда у вас фото в журнале?» И ставят мне третью тройку подряд. Я чувствовала себя полнейшим ничтожеством. Я – бездарь. Все, что я себе придумала, все, что намечтала, – мыльный пузырь. Нету у меня никакого таланта! Все кругом талантливы, а я – пшик на тройку с минусом. Я оказалась недостойна своей мечты.

Потом выяснилось, что все не так уж и плохо и это не я – ничтожество. Ничтожествами оказались люди, которые принимали у меня экзамены. Выяснилось, что все эти тройки были неслучайны. Правила приема в этот институт гласили, что абитуриенты, набравшие низший балл, могли попасть в вуз и учиться там, но только на платной основе. И перед членами приемной комиссии стояла задача – на глаз определить платежеспособных студентов и нарочно завалить их, чтобы потом предложить платное обучение. Меня, с моим модным прикидом, доставшимся от подружек, и фотосессией в глянце, еще на этапе подачи документов определили как дочку платежеспособных родителей и ставили тройки в надежде, что мои папа и мама раскошелятся на обучение. Они придумали себе деньги, которых у меня не было, и страшно разозлились, когда оказалось, что их фантазии не имеют ничего общего с реальностью.

Документы из театрального я забрала. Помню этот день, как сейчас. Шел проливной дождь. Я вышла из метро «Золотые ворота», добежала до приемной комиссии театрального, вымокнув насквозь. Забрала свою папку с аттестатом и бегом побежала обратно под дождь. Это был последний день приема документов в Институт культуры, и времени у меня оставалось – в обрез. Насквозь мокрая, проехала на метро через весь город, стремглав неслась из метро до дверей Института культуры, прибежала и... мне оставалось только поцеловать дверную ручку.

Дверь была закрыта на замок. Прием документов закончился за 10 минут до того, как я туда прибежала. Все. Конец. «Приходите в следующем году».

И вот представьте картину. Я стою на крыльце Института культуры, вся насквозь мокрая, с меня течет, я размазываю по лицу слезы вперемишку с дождевой водой. И тут ко мне подходит солидная женщина и спрашивает: «Девочка, почему ты плачешь?» Я говорю: «Да вот, бежала подавать документы, на 10 минут опоздала». Женщина, по счастливому стечению обстоятельств, оказывается заместителем ректора Института культуры, она лично ведет меня в приемную комиссию и просит принять у меня документы. Я сдаю все экзамены на пятерки, и с этого момента начинается замечательная студенческая жизнь в институте, которому я очень благодарна. Там были прекрасные преподаватели, которые не только учили меня, но и были очень добры ко мне, позволяя со второго курса работать, а с третьего – гастролировать с группой «ВИА Гра», не ставя, как это делается в других вузах, палки в колеса, а, наоборот, помогая и поддерживая.

Знаете, я часто вспоминаю историю, которую в свое время рассказывала Людмила Гурченко. Ее не приняли в Киевский театральный. И однажды, много лет спустя, оказавшись в Киеве и проезжая в машине мимо несостоявшейся альма-матер, она остановилась, вышла и поклонилась зданию, в котором ей не суждено было учиться.

– Спасибо огромное за то, что вы меня не приняли, – сказала актриса тем, кто ее в свое время завернул.

Я сейчас могла бы сделать то же самое. Если бы я поступила в театральный, наверняка закончила бы свои дни, играя 18-го лебеда в каком-нибудь заштатном театре. А Институт культуры сделал из меня стильную, модную молодежную звезду.

Едва поступив в институт, я поняла, что сидеть на шее у мамы, перебиваясь случайными заработками, я уже не могу и пора бы начинать работать по-настоящему. Однажды, будучи в Русановке (спальном районе с, мягко говоря, не очень хорошей репутацией) и проезжая в автобусе мимо клуба под названием «Парк», я заметила объявление, в котором приглашали всех желающих на кастинг ведущих шоу-программ, проходивших в этом клубе. Я туда отправилась. На собеседовании соврала, что мне 20 лет, хотя мне тогда едва исполнилось 17, и это сработало. Если бы наниматели знали о моем настоящем возрасте, меня бы туда ни за что не взяли – это был клуб, где время от времени танцевали стриптиз. Я должна была вести мероприятие под названием «Женский день». В обычные дни клуб наводняли

мужчины, а на сцене работали стриптизерши. Идея «Женского дня» состояла в том, что сначала в клуб пускали только женщин, за исключением стриптизеров-мужчин, улаждающих их взоры. А позже с улицы запускали посетителей-мужчин, которые с успехом находили среди разгоряченных стриптизом женщин легкую добычу. Я все это вела – объявляла выход артистов, подбадривала публику. Платили мне 10 долларов за ночь, за эти деньги я, тогда еще совсем робкая и не знавшая жизни девочка, которая до этого целовалась только с помидорами (не считая того поляка, который на меня поспорил), выходила на сцену и говорила:

– А сейчас, девочки, приготовьтесь визжать и кричать, потому что на сцену выйдет неподражаемый и великолепный Тарзан. – И уходила в гримерку, где все эти тарзаны разминались перед выходом на сцену. Постепенно я стала в клубе своей, и меня повысили – предложили самой составлять программу, искать артистов стриптиза, контролировать их, вводить в курс дела. Потом одна рабочая ночь в неделю превратилась в три, получать я стала в 4 раза больше, но уставала при этом неимоверно. Три раза в неделю я заканчивала работать в 4 утра. Возвращалась домой на такси (метро в такое время не работало) и всю дорогу молилась только об одном: не заснуть во время этой ночной получасовой поездки. Буквально держала руками закрывающиеся глаза. Потому что даже не сомневалась: стоит мне уснуть, и водитель тут же этим воспользуется и увезет меня в лес. Или на заброшенный пустырь. И там отрежет голову. Или изнасилует (я была уверена, что со всеми уснувшими пассажирками таксисты именно так и поступают). В 5 утра приезжала домой и ложилась

спать, а в 7.30 вставала и ехала в институт на пары. С тех пор мне отлично известно состояние под названием «двухчасовой ночной сон».

Меньше всего в этой истории меня смущало то, что приходилось работать со стриптизерами. Обнаженное тело никогда не казалось мне чем-то порочным, и я всегда отделяла профессию человека от его повседневной жизни. Парням и девушкам надо было зарабатывать себе на хлеб и на учебу, а иногда, поскольку время было тяжелое, они кормили и мать, и отца. И, выходя на сцену, они были жаркими Игуанами и Тарзанами, а возвращаясь в гримерку и надевая тренировочные штаны и кеды, становились обычными милыми уставшими мальчиками и девочками, которые точно так же, как и все, едут после рабочего дня в метро домой, думают о том, как бы растянуть свою зарплату до конца месяца, сколько «дошираков» они себе могут позволить и как выкроить копейку на оплату телефона. А некоторые из девчонок-стриптизерш еще и детей своих маленьких кормили, выкраивая им из скудных гонораров копейки на куклы Барби и на пластмассовые грузовички. Мне тяжело давались мои 10 долларов, и я видела, что артистам они доставались с таким же трудом. С тех пор я ни разу в жизни никого не осудила за выбор профессии. И не проводила параллели между сценическим образом и тем, как человек ведет себя в реальности. У меня ведь тоже есть фото для журнала «Плейбой», но дома, облачаясь в пижаму и тапочки, я становлюсь обычным человеком, мамой, подругой, точно такой же женщиной, как и все остальные.

Несмотря на то что я работала в таком специфическом заведении, мои помыслы оставались все такими же чистыми, как и были во время учебы в школе. Я ловко уворачивалась от разных липких и грязных рук, которые мечтали залезть ко мне в разные места. Я убегала от всех уродов, которые пытались соблазнить меня деньгами. И я по-прежнему не до конца понимала, что они все от меня хотят. Боженька хранил меня, оберегал и вел правильной дорогой.

Собрался весь двор, и все дети, как щеночки на мясо, кидались на это лакомство, ловя его на лету ртом

Однажды ко мне в клуб пришел один известный боксер. За несколько дней до этого мы познакомились на пляже, он спросил, где я работаю, и совершенно неожиданно навестил меня на работе, а потом проводил до дома, до двери нашего задрипанного грязного подъезда. Но, поскольку я совершенно искренне не понимала, чего он от меня хочет, мой ухажер предпочел

исчезнуть. А на следующий день я увидела, как он обнимал в телеэфире свою красавицу жену. Я ждала большую, настоящую, чистую любовь, ту любовь, о которой все говорили в книжках и в кино, но мало кто ее видел в реальной жизни. И я не хотела предавать эту любовь, которая обязательно ждет меня за поворотом (я в это искренне верила), заводя какие-то мелкие и недостойные интрижки. Мне казалось, я тогда совершу преступление перед этой любовью. И я ждала.

Однажды я шла по улице, и около меня остановилась машина. За рулем сидел приятный мужчина, он представился, спросил, как меня зовут, и пригласил на чай. Он был очень обаятельным, приятным, похожим на плюшевого мишку. Мы проговорили в кафе два часа. Вторая наша встреча совпала с моим днем рождения. Он, узнав об этом, достал из кармана ключи от своей машины – трехлетней «BMW» – и отдал их мне. «Теперь эта машина твоя». Я попыталась было отказаться, но он и слушать не хотел. Сказал загадочную фразу: «Плохие люди должны помогать хорошим. А ты хорошая девочка». Повода для такого подарка у него не было никакого – мы с ним даже не целовались. Но он был очень необычным. За ним по пятам, я успела заметить, всегда следовали какие-то неприятные, очень страшные люди. А через несколько дней после моего дня рождения его убили. Мужчина этот оказался главой ОПГ из Рязани, приехал в Киев, чтобы прятаться от преследователей, но это его не спасло. Мой друг знал, что его убьют не сегодня-завтра, и под конец жизни хотел непременно сделать что-то хорошее и доброе. Машина, подаренная хорошей девочке в день ее совершеннолетия, и была таким вот хорошим, добрым поступком. В тот момент я узнала, что не все, кажущееся плохим, на самом деле таковым является.

Примерно в это же время, глядя в телевизор, я увидела там объявление, что каналу «Биз-ТВ» требуются новые ведущие. Всех, кто уверен в своем таланте и неотразимости, приглашали на кастинг. Я, по своей привычке не пропускать ни одного кастинга, собралась и поехала туда. Картина, представшая перед моим взором, была ошеломляющей. Очередь, состоявшая не меньше чем из тысячи человек, головой упиралась в двери здания, а хвост ее змеился где-то вдаль, его не было видно. Понуро побрела я вдоль очереди в поисках этого самого хвоста, не переставая удивляться, какие красавицы встречались мне на пути. Я, напавившая на себя в тот день единственную приличную вещь в гардеробе – связанный мною собственноручно топик, – не шла с ними ни в какое сравнение. Мужественно отстояв в этой очереди несколько часов, я все-таки попала внутрь, вошла в комнату, где

предстала пред ясны очи сидевших за столом строгих мужчин, поговорила с ними и была отправлена домой. Но едва я добралась до своей квартиры, как мне сообщили: «Тебе тут звонили. Сказали, что ты прошла в следующий тур кастинга участниц группы „ВИА Гра“». Я страшно удивилась: «Какая еще „ВИА Гра“?! При чем тут „ВИА Гра“? Это же был кастинг ведущих канала!» И тут до меня дошло, почему мужчины, говорящие со мной на собеседовании, показались мне знакомыми. Потому что это были продюсеры группы «ВИА Гра» – Тим и Том.

Что со мной было – не передать словами. Первый раз в жизни меня накрыло ощущение, что я на вершине мироздания. The world is mine. Потом последовал второй тур, который я тоже успешно прошла и после которого меня познакомили с участницами группы Грацией и Любой. «Это Аня, – сказали девочкам, – она будет третьей участницей группы и снимется с вами в клипе „Бомба“». Девочки на меня посмотрели внимательно, и во взглядах их не было ни радости, ни приветливости. Ни грамма. А я подумала: «Вот оно, счастье. Вот это я схватила удачу за хвост!»

После этого визита мне никто не перезвонил. Ни девочки, ни Том, ни Тим. Все пропали, как не было их. Спустя некоторое время я узнала из новостей, что клип на песню «Бомба» все-таки был снят, но участвовали в съемках только две солистки – Грация и Люба. Как выяснилось позже, в то время в группе начался небольшой разлад, девочки, по мнению продюсеров, стали вести себя не совсем подобающим образом. Продюсеры решили пригрозить им третьей участницей, чтобы они немного присмирели. Уловка сработала, Грация и Люба образумились, и необходимость во мне отпала. Я продолжила смотреть на группу «ВИА Гра» по телевизору. То есть вновь оказалась на том же дне, с которого попыталась всплыть, но мне не дали.

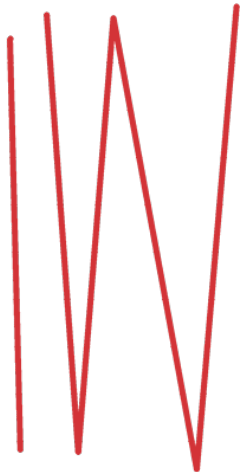
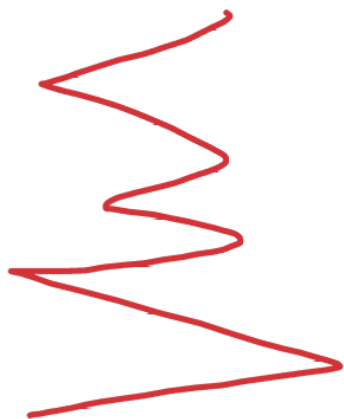
Через какое-то время мне «на дно» позвонили. Это был менеджер канала «Биз-ТВ», которым тогда владел Тим и куда я ходила на кастинг, и сообщили, что меня готовы рассмотреть на роль ведущей. «Чтооооо?» – сказала гордая тигрица внутри меня. «Я к вам не пойду! Вы мне отказали, не взяли меня в артистки, и я никогда в жизни вам этого не прощу! И на кастинг к вам не пойду! Пойду к другим, и вы еще будете локти кусать, узнав, кого потеряли!» Я узнала, какой канал является главным конкурентом «Биз-ТВ», и пошла к ним проситься в администраторы. Так «Биз-ТВ» потерял девушку, которая целых полгода носила бумажки из офиса «А» в офис «Б» и делала кофе ведущим конкурирующего канала. Думаю, локти они себе искусаи аж до плеч!

В тот момент, когда отец ушел из нашего дома, вместе с ним ушла любовь

Но постепенно карьера моя начала развиваться. Руководство, видя, что я очень стараюсь и к тому же неплохо владею письменной и устной речью, доверило мне писать подводки к телевизионным сюжетам, а потом и брать интервью у звезд. Одним из первых серьезных артистов, с кем мне довелось побеседовать, был Михаил Сергеевич Боярский. Беседа с ним получилась незабываемой. Именно тогда я выучила главное правило интервьюера: думай, какие вопросы ты задаешь. А тупых вопросов не задавай! Начиналось все просто прекрасно. Я пришла в заведение, где он выступал, договорилась об интервью и попросила его для затравки нарисовать какую-то смешную картинку, что-то типа «Мир моей мечты». Боярский был мил, согласился на такой нестандартный способ ведения беседы, нарисовал что-то очень смешное, потом мы с ним начали болтать, было очень легко, свободно, я расслабилась, освоилась и решила на пятом вопросе зайти прямо с козырей. Отгадайте, какой вопрос я ему задала? Правильно. Я его спросила о его знаменитом головном уборе. И так, знаете, в лоб сформулировала. Без намеков. Прямо так и спросила:

– Михаил, а почему вы все время носите эту шляпу и никогда ее не снимаете?

– Интервью закончено, – сказал он. Я была с позором изгнана из гримерки, буквально вытолкали меня внахлест. Ну потому, что любому, даже самому «зеленому» журналисту известно, что вопрос про шляпу Боярскому задают в каждом интервью, и он настолько уже замучился на него отвечать, что просто выходил из себя.

С тех пор я тщательно готовилась к каждому интервью. С особой теплотой и нежностью вспоминаю беседу с Софией Михайловной Ротару. Она вышла ко мне такая красивая, такая

неземная вся. Я была уверена, что разговаривать она со мной не станет – Ротару редко кого удостаивает такой чести. Но она была мила и согласилась побеседовать. Я, совсем молоденькая девочка, была на седьмом небе от счастья. Через некоторое время меня поставили в кадр, я вела сначала музыкальные новости, потом более серьезные программы.

О том, чтобы стать певицей, я в тот момент даже не помышляла. Да и зачем мне было рваться на сцену? Я получала образование по специальности «диктор и ведущий телепрограмм», вела программы на телевидении. И при этом я прекрасно знала, что ни шикарным голосом, ни каким-то там волшебным тембром не обладаю, да и в группу «Hi-Fi» меня не взяли, не говоря о «ВИА Гре» – какая уж тут певческая карьера! Гораздо больше меня в тот момент интересовало телевидение, тем более что поступило потрясающее предложение – стать ведущей утреннего шоу «Подъем».

Это было очень популярное утреннее шоу, которое смотрела вся страна (ну, то есть та ее часть, которая была в состоянии встать в пять утра, а именно тогда мы начинали вещать). Честно могу сказать, что у меня никогда – ни до, ни после – не было такой адски тяжелой работы. Даже возвращение домой из клуба в пять утра не сравнится по ощущению с тем ужасом, когда тебе надо каждый день в 4 утра вставать, вытряхиваться из дома в ледяной зимний ад, садиться в промерзшую насквозь маршрутку. А в 5 утра, когда еще даже не рассвело, ты, уже накрашенная и наряженная, веселишь и бодришь людей по ту сторону экрана.

Эта работа научила меня многому. Но самый главный урок, который мне был преподан, – финансовый. Вели программу мы вдвоем – я и мой партнер по эфиру Максим Нелипа. Когда нас нанимали на работу, нам обоим был задан один и тот же вопрос: «Сколько вы хотите получать?» Я сказала: «300 долларов» – и аж зажмурилась от собственной наглости, мне казалось, что это непомерные деньги и сейчас меня выгонят, объяснив, что я много хочу. «Столько мы вам дать не можем, хотите 250?» – сказали мне. Я согласилась. А Максим построил диалог по-другому. Услышав «Сколько вы хотите», он спросил: «А сколько вы можете мне платить?» – «Полторы тысячи», – сказали ему, потому что именно на эту сумму руководство канала было морально готово раскошелиться. И в итоге он получал полторы тысячи, а я 250 долларов. Я тогда крепко усвоила важный жизненный постулат. Звучит он так: «Кто первый называет цену, тот проигрывает». С тех пор я никогда не называю цену первой.

Работа в утреннем шоу продолжалась чуть больше двух месяцев. Мы работали посменно – одну неделю мы с Максимом, а

другую – наши партнеры Маша Ефросинина и Юра Горбунов. Маша и Юра были феерической парой, парой-легендой. Ну а мы просто очень старались. Нам это, впрочем, не помогло. Однажды после эфира ко мне подошла девочка-администратор. «Нам надо поговорить», – таинственным шепотом сообщила она. Отвела меня в сторонку, подальше от любопытных ушей, и произнесла два слова: «Ты уволена». Но на все мои удивленные возгласы и попытки что-то прояснить мне был дан один ответ: «Ничего не спрашивай. Собирай вещи и уходи».

Мы уговорили начальство дать нам еще одну попытку. Решили, что снимем феерическую передачу и начальство, видя, какие мы крутые, передумает нас увольнять. Свою авторскую программу мы назвали «Зеленая миля». Зеленая миля – это те несколько шагов, которые ты делаешь на пути к тому, что тебя неминуемо ожидает. В одноименном фильме главного героя после зеленой мили ждала казнь на электрическом стуле, в нашей программе речь шла об увольнении. Мы рассказывали о том, что сделать, чтобы тебя не уволили. Рубрики в программе были такие: «На какой стул в кабинете начальника-самодура

лучше сесть, чтобы не попасться ему под горячую руку?», «Что делать, если увольнение уже случилось?» и прочее в том же духе. Посмотрев три минуты эфира, руководитель нашего канала нажал на кнопку «стоп» и заорал:

– Пошли отсюда нафиг, чтоб я вас на телевидении вообще больше никогда не видел!!

В тот момент я поняла, что сдаваться, конечно, нельзя, но если уж ты решил не сдаваться – сделай это как-то правильно, что ли? Если бы мы выбрали тему: «Цветы и растения», или «Дети и собаки», или какую угодно другую тему из миллиона возможных, у нас был бы хоть какой-то шанс. Но показывать начальнику-самодуру программу про начальника-самодура нельзя ни в коем случае.

И снова я оказалась на улице. И вновь мой мир обрушился. У меня больше не было зарплаты в 250 долларов, и мне казалось, что никогда в жизни уже не будет. Я считала, что ни один канал больше не возьмет меня на работу – ведь я уже была лицом этого канала, и значит, на любой другой мне путь заказан. Почему я так решила? Кто его знает. И никто мне, глупой 19-летней девочке, не сказал, что, если я профессионал и хорошо делаю свою работу, за меня будут бороться, меня будут перекупать и переманивать бесконечно. Я этого не знала и уже поставила на карьере крест.

И в тот момент родилось еще одно правило, которому я следую до сих пор. Если случается какая-то сложная жизненная ситуация, выбивающая меня из колеи, – мне надо поплакать. Ровно 30 минут. Я сажусь, реву как следует полчаса под жуткую музыку и страшно себя жалею. А потом начинаю всплывать на поверхность. Через полчаса горизонт начинает проясняться, горе немного отступает, и становится понятно, что безвыходных ситуаций не бывает, надо просто сесть и как следует этот выход поискать.

Так я и сделала. Проревелась как следует. Потом вспомнила, что я же маме обещала купить что-то там по хозяйству и вообще принести в семью денег. И тогда всплыла в моей голове одна мысль. Буквально за несколько недель до того, как меня уволили, на канал позвонил Тим, попросил меня к телефону и сказал:

– Мы все-таки решили поменять состав группы и хотим еще раз пригласить вас на кастинг.

Что сделала тогда известная телеведущая Анна Седокова? Правильно, отказала продюсеру «ВИА Гры». А как иначе? Я же была звездой громкого шоу! И я добила своего – отказала людям, которые когда-то отказали мне.

Жизнь преподнесла мне еще один важный урок. Прощаясь с кем бы то ни было, отказывая кому-то, делай это так, чтобы не

сжигать мосты. Ты никогда не знаешь, что ждет тебя дальше. Расставайся так, чтобы была возможность вернуться.

Папа повесил на свою часть недвижимости огромный замок. Поначалу я еще его ждала

Я набрала рекламный отдел «Биз-ТВ» и сказала им:

– Я хотела бы еще раз пройти кастинг, передайте, пожалуйста, Тиму эту информацию.

На следующий день в моей квартире раздался звонок от продюсера группы. Оказалось, что Грация в тот момент забеременела и ей срочно искали замену.

На второй кастинг в группу я пришла уже совсем другим человеком. Прошел год после того, как я приехала на первый кастинг на трамвае и предстала пред очи Тома в самовязаном топики. С тех пор в моей жизни многое изменилось. Я уже была известной телеведущей, я работала в кадре, меня узнавали на улицах, а самое главное – у меня были сапоги! Незадолго до описываемых событий я себе купила сапоги, которые стоили половину моей зарплаты, но были совершенно невероятной красоты. Это была моя первая в жизни дорогая обувь. Они были высокие, черные, с красными камушками. Я их надевала в эфир и чувствовала себя богиней. Когда Тим позвонил и позвал меня на кастинг второй раз, я была уверена – это произошло именно потому, что он увидел на мне эти сапоги. И уже в этих сапогах я пришла к нему во второй раз на совершенно других правах. Я гордо несла себя, уверенно ставя ногу на высокий каблук, и была похожа на женщину, а не на жалкого заморыша. На мне были не сшитые вручную шмотки, а вещи, каждая из которых стоила уже рублей 500, не меньше! При таком раскладе мне просто не могли отказать. Так и вышло. Через месяц после беседы с Тимом, Томом и знакомства с девочками я уже пела в группе «ВИА Гра».

Это было незабываемое время, самое счастливое за 20 лет моей жизни. Я с головой окунулась в работу, мне ничего больше не надо было – только репетировать, только выступать. Мне было 20 лет, в голове были какие-то сплошные розовые облака, и все было замечательно. В первый же день работы в группе началось мое превращение из гусеницы в бабочку, из маленькой девочки во взрослую женщину, знающую себе цену. Очень способствовали этому процессу наши костюмеры. Я сразу – с корабля на бал – попала на примерку знаменитых золотых костюмов, в которых потом мы снимались в клипе «Стоп, стоп, стоп». И первый раз в жизни увидела, как работает система «пушاپ». Это сейчас в каждый бюстгальтер, который продается в любом магазине, вшита специальная подушечка. Тогда никто о таком не слышал.

И, чтобы придать нашим формам нужные объемы, девочки-костюмеры подшивали в бюстгальтеры поролоновые вкладки. Фигуры преображались мгновенно. Помню свой шок, когда в этом золотом костюме с пушапом, в гриме, с прической я подошла к зеркалу и увидела в нем свое отражение. «Это не я. Это какая-то посторонняя женщина», – сказала я себе. И еще долго потом не верила в эту женщину в отражении зеркала. Потому что очень сложно чувствовать себя сексуальной и женственной, если до этого 20 лет ты была гадким утенком. Но с этого дня я начала меняться.

Уже через три недели после того, как меня приняли в коллектив, я стояла на сцене Кремля. Волновалась ужасно. Но это было настоящее счастье.

Звездная болезнь не накрыла меня только потому, что к своим 20 годам я уже ею переболела. Это случилось, когда мне было 17 лет и меня пригласили сниматься в клипе «Зачекай» группы «Танок на майдане Конго». Группа была очень популярная, и по всем каналам крутился этот клип с немудреным сценарием: солисты группы на фоне тусовки в клубе. Героиня там встречает героя, у каждого из них своя боль и своя трагедия, вокруг толпа, все в дыму – в общем, обычная для того времени картинка. Я, чтоб вы понимали, даже не главную героиню сыграла. Я сыграла в массовке. Люди проходили за спиной солиста один за другим, каждый задерживался в кадре ровно на секунду. А я задержалась на две. Режиссер взял меня крупным планом. Ровно две секунды я смотрела в камеру из-за спины солиста. В телеэкране был виден один мой левый глаз. Две секунды. Один глаз. Но этого хватило для того, чтобы, проснувшись утром после просмотра клипа, я перестала здороваться со знакомыми. Мне казалось, что я самая известная актриса в мире. Меня показали в клипе, и ничего более крутого в моей жизни уже никогда не случится. Я летала, как на крыльях. Невероятное было ощущение. Но с небес на землю я спустилась довольно быстро, и к моменту выхода на кремлевскую сцену прививка от звездной болезни уже была сделана. И я не думала о какой-то звездности. Я была просто счастлива, что бог дал мне такую возможность.

В то время Грация ушла в декрет, в группе оставалась Люба, а на замену Грации взяли Эрату. Это была совершенно невероятная знойная брюнетка с роскошной грудью пятого размера. Она осознавала свою красоту и власть над мужчинами и беззастенчиво этим пользовалась. На первых же гастролях нас поселили в одном номере, и буквально за сутки я познала все прелести взрослой роскошной жизни. Сначала она налила мне, не пьющей до этого ни капли, бокал вина и велела выпить. Это был первый бокал красного вина в моей жизни. Потом мы с ней поцеловались (надо ли говорить, что это был мой первый в жизни поцелуй с женщиной). Потом она мне рассказала удивительные истории про своих мужчин. Это было очень увлекательно. Я, раскрыв рот, слушала подробности ее любовных походов. Фамилии политиков, музыкантов и спортсменов, которые называла Эрата, мне были знакомы, и я мысленно сравнивала их экранные образы с теми сведениями интимного характера, которыми меня снабжала моя новая подруга.

Через несколько месяцев Эрату из группы уволили. В тот день я зашла в туалет нашего с ней общего номера и обнаружила плавающий в унитазе презерватив. Пока я размышляла, что это за предмет и как он туда попал (надо ли говорить, что до этого момента презервативы я никогда в жизни не видела?), дверь номера вдруг открылась и в комнату... въехала Эрата верхом на Витязе. Эрата была в нижнем белье, она скакала на Витязе, как на лошадке, он радостно подпрыгивал и чуть ли не ржал. Сделав круг почета вокруг кровати, всадница направила своего коня в коридор, и они погарцевали прочь, продолжая ржать и улюлюкать, и, не снижая скорости, проскакали мимо директора группы, с большим удивлением взиравшего на эту дивную картину. На следующий день Эрате сказали, что она может быть

свободна.

Эрата преподавала мне еще один важный урок. Правило звучало так: «Если уж ты скачешь верхом на своем мужчине, делай это так, чтобы никто не видел».

Я не думала о какой-то звездности. Я была просто счастлива, что бог дал мне такую возможность

**ПРОЩАЯСЬ С КЕМ БЫ ТО НИ БЫЛО, ОТКАЗЫВАЯ
КОМУ-ТО, ДЕЛАЙ ЭТО ТАК, ЧТОБЫ НЕ СЖИГАТЬ
МОСТЫ. ТЫ НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЖДЕТ ТЕБЯ
ДАЛЬШЕ. РАССТАВАЙСЯ ТАК, ЧТОБЫ БЫЛА
ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕРНУТЬСЯ.**

Глава 3

Кадровые изменения в группе тогда происходили стремительно. Сразу после того как Эрату уволили, в «ВИА Гру», вновь вернулась Грация. Эта маленькая и хрупкая на вид женщина была настоящим бойцом. Чтобы вернуть себе былую форму, она пахала круглосуточно. Через месяц после родов, снимаясь в клипе «Гуд морнинг, папа», Грация прыгнула на шпагат. И вообще, глядя на нее, никто бы даже предположить не мог, что у этой сексуальной, энергичной певицы на руках грудной ребенок.

Спустя еще некоторое время группу покинула Люба, и на ее место взяли Венеру. Так сформировался состав группы, который сейчас все называют золотым.

Мы с Венерой и Грацией быстро подружились. И это неудивительно, ведь у нас, девочек из очень бедных семей, никогда не живших хорошо и всего добивавшихся собственными силами, было очень много общего. И то, что мы в результате оказались на сцене Кремлевского дворца съездов, было целиком и полностью нашей заслугой. Нам не помогали ни богатые папы, ни влиятельные мужья. Это была исключительно наша собственная заслуга, ну и, конечно же, не обошлось без доли удачи и везения. Мы дорожили этим подарком судьбы и работали, не покладая рук.

Меня спас мой страх

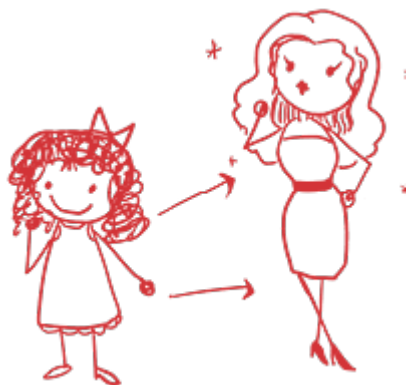
Меня часто спрашивали в то время о конкуренции внутри группы. Я не уставала повторять, что мы о конкуренции не думали. Не выясняли, кто из нас красивее, талантливее, кто лучше поет, а кто танцует. Мы были одной семьей. Грация и Венера были моими сестрами. Но если честно – я все еще считала себя девочкой, стоящей сбоку в третьем ряду. Если кто-то из мужчин подходил к нам, я была уверена, что лично ко мне его внимание не относится. Венера – красивая блондинка, Грация – потрясающе сексуальная брюнетка. Они интересуют мужчин, на них приходит смотреть публика. А я – обычная. Мною никто не мог интересоваться, я была в этом уверена. Но в тот момент все это было неважно, потому что я наконец-то нашла свою семью.

И если девочки были мне сестрами, то Том, конечно же, занял в моем сознании место отца, которого у меня никогда не было. Мы все к нему очень трепетно относились. Том – необыкновенный человек. Его брат Бом как-то сказал о нем:

– Том – как микроволновка, он разогревает людей. – И это выражение как нельзя лучше его характеризует. Он действительно разогревает человека, попадающего под его влияние, готовит его особым, одному ему ведомым способом, вытаскивая на поверхность те черты, о которых сам человек иногда даже не подозревает.

Меня он за весьма короткое время превратил из скромной маленькой девочки в сексуальную женщину, знающую себе цену.

Том был умнейшим из людей и одновременно великим манипулятором. Он всегда был кукловодом, таким Карабасом-Барабасом, а мы были его куклами. И он тянул за ниточки, которыми мы были к нему привязаны. Том очень хорошо знал, за что тянуть. Он был в этом мастер. Стравливал нас между собой, выбирал, кто из девочек какую строчку будет петь, потом мог передумать и поменять исполнительницу, и та, которой главной строчки в песне не досталось, гадала, что она сделала не так, где ошиблась, в чем подвела «отца».

Чаще всего переговоры с нами Том вел по телефону. Когда мы с ним встречались лично, он был очень мил и добр. А за телефонными сообщениями стоял как будто другой человек, который тебя увольнял, говорил, что ты ничтожество, он тебя выгонит и ты останешься на улице. А через несколько минут выходил на связь снова и добивался твоего расположения, утешал, извинялся. А потом снова увольнял. И так бесконечно. Это была его манера игры. Он – гений. И для того, чтобы создавать песни, ему всегда нужны были сильные, свежие чувства. Понятия не имею, как он пишет песни сейчас, но в то время он никогда не писал песни, адресуя их какому-нибудь абстрактному цветочку в вазе или незнакомой женщине, которую увидел мельком за столиком в ресторане. Он писал песни для конкретных людей, которые эти песни потом пели. И чтобы

получилось правдоподобно, чтобы песня разила слушателя наповал, автору необходимо было испытывать чувства к тому, кому он эту песню пишет. А для этого ему надо было вывернуть человека, которому он пишет, наизнанку и шиворот-навыворот, заставить его тоже испытывать что-то в ответ. Ни секс, ни чувственность тут были ни при чем. Никогда в жизни он не домогался нас, не хватал за коленки. Нет, это была очень сложная психологическая манипуляция его альтер эго. Он сходил с ума сам и сводил с ума окружающих, и вот тогда получалась действительно стоящая песня. Заставит тебя чувствовать себя ничтожеством, потом похвалит, потом опять пригрозит, доведет тебя до слез и бессонницы, ты реवेशь всю ночь, а утром тебе отправляют написанный за ночь шедевр. Так родились «Притяженья больше нет», «Не оставляй меня, любимый» и другие композиции. С одной стороны, я понимаю, что, если бы он не играл с нами в эти свои игры, не было бы песен, которые любят миллионы. Но с другой – не могу не осуждать его. Это было бесчеловечно.

Когда я услышала этот голос в трубке, первое, что подумала, что опять я во всем виновата

«Смотри, я написал тебе песню», – сообщил он мне как-то. И показал: «Я не могу без тебя». Что я почувствовала? Я почувствовала себя особенной и очень любимой. Тогда я еще не могла разделять эти два чувства – к мужчине и к любимому отцу, которого у меня никогда не было. Что я могла дать ему взамен? Ничего, кроме огромной благодарности за то, что у меня наконец есть семья.

Это уже потом, спустя годы, я узнала, что у каждой из нас была такая вот своя песня. И нас, таких наивных и обманутых, было очень и очень много.

В те времена каждая солистка «ВИА Гры» получала по 100 долларов с концерта. Набегала весьма солидная сумма, потому что давали мы минимум 10 концертов в месяц, а в хлебные времена и все 20. Долгое время такое положение дел нас очень даже устраивало – до работы в группе ни я, ни девочки в глаза не видели столько денег. К тому же мы не успевали их тратить, поскольку жили в поездах и самолетах, перемещаясь из одного города в другой, нас кормили, одевали для выхода на красные дорожки и мероприятия, концертные костюмы нам шили, в общем, тратить заработанное было просто не на что. Но потом наши глаза стали постепенно открываться. Мы узнали, что в других герлз-бендах ситуация совсем другая, девочки из группы «Фабрика», например, имели в то время по 10 процентов с

каждого выступления. А с учетом того, что «ВИА Гра» могла стоить от 10 до 50 тысяч долларов?.. В то время у Грации появился мужчина – серьезный человек, подкованный в бизнес-делах, и, узнав о наших ставках, он возмутился: «Девочки, это неправильно. Почему вы себя не цените?» И мы решились на разговор с продюсерами. Они очень долго сопротивлялись, слышать не хотели о том, чтобы пересматривать финансовую политику, но потом сдались, и мы стали получать по 3 процента с концерта. Понятно, что никому из нас даже в голову не приходило проверять, с какой именно суммы эти три процента нам давали. Но на тот момент это было не очень важно. Мы гордились собой, гордились первой в жизни победой. В тот момент я поняла, что для успешного существования в шоу-бизнесе обязательно нужно иметь финансовое образование.

У меня появились деньги, но это мало что изменило. Я продолжала одеваться в очень дешевых магазинах и не решалась купить вещь дороже 10 долларов. Мне казалось, что, если я куплю джинсы за 300 долларов, я совершу предательство перед всем районом, в котором живу, перед всеми своими соседями. На магазины крутых дизайнерских марок даже не смотрела, для меня это был по-прежнему какой-то инопланетный мир, мне казалось, что я их недостойна.

Деньги мне тратить было особо некуда, и я их копила – пообещала маме, что помогу ей поменять квартиру. Мама мечтала переехать из нашей халупы в хороший дом в хорошем районе. Мне показалось, что это будет правильно – помочь ей осуществить мечту.

Не устану повторять, что я была счастлива работать в группе «ВИА Гра». Однако нашу жизнь сложно было назвать обычной для молодых девчонок. Мы постоянно куда-то ехали, летели, где-то выступали, репетировали. Расписание в каждом городе было одинаковое – аэропорт, гостиница, площадка, после выступления сразу же в отель, ужин в номере и спать, а на завтра все повторялось вновь. Мы жили в поездах, самолетах и гостиницах, дома появлялись редко, а о том, чтобы сходить на какую-то тусовку (не на протокольное мероприятие, куда нас приглашали как модную группу, а на обычную вечеринку с друзьями), и речи быть не могло. Знакомиться с молодыми людьми было негде и некогда. Наше общение с посторонними мужчинами во время выступлений и гастролей жестко ограничивалось. В райдере группы было четко сказано, что мы ни с кем из мужчин после концерта не идем в ресторан, не ведем никаких разговоров и категорически не вступаем ни в какие отношения. Да и, честно говоря, сил на вечерние тусовки просто не было, после концерта

хотелось только одного – прийти в номер и лечь спать. Мы здорово уставали.

Нас всегда сопровождал наш директор, мужчина очень внушительного вида, который пресекал какие бы то ни было попытки посягательства на нас со стороны зрителей или организаторов концертов. Конвоировал нас троих до гримерки, потом оттуда до сцены, потом уводил обратно в гримерку, выводил через черный ход в машину и в гостиницу – спать. Мы все время были у него на виду. Лично я очень приветствовала эти ограничения, меня пугали незнакомые мужчины, которые что-то от меня хотели. Я не понимала, что им нужно. Дорогие подарки меня не интересовали, симпатии никто из этих товарищей не вызывал – и я была только рада, что меня от них всеми способами ограждали. Конечно, принимающая сторона не всегда была в восторге от такого положения дел. Разгоряченные нашими выступлениями богатые и властные мужчины иногда считали, что, раз они заплатили гонорар, могут требовать не только песен. И жутко расстраивались, когда узнавали, что наше присутствие на банкете после концерта в счет не входит. Однажды, помню, мы приехали на выступление в одну из южных республик. Нас встретили как звезд международного масштаба – огромный лимузин, кортеж, машины сопровождения, охрана, – с почетом загрузили в роскошную машину и, сдувая с нас пылинки, отвезли на площадку. Мы выступили. Все были страшно рады. А после концерта намекнули, что сейчас надо поехать ужинать с сыном президента. Он, мол, за нас заплатил и теперь жаждет встречи в более уютной обстановке. Мы отказались. На следующий день в 5 утра за нами приехал одинокий лимузин, уже, естественно, безо всякой охраны и кортежа, и ни единого человека сопровождения. Разъяренный водитель всем своим видом демонстрировал презрение и ненависть к приезжим шалавам. Он швырнул наши чемоданы в багажник и так хотел поскорее от нас избавиться, что неся в аэропорт со скоростью 200 км/ч. Доставив нас туда, он выкинул наши вещи на мостовую и умчался. В тот момент я поняла, что лимузин совсем не подходит для быстрой езды и агрессивного вождения.

Все эти меры предосторожности были направлены исключительно на нашу безопасность во время выступлений и гастролей. Естественно, никто нам не запрещал знакомиться с мужчинами и встречаться с ними вне концертов. Вопреки, кстати, распространенным слухам, мол, в «ВИА Гре» контрактом запрещено выходить замуж и рожать детей. Том всегда говорил о том, что женщину, которая решила родить ребенка, нельзя удержать ни угрозами, ни посулами.

Если говорить честно, то долгое время у нас и контрактов-то никаких не было. Наши отношения с Томом и Тимом держались на честном слове. Тим страшно гордился тем, что у нас такая схема работы – на доверии. Да и не нужен был ему никакой контракт, он прекрасно осознавал свою силу и свою власть над нами. Мы были добрыми, хорошими, честными девочками, «кинуть» его мы никак не могли, к тому же настолько зависели от него психологически, что покинуть коллектив не решились бы никогда. Правда, когда мы вдруг взбунтовались и выбили свои бешеные ставки – три процента с выступления, – контракт с нами все-таки был заключен, но опять-таки, повторяюсь, личной жизни это не касалось.

договорились?
договорились!

Нас уверяли, что если кто-то забеременеет и захочет родить, то мы все вместе вырастим этого ребенка, поможем и маме, и малышу, ничто не сможет нас разлучить

Мы постоянно вели долгие душевные разговоры о том, что мы всегда будем вместе. Что мы – семья и никуда друг от друга не денемся. Что бы ни случилось. До конца жизни. Рассказывая все это, я понимаю, что это была чистой воды психологическая манипуляция. Думаю, через это проходила любая артистка и вообще большинство красивых женщин, но мы все привыкли молчать и прощать. И я не исключение. 10 лет я молчала и ни одному человеку на этой земле не рассказывала о том, о чем пишу здесь. Теперь вы понимаете, почему мне не нравится, когда

меня называют бывшей участницей группы «ВИА Гра». И почему я так сильно хотела, чтобы люди перестали меня ассоциировать с этой группой.

Но тогда мне казалось, что все это и есть любовь. Это и есть семья. Нас уверяли, что если кто-то забеременеет и захочет родить, то мы все вместе вырастим этого ребенка, поможем и маме, и малышу, ничто не сможет нас разлучить. Мы пройдем этот путь, мы выстоим, никто не разрушит наши отношения. Конечно, когда человек, которому бесконечно доверяешь и считаешь своим отцом, каждый день твердит тебе такие вещи, – никакой контракт не нужен. Ты в абсолютной его власти, ты веришь, что так и будет.

На самом деле я до сих пор не знаю, для кого мой уход из группы был бóльшим ударом – для меня или для Тома. Вот эти манипуляции, которые он с нами проделывал, – они и для него не проходили даром, он влюблялся в ответ. В каждую из нас. Он вложил в меня очень много сил, времени, учил меня всему – поведению на сцене и за ее пределами, учил жизни, мудрости, раскрывал во мне меня настоящую. Я была его творением, Галатеей. Он, как Пигмалион, слепил из маленькой девочки женщину. А она взяла и забеременела от какого-то футболиста. Как такое пережить?

**

Со своим первым мужем Вениамином я познакомилась, когда мне было 20 лет. На тот момент у меня был только один опыт отношений с женщиной, он случился, когда мне было 18, еще до того, как меня пригласили в «ВИА Гру», и был довольно-таки печальным. Однажды я шла из института домой, по дороге завернула в магазин, чтобы купить домой продуктов, и там в очереди ко мне подошел молодой симпатичный мужчина. Он помог мне донести до дома тяжелые сумки, спросил, не нужна ли еще какая-нибудь помощь. Я пожаловалась ему, что мама приболела, и он тут же побежал в аптеку, купил лекарства и передал маме. Он заинтересовался моей работой на телевидении, захотел познакомиться поближе. Пришел к нам домой, познакомился с мамой, а в качестве презента преподнес ей... гречку и тушенку. То есть представляете, до какой степени жалко я тогда выглядела? Мне дарили не цветы, сумки и украшения, как другим женщинам. Мне дарили консервы. Да и то давали их не мне лично в руки, а маме. Чтобы она уж точно использовала продукты по назначению и покормила меня уже наконец.

Тушенка и гречка – это и был тогда мой уровень. Так или иначе, отношения завертелись, он начал меня всячески обхаживать, признавался в любви, говорил, что мы вместе навсегда и что я – его единственная. Мы строили совместные планы, мечтали о том, как назовем наших детей. Но однажды я узнала, что дети у него, оказывается, уже есть, и назвал он их без моей помощи. По телевизору в какой-то программе показали его вместе с семейством. Так выяснилось, что он женат, женой его оказалась очень известная украинская телеведущая. Видимо, страсть к телевидению у него была в крови.

В тот момент я поняла, что мама была права и все мужики вруны и подлецы. Я открыла ту самую банку тушенки, которую до этого бережно хранила, и, заливая ее слезами, съела всю до конца. Вечером, когда он мне позвонил, я сказала:

– Даже не думай больше ко мне подходить.

– Нет, я не согласен, – возразил он, – ты моя и будешь моей. Ты не знаешь, с кем связалась! Я тебя посажу дома, пока ты не поймешь, что ты моя!

Он преследовал меня, не давал проходу. И тогда я запаниковала. Мне было страшно, но я понимала, что надо с этим что-то делать. Я знала, где он живет и как выглядит машина его жены. Нашла наши с ним совместные фото, которые мы незадолго до этого сделали в фотокабинке. Вырезала из них свое лицо, но так, чтобы было понятно – на фотографии двое и они явно равнодушны друг к другу. Все случилось за секунду: я выскочила из автобуса, подбежала к машине его жены, положила эти фото под дворник и уехала. Больше в моей жизни этот человек не появлялся. Как мне тогда хватило мозгов и смелости проверить такую операцию – не знаю. Они, кстати, до сих пор вместе, живут очень мило, и жена все так же с обожанием смотрит на него, а он все так же клеит все, что движется. В тот момент я поняла, что каждая женщина верит в то, во что хочет верить.

После этого на моем горизонте долгое время не было ни одного мужчины – было совсем не до них. И в один прекрасный день я отправилась в салон красоты. (Ну а куда я еще могла отправиться? Единственное доступное мне в ту пору развлечение.) И в этом же салоне в это же время оказался мой будущий муж – Вениамин. Он меня сразу узнал, и что-то во мне его заинтересовало. Что? Не знаю. Поверьте, в жизни я была тогда далеко не так эффектна, как в клипах или на сцене. Зачем ему, взрослому 30-летнему мужчине, известному футболисту, у которого были сотни роскошных эффектных красавиц, понадобилась я? На тот момент он уже давно и привычно жил самой роскошной жизнью, которую только можно было себе вообразить. Зарабатывая хорошие деньги, он не экономил на шмотках, машинах, дорогих ресторанах, тусовках и прочих развлечениях. Казалось, что он даже немного пресытился ими. И тут вдруг перед ним предстал маленький, наивный и чистый ребенок, неискушенный, неизбалованный, ничего не требующий. Видимо, этой наивностью я его и покорила. А чем покорила меня он? Приглашением на свидание... в боулинг. Это было мое первое в жизни свидание. Событие для меня неслыханное: я иду вечером с парнем в загадочное место под названием «боулинг». Никогда до этого там не была и знать не знала, для чего он нужен. Попав внутрь заведения, я была поражена: внутри были люди, и они все веселились. Конечно, веселящаяся толпа в то время была для меня не в новинку, но обычно это были мои зрители, и радовались они потому, что я стояла на сцене и развлекала их, выполняя свою работу. А тут первый раз в жизни не я должна была зажигать публику, эта публика «жгла» сама по себе, без моего участия, а значит, и мне тоже можно было расслабиться, смеяться и ни о чем не думать. Это было совсем новое для меня

состояние. И я была очарована человеком, который мне его подарил.

Мы встречались с ним три месяца. Все было очень романтично: он читал мне вслух частушки, я смеялась. А потом обнаружила, что забеременела – видимо, от одной из этих частушек.

Моя жизнь была официально окончена. Я так не рыдала еще никогда. Мне всего 21 год, я не замужем. Что делать? Аборт? Моя счастливая и прекрасная жизнь, где были любимая работа, любимая сцена, романтические встречи с лучшим в мире мужчиной, закончилась в один день. Все было разрушено. «Мне всего лишь 21 год, а впереди ничего хорошего», – думала я. Я позвонила в первую попавшуюся клинику и наугад выбрала врача. Доктор, спокойная и рассудительная женщина, приняла меня, посмотрела и сказала такие слова: «Я тебе даю три месяца на принятие решения. Если ты решишь отказаться от ребенка – все сделаем, не переживай. Но, умоляю, не спеши. Подумай. Со мной случилась точно такая же история, я тогда училась в университете, и мне тоже казалось, что если я оставлю ребенка – не получу образования и пущу свою жизнь под откос. Но я все-таки решила рожать. И сейчас у меня потрясающая дочь, которую я очень люблю. Думай. И будь честна сама с собой».

На следующий день мы отправились на гастроли в Крым. Приехав в Ялту, я увидела над городом на горе небольшую церквушку и поняла, что мне во что бы то ни стало надо там оказаться. Попросила водителя отвезти меня туда, вошла и сказала:

– Боженька, помоги мне. Если я должна оставить этого ребенка, дай мне знак.

Когда у ребенка есть полный комплект любящих родителей – он, даже став взрослым, чувствует, что защищен

Вышла, села в машину и уже на выезде из того места, где стояла церковь, увидела указатель на деревню Миланки. А надо сказать, что еще в школе, задумываясь о детях, я размышляла, что хорошо было бы назвать дочь Меланией. «Вот он, знак», – решила я. В тот же день рассказала обо всем девочкам, они расплакались, обняли меня, сказали, что все будет прекрасно и они обязательно будут ждать моего возвращения в группу. Потом я собралась с духом и написала Тому. «Даже не думай! Рожай, мы тебя поддержим», – заверил меня он. Мы договорились о том, что я

спокойно доработаю до трех месяцев беременности, а если не будет виден живот, то и до пяти, все будет зависеть от моего состояния здоровья. Потом они меня отпустят в декрет, а как только мои силы после родов восстановятся – тут же введут обратно в коллектив. «Волноваться не о чем, – уверяли меня, – Грация же родила ребенка и вернулась в группу очень быстро. И у Венеры есть дочка, которая ей совершенно не мешает работать». Выслушав эти аргументы, я приняла окончательное решение – ребенка оставить. Успокоенная, пошла к себе в номер и, счастливая, заснула, понимая, что моя семья останется со мной навсегда.

Через месяц и Том, и девочки, и группа исчезли из моей жизни навсегда. Весь этот месяц шел кастинг, о котором я не знала. Конкурс на замещение вакантной должности солистки Анны Седоковой.

Я помню свой последний концерт в Казахстане. Группу попросили выступить на дне рождения у какого-то местного олигарха. Мы приехали в загородный особняк нереальных размеров, с воротами и серьезной охраной. Нашу машину впустили внутрь, ворота закрыли, и нас повели в дом – роскошный, весь в золоте, миллион комнат и среди них помещение, оформленное под ночной клуб – со сценой, стрип-шестами, аппаратурой и прочей начинкой. Привели нас в гримерку, в которой уже тусовались какие-то гоу-гоу-девочки. Директор говорит:

– У нас по райдеру должна быть отдельная гримерка.

Ему посоветовали не высовываться, а вести себя тихо. Мы насторожились, но делать было нечего. Переоделись. Вышли на сцену. Перед сценой сидят, развалившись, 10 мужиков – довольные лица, сальные взгляды. Я беру микрофон, поздравляю именинника с днем рождения, и в этот момент на сцену вылезает один из этих чуваков и начинает трогать Грацию. Мы разворачиваемся и уходим в гримерку. Через секунду туда забегают мужик и орет:

– Я за вас 50 тысяч заплатил не для того, чтобы вы уходили! Я вас, сучек, сейчас порежу! Убью на фиг! Я вас купил, шлюхи, могу делать с вами все, что захочу.

А мы, напоминая, в чужом доме, в чужой стране, двери заперты, ворота закрыты. Убежать мы не можем никак. А я к тому же еще и беременная, и мне из-за этого еще страшнее. Защитить нас может только наш директор, но он никак не справится с десятком мужчин на взводе, окруженным охраной и слугами, уверенными, что нас купили и могут использовать, как хотят. Слава богу, в этот момент в гримерку вошел именинник –

пожилой, умудренный опытом мужчина – и говорит:

– Так, спокойно, все хорошо. Вот этот (показывает на парня, который нам угрожал) – молодой-горячий, простите его, он больше не будет, сейчас все утрясем.

Я снова выхожу на сцену и говорю:

– Здравствуйте, давайте все забудем и поздравим именинника, он такой молодец, умеет грамотно решать ситуации, вот и наш конфликт разрулил.

Мы начинаем работать, и на второй песне нашего концерта опять выходит на сцену чувак и засовывает Грации в костюмные трусики деньги. Я говорю:

– Все, хватит, уходим. – Бежим в гримерку, хватаем наши вещи и пытаемся убраться из этого дома подобру-поздорову. Выбегаем во двор, а нам наперерез мчатся гости праздника в полном составе, с оружием наперевес, и один из них кричит, что они нас купили и сейчас порешат, потому что мы себя неправильно ведем. Неподалеку стоит водитель маршрутки, на которой мы сюда приехали. Я кидаюсь к нему: «Умоляю, вывезите нас отсюда». Водитель, буквально рискуя жизнью, сквозь эту разъяренную толпу с пистолетами ведет маршрутку, мы на ходу вскакиваем в открытую дверь, машина сносит шлагбаум и уезжает. Мы мчимся сразу в аэропорт, несмотря на то, что до рейса еще 10 часов.

В аэропорту мы немного приходим в себя, выдыхаем, понимаем, что опасность нам больше не грозит. И в этот момент директор начинает раздавать зарплату. Каждой по тысяче долларов. Я беру конверт и отдаю ему обратно. «Ты должен вернуть эти деньги, – говорю. – И не просто вернуть, а швырнуть им в лицо. Так будет правильно». Мне говорят: «Да что ты паришься, бери деньги». Я сказала, что не могу этого сделать.

Мы прилетели в Москву, и больше мне никто из них никогда не позвонил. В следующий раз я увидела свою семью и своих сестер на экране телевизора. На красной дорожке премии «Муз-ТВ», где «ВИА Гра» получала награду как лучшая группа года. Они вышли на сцену – Грация, Венера и абсолютно незнакомая мне девушка. Она, радостно улыбаясь, взяла награду, которая, вообще-то, предназначалась мне. Девушку звали Света Лобода.

Боритесь за дочерей, за сыновей, идите в суд, доказывайте, что вы имеете полное право проводить половину времени со своими детьми, выбивайте себе время для встреч, только не бросайте их. Вы нужны им

В тот день, когда я рассказала Тому о своем положении, мы обсуждали в том числе и это мероприятие. Решили, что, если выиграем эту награду, премия станет прекрасным поводом объявить: «Анна Седокова временно покидает группу». Мы предполагали, что я выйду на сцену в составе «ВИА Гры» за наградой, которую честно заработала, объявлю зрителям, что беременна и что ухожу в декрет. Представляю новую участницу, которую к тому времени должным образом подготавливаю. И таким образом люди обо всем узнают, а новая солистка мягко войдет в коллектив. Премия была большим событием для всех нас, мы прошли огромный путь, чтобы ее получить. Но на сцене вместо меня была другая девушка. А я сидела дома перед телевизором, беременная и никому не нужная, смотрела на все это и ждала. Ну, может, сейчас кто-то из девочек подаст хоть какой-то знак, что я была в их жизни? Или, может, Бом мне привет передаст. Или в интервью кто-нибудь меня упомянет. Рукой хотя бы с экрана помашут. Нет. Меня стерли из истории «ВИА Гры». Больше не было у меня ни сестер, ни отца, ни семьи.

Единственная, кто мне за это время позвонил, была Грация. Она осторожно поинтересовалась, как у меня вообще дела, а потом повесила трубку и тоже пропала навсегда. Как будто меня и не существовало никогда на свете.

Время от времени Том писал песни, в которых я продолжала узнавать себя. Или, может быть, я просто хотела там себя узнавать. Так было, когда мне прислали демо-версию песни, в которой были слова: «Хочешь упасть – я неволить не стану, хочешь лететь – лети».

Я всегда считала, что ближе людей у меня нет и не было. Оказалось, что это были мои иллюзии. Я решительно оборвала все нити, связывавшие меня с группой, сказала, что никого из них никогда больше не захочу видеть, даже поменяла номер телефона. И стала строить свою собственную, настоящую, реальную семью.

Вениамин, как порядочный мужчина, сделал мне предложение через неделю после того, как я сообщила ему о беременности. Организовал все, как полагается, – преподнес бриллиант (правда, не кольцо, а браслет, почему-то он показался ему более символичным), попросил стать его женой, пообещал красивую свадьбу. Обещание свое Вениамин сдержал, свадьба была шикарной, на 250 гостей. Моих было всего пять человек, включая маму и тетю. Все остальные были со стороны жениха. Свидетельницей была Эрата – та самая солистка «ВИА Гры». Представляете, какая у меня была насыщенная социальная жизнь, что даже на собственную свадьбу было некого пригласить?

Так началась моя семейная жизнь. Я очень хотела стать идеальной женой. Эта идея стала смыслом моего существования. Впрочем, здесь меня поджидала полнейшая катастрофа. В первую брачную ночь мой муж вернулся домой... в чужой помаде. Я уехала с мероприятия раньше, оставила его догуливать собственную свадьбу в приятной компании. Он решил не терять зря времени. Дальше все пошло по накатанной. Выезды, сборы, женщины, которые вокруг него вились...

Помню, как-то ждала его и волновалась – он не предупредил, что задерживается, и не отвечал на звонки. У меня тогда уже было огромное пузо, я с трудом передвигалась, но отправилась на поиски мужа. Я вспомнила, что он рассказывал о каком-то замечательном кафе на улице Жилянской, в котором часто бывал в последнее время. Поехав туда, я увидела у входа его машину. Кафе, и правда, оказалось очень симпатичным, на вывеске был изображен изящный светящийся женский силуэт. «Надо же, как красиво сделали», – подумала я и вошла внутрь. Первое, что я там

увидела: сидит на стуле мой муж, а верхом на нем – голая блондинка. Она вертелась и скакала у него на коленях, он, как ни в чем не бывало, общался с друзьями, сидевшими тут же, выпивал и вообще выглядел абсолютно счастливым. Я несколько растерялась, и, не зная, как себя вести, просто присела рядом с мужем и стала смотреть на все, что там происходило. А потом осторожно спросила:

– Милый, может, мы поедem домой уже?

– Да-да, – произнес он, – ты езжай, я скоро приеду. – И я поехала домой.

Я ломала голову над тем, что бы мне сделать, чтобы муж чаще бывал дома. Зная, что он любит компьютерные игры, решила ему подарить на Новый год игровую приставку. Выбрала самую крутую, потратила кучу денег, упаковала ее красиво, положила под елочку. И вот наступила полночь, и я говорю:

– А теперь давайте распаковывать подарки!

И Вениамин, очень удивившись, спрашивает:

– А что, мы должны были друг другу подарки приготовить?

И действительно. Новый год. Разве кто-то дарит кому-то подарки на Новый год?

Я считала себя виноватой в том, что муж редко бывал дома. «Значит, недостаточно хорошая жена, от хороших ведь не убегают тусоваться в клубы», – думала я и делала все возможное, чтоб наш дом стал идеальным. Я непрерывно готовила, стирала, убирала. В самом начале нашей семейной жизни Вениамин упомянул о том, что на спортивной базе, куда они ездили на сборы, постельное белье меняется каждый день. Я запомнила эти слова и семь раз в неделю перестилала постель. Еще в нашей квартире был белоснежный пол, и, чтобы поддерживать белизну, я мыла его каждый божий день. Я приглашала домой гостей – его друзей и приятелей, устраивала им ужины. За время своего брака научилась открывать любую алкогольную продукцию – пиво, вино, водку, шампанское. Но и после стирки, уборки и готовки, приема гостей и мытья посуды рабочий день не заканчивался. Я считала себя обязанной убажить мужа в постели, в каком бы состоянии ни находилась. Иначе как? «Все хорошие жены так и делают», – думала я.

Наверное, ему было со мной не слишком интересно. Он был взрослый мужчина, с интересной светской жизнью, гулянками, посиделками с друзьями. Я была чужой в его мире. Нет, я пыталась ходить вместе с ним на тусовки, но мне там не нравилось. Там были какие-то жуткие вульгарные женщины, которые кричали, матерились и обсуждали что-то, совершенно непонятное мне. Меня они не принимали. Никто из них никогда не работал, не понимал, как зарабатываются деньги и, вообще, зачем нужно их зарабатывать, когда кругом полно богатых мужчин. При этом все они роскошно выглядели, вкладывали бешеные деньги в пластические операции, в дорогие сумки, одежду. В какой-то момент меня просто перестали звать на эти тусовки, да я и не рвалась особо. Мне казалось, что, вот, у меня есть муж, скоро родится ребенок – и этого будет достаточно для полного счастья.

И да, действительно, когда на свет появилась Алина, мы оба были счастливы. Но Вениамину вполне достаточно было самого факта того, что у него теперь есть дочь. Он поставил себе галочку в списке сделанных дел. Конечно, он любил ее. Но старался это особо не афишировать. Я не могу сказать, чтобы он как-то о ней заботился или стремился как-то с ней общаться. Говорил:

– Вот когда ей будет 21, тогда мы с ней поболтаем.

И вот ей сегодня 15, а его уже несколько лет нет на свете. Он так с ней и не пообщался...

Кстати, вы можете спросить, почему дочь получила имя Алина, если я мечтала о Мелании? На эту тему у нас было очень много споров. Когда мы думали, как назовем дочь, Вениамин предлагал самые неожиданные варианты. Однажды подходит ко мне и говорит:

– Я придумал, как будут звать нашего ребенка. Света. Потому что я очень люблю песню Михаила Круга «Света, Светочка, Светулька».

Я говорю:

– Подожди. Ну какая Света?! – Ушел. Приходит через несколько дней.

– Я все решил. Она будет Сара.

Вениамин – белорус, я – украинка. Откуда взялась Сара, спрашивается. И, когда я уже лежала в роддоме и Вениамин предложил назвать дочь Алиной, я решила больше не испытывать судьбу. Это был самый подходящий из всех пришедших ему в голову вариантов.

Денег я у своего мужа никогда не просила, даже на продукты, которыми его же и кормила. Он не предлагал – а мне было неудобно грузить его своими проблемами. За два года работы в «ВИА Гре» у меня скопились 25 тысяч долларов – вот их я и тратила постепенно. Себе ничего не покупала – мне по-прежнему было ничего не надо. Помню, как выписывалась из роддома с новорожденной Алиной. Одета я была черт знает во что, а в руках держала маленькую розовую сумку из дерматина, купленную за 10 долларов. На ней был нарисован мишка. Я – солистка группы, которую знала вся страна, жена футболиста, который зарабатывал сотни тысяч евро и одевался в «Луи Виттон» и «Прада», не в состоянии была купить себе нормальную сумку. И это было вовсе не потому, что муж у меня был жадный и прижимистый. Просто ему в голову не приходило тратить деньги на меня. Я же не прошу? Значит, у меня все в порядке.

Я всю жизнь пыталась заслужить любовь родителей

Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что это нормально – попросить о чем-то своего мужа. В этом нет ничего стыдного. У мужчин все очень просто, они неспособны читать и предугадывать мысли. Если тебе что-то надо – скажи об этом. Если не говоришь, значит, все нормально. При этом Вениамин никогда не просил меня экономить. И точно так же не требовал, чтобы я сидела дома в халате и ждала его. Это были мои личные «тараканы». Я почему-то считала, что так надо и так правильно. Помню, в Киев приехало Евровидение. Это было грандиозное событие для украинской столицы, тогда казалось, что такое

бывает только раз в жизни и больше не повторится. И мне предложили билеты в первый ряд на финал. Позвонили и предложили. «Пойдешь? Решайся. Сегодня вечером!» Я отказалась. Знаете почему? Потому что в тот момент я готовила мужу ужин и замочила печенку в молоке. Он ее очень любил. И вот я готовлю эту печенку, открывается дверь, заходит Вениамин и говорит:

– Знаешь, я сегодня, пожалуй, дома есть не буду, пойду в ресторане с друзьями посижу. – И уходит. И я остаюсь на кухне один на один с этой проклятой печенкой в этом проклятом молоке. Где-то в центре города гремит Евровидение, где-то мой муж с друзьями весело проводит время, а я сижу на кухне и старательно изображаю никому не нужную идеальную жену.

Ни в коем случае не хочу сказать, что в этой ситуации был кто-то виноват. Я слишком рано начала свою семейную жизнь. Я была ребенком и совершенно не понимала, как надо строить отношения с мужчинами. В результате он устроил свою семейную жизнь так, как было удобно ему. А удобно ему было следующим образом: у него была женщина для дома – для семьи, которая ждала его дома с горячим ужином. А параллельно у него еще были женщины для утех, для развлечений. Я это тоже далеко не сразу поняла. В первую брачную ночь, отстирывая с его рубашки помаду, выслушала историю о какой-то бабе какого-то Сереги, которую толкнули случайно, и она прямо губами попала прямо на его рубашку. И поверила в эту историю. Ну, бывает же такое, чтобы случайно губами на рубашку? Бывает. За этим объяснением последовали другие, тоже вполне правдоподобные. Ну или просто слова: «Не забивай себе голову, лучше поешь мне приготовь». А я была рада стараться. И только спустя много месяцев, случайно проезжая мимо дома, где жила его бывшая (как я тогда думала) женщина, обнаружила его машину, припаркованную у подъезда.

Это был настоящий шок. Все, чему я верила и чем жила, моментально рассыпалось в прах. Я вспомнила все удивительные истории, которые он мне рассказывал: и про Серегину бабу, которая случайно измазала помадой его рубашку, и про внезапные отъезды на сборы (неприменно в ночи), и про возвращения в 6 утра, – и они начали обретать совершенно другой смысл. Но никаких отношений выяснять я не стала. Когда он пришел домой, просто сказала ему:

– Ты знаешь, если ты счастлив где-то в другом месте, если ты любишь кого-то другого, так тому и быть. А я пошла. Мне от тебя ничего не надо. До свидания. – Собрала свои пожитки и закрыла за собой дверь.

Я потом много размышляла о том, что же было не так в моем

первом браке и почему наши отношения не сложились. Мы были очень разные. Он любил шансон и гулять как следует, а мне была нужна идеальная семья. Я говорила:

– Пойдем в театр? – А ему это было совсем не надо. Ему нравилась «Светка, Светочка, Светуля», а я не понимала, что нравится лично мне. При этом Вениамин был неплохой парень и отличный футболист. Он не просил меня сидеть дома во время Евровидения и замачивать ему печенку. Он, может быть, даже и рад был бы, если бы я тоже где-то тусовалась и была довольна жизнью. И пол каждый день мыть он меня не просил. И рубашки его от помады отстирывать безропотно. Это я сама так решила. Почему-то я была уверена, что настоящая любовь выглядит именно так. Отстирывать помаду. Не спать до шести утра, ждать его, выпившего, слушая, как он возвращается домой, как хлопает внизу дверь подъезда, как лифт гудит, поднимаясь все выше и выше. Доедет он до нашего этажа или остановится раньше? Я научилась определять это по звуку. Сейчас я уверена, что если бы изначально повела себя по-другому, то и отношение ко мне было бы другое. Он же сделал предложение именно мне, до меня жениться ни на ком не хотел. А это что-то да значит. Но «тараканы» в моей голове все разрушили. Я слишком хотела быть хорошей. Чересчур. А он был не против. Что он должен был еще делать? Думать за меня? Говорить: «Ни в коем случае не мой пол? Не жди меня, надев дорогое белье, до 6 утра? Не дари мне дорогие подарки?» Кто же добровольно от такого отказывается? Тем более что он был уверен – мне нравится такая жизнь.

А мне она нравилась? Знаете, был у меня однажды интересный разговор, который заставил о многом задуматься. У нас был сосед, известный футболист Сергей Ребров. И однажды, устав сидеть в одиночестве в пустой квартире, я зашла к Сергею, разговорилась с ним и, слово за слово, начала жаловаться на свою скудную жизнь.

– Я так мечтала, чтобы у меня была большая семья, большой дом, с лужайкой, по которой бы бегали собаки. Чтобы было много детей, и все время собирались шумные компании, и все бы веселились, шумели, и всем было бы хорошо. Такая итальянская семья, – сказала я.

– Я не очень понимаю, – ответил мне на это Ребров, – если ты мечтала об итальянской семье, зачем ты за белоруса замуж вышла?

И я поняла, что он абсолютно прав. Речь тут не шла о национальностях, скорее о стереотипах. Действительно, если я хотела шумную, веселую, большую семью, зачем же вышла замуж за человека, который совершенно был неприспособлен к этому? Который, при всем желании, не мог мне все это дать? Получилось, что мечтала я об одном, а сделала что-то совершенно другое.

Был и еще один момент, который сильно повлиял на нашу семейную жизнь. После рождения Алины моя мама решила, что переедет к нам и будет мне помогать с ребенком. Изначально она вообще была против того, чтобы я выходила замуж за Вениамина, но мне ее мнение было безразлично. Наоборот, я с энтузиазмом схватилась за возможность создать семью – это позволяло мне с чистой совестью съехать от мамы и уйти из-под ее контроля. Но не тут-то было. Мама сказала:

– Я должна контролировать все, что происходит в твоём доме.

Я попыталась сопротивляться, объясняла, что справляюсь с хозяйством сама, а с Алиной мне помогает няня.

– Никаких чужих людей рядом со своей внучкой я не потерплю, – отрезала мама и в тот же день переехала к нам.

Мы выживали, как могли

И вот теперь представьте состояние моего мужа, когда он с утра в трусах выходит из комнаты и тут же натывается на тещу, которая с суровым лицом за ним наблюдает: куда он пошел, зачем, что будет делать? Подслушивает и подсматривает. Конечно, парень начал сбегать. А как тут не сбежишь – две женщины в доме, одна постоянно шпионит за ним, а другая беспрестанно что-то готовит и пол моет. И понятно, что он убегал туда, где ему было свободно и легко, и к тем, кто потакал его вольному образу жизни.

Но при этом сообщение о том, что я от него уйду, Вениамин воспринял тяжело. Он кричал:

– Ты не смеешь от меня уходить! Да кем ты себя возомнила?! Ты никто, и звать тебя никак! Ты никому не будешь нужна и в итоге прыгнешь с балкона!

Я говорю:

– Ты не переживай, я справлюсь. – Но уверенности в себе вся эта история мне прибавляла мало.

Я очень часто слышала в свой адрес фразу: «Ты никому не будешь нужна». Десятки раз. «После меня ты никому не будешь нужна», – говорили мне мужчины, с которыми я расходилась. «Ты не найдешь работу, не будешь успешна, тебя выкинут на помойку», – говорили продюсеры, с которыми я не могла найти общий язык. Приходилось прикладывать гигантские усилия, чтобы не поверить в эту мантру. Чтобы не рухнуть в это вязкое: «Да, действительно, кому я теперь буду нужна».

Масла в огонь подлила мама. Не со зла, конечно же нет, она искренне пыталась починить разрушенную семью. Через три месяца после того, как мы разошлись, Вениамин позвонил и сказал:

– Прости меня, вы с дочкой – смысл моей жизни, и я сделаю все, чтоб вы были счастливы. Я хочу вернуть вас.

Мама, узнав об этом, сказала мне:

– Вернись к нему. Чтобы быть хорошей матерью, ты должна спасти семью.

В тот момент мне надо было уехать на два дня, я оставила Алину на маму, а когда вернулась, выяснилось, что она перевезла ребенка к Вениамину.

– Будете там теперь жить, – сказала мама. Мы согласились и

честно пытались все наладить. Три месяца все было прекрасно, а потом я вновь увидела машину Вениамина у дома той женщины. Но больше я терпеть это не собиралась.

Мама снова была вне себя.

– Ты разведенная старая женщина, у которой ничего никогда нет и не будет. Ты никому не будешь нужна с ребенком на руках. Тебя больше никто и никогда не возьмет замуж. Ты сгинешь от голода и одиночества. – Мне был тогда 21 год.

Сейчас, будучи сама уже многодетной матерью, я из всех сил стараюсь как можно меньше критиковать своих детей, но каждый раз, когда не могу сдержаться и все-таки делаю это, в памяти всплывают эпизоды из детства и юности. Моя мама считала критику лучшим способом воздействия на ребенка.

– Критика для того, чтобы становиться лучше, – говорила она. А поскольку критика меня сопровождала на каждом шагу, это значило, что я с каждой минутой становилась все лучше и лучше. Помню, когда я, уже будучи сольной исполнительницей, сняла свой первый клип и его показали на канале М1, первым делом я позвонила маме.

– Ты видела клип? Тебе понравилось? – спросила я ее.

– Ты была там, как ведьма, – сказала мама, – причесаться было нельзя? Ты же видела, что у тебя выбился локон из прически! Это было ужасно.

– И вот этот один небольшой эпизод очень хорошо характеризует всю историю моих отношений с мамой. Если мне так влетало из-за разрушенной прически, можете себе представить, как она оттопталась на разрушенном браке.

Так или иначе, эта страница моей жизни закрылась. Дав себе

поплакать положенные по регламенту полчаса, я села и стала думать, как выгребаться из той ямы, в которой я оказалась. Итоги были неутешительными. Поскольку я, как полагается гордой самостоятельной женщине, ничего не унесла с собой из совместно нажитого и решила, что справляться буду сама, надежды на помощь у меня не было. Зато был маленький ребенок на руках, полностью разрушенная карьера и самооценка, лежащая в руинах. Впрочем, были и кое-какие плюсы. Со мной была моя верная няня, которая не бросила нас и готова была работать в долг, понимая всю сложность моего положения. В тот момент я поняла, что няня может помочь больше, чем мама. А на счету еще оставались последние 13 тысяч долларов, которые я не успела потратить за годы брака. Мой резвый ум сказал мне: «Нам нужна квартира». Но у меня нет постоянного дохода. Где взять недостающие деньги? И вдруг я вспомнила, что незадолго до этого на одном из мероприятий познакомилась с девушкой, которая представилась президентом банка. Я нашла ее визитку, позвонила и, напустив на себя значительности, сказала, что я известная звезда Анна Седокова и хочу взять кредит. Что у меня, мол, вообще-то, очень много денег, но в данный момент они все крутятся в одном важном проекте, а на руках только 13 тысяч долларов. Может быть, мы можем что-то придумать? Она замялась:

– А есть ли у вас какие-то документы, подтверждающие вашу платежеспособность?

– Ну я же известная артистка, какие вам еще нужны документы?

Хотя какая я была артистка тогда? Меня забыли уже все к тому времени. Но я была настолько убедительна, что девушка мне поверила. Взяла ипотеку, заплатив первый взнос – 10 процентов от стоимости квартиры (как раз те самые 13 тысяч). Подписала все бумаги. И только тогда сообразила, что отдала банку все, что у меня было, до копейки. Все свои сбережения. Денег не осталось даже на еду. Работы не было. Все, кто мне звонил и предлагал выступить, спрашивали только об одном: «А вы будете петь старые песни „ВИА Гры“?» Я не соглашалась, потому что не могла исполнять композиции, на которые у меня не было никаких прав. А новые песни, которые я покупала и пыталась записывать, никому тогда еще не были интересны. Ну или, может быть, это мне так казалось.

Настал следующий месяц – время платить по счетам. Мне нужны были деньги, как минимум 1300 долларов. А у меня не было ни одного, и я понятия не имела, что делать дальше. В какой-то момент даже встала на колени и со слезами на глазах,

подняв руки к небу, взмолилась:

– Боженька, я знаю, что все сложно, но, пожалуйста, если я иду правильной дорогой, дай мне знак, что ты со мной. Чтобы я не потеряла силу.

И на следующий день в моей квартире раздался звонок:

– Мы приглашаем вас на корпоратив, от вас требуется спеть три песни. Любые. Какие угодно. Платим две тысячи.

Естественно, я согласилась. Полторы тысячи сразу ушли на ежемесячный взнос в ипотеку и целых пятьсот долларов еще остались нам с Алиной и няней на жизнь. Так началась моя сольная карьера.

СЕЙЧАС, ПО ПРОШЕСТВИИ МНОГИХ ЛЕТ, Я ПОНИМАЮ, ЧТО ЭТО НОРМАЛЬНО – ПОПРОСИТЬ О ЧЕМ-ТО СВОЕГО МУЖА. В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО СТЫДНОГО. У МУЖЧИН ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО, ОНИ НЕСПОСОБНЫ ЧИТАТЬ И ПРЕДУГАДЫВАТЬ МЫСЛИ. ЕСЛИ ТЕБЕ ЧТО-ТО НАДО – СКАЖИ ОБ ЭТОМ. ЕСЛИ НЕ ГОВОРИШЬ, ЗНАЧИТ, ВСЕ НОРМАЛЬНО.

Глава 4

Несмотря на то что за плечами у меня было два года выступлений с одной из самых популярных групп на постсоветском пространстве, начинать сольную карьеру мне пришлось практически с нуля. Как выяснилось, я не имела вообще никакого представления о том, как устроен мир шоу-бизнеса. Я два года непрерывно гастролировала, побывала за кулисами крупнейших концертных площадок и самых громких мероприятий, где собирались крупнейшие игроки на этом рынке, и, казалось бы, должна была знать эту кухню изнутри, как никто другой. Правда же заключалась в том, что мы, солистки группы, были надежнейшим образом ограждены от всех организационных процессов. В этом и заключалась суть продюсерского проекта – мы ничего не решали. Это, конечно, прозвучит очень смешно, но тогда не было «Инстаграма». Ты не мог просто зайти и оставить свой комментарий под фотографией программного директора радио, а программный директор не мог лайкнуть тебя. Для того чтобы тебя лайкнуть, ему необходимо было с тобой встретиться лично. Может быть, вам сейчас покажется, что я какой-то динозавр и начинала в доисторические времена, но на самом деле все так и было. Мы все были очень далеки друг от друга. И, даже если бы у меня были телефоны этих людей, что бы я им написала? Как бы вторгалась в их личное пространство? Эсэмэской? «Здравствуйте, я Аня, давайте встретимся?»

В общем, начав сольную карьеру, я поняла, что не знакома ни с одним человеком, который бы что-то в шоу-бизнесе решал: ни с руководителями радиостанций и телеканалов, ни с программными директорами, ни с ведущими журналистами, ни с администраторами площадок. Нас не допускали до этих людей. Мы жили в уютном мире, где было так: мне приносят готовую песню, я ее записываю, и она тут же звучит везде. Без каких-либо усилий с моей стороны. Любая песня, которую я пою, сразу же становится хитом. Вернее, она становится хитом еще до того, как я ее спою. И после студии запись мгновенно оказывается в ротации везде и всюду, находятся деньги на съемки клипа, и ведущие площадки наперебой приглашают нас выступить.

Когда я осталась одна, оказалось, что все это не работает автоматически. Песню надо найти, купить, записать, а потом куда-то отнести, чтобы ее взяли и начали крутить в эфире. У меня сразу возникла масса вопросов. Где искать песню? Где ее записывать? Куда нести? Ответов на эти вопросы не было. Даже сейчас, после стольких лет работы, добившись осязаемого успеха,

я до сих пор не победила монстра под названием «радиоформат». До сих пор мои песни не играют на радио. К счастью, радио не имеет на сегодняшний день такого влияния, как раньше. Когда-то, действительно, кроме радио и телевидения, не было других источников популярности. Сейчас все поглотил интернет. И, если бы не интернет, я бы, как артист, погибла. Но об этом чуть позже.

А тогда у меня ровным счетом ничего не было. Даже имени. Мне настолько больно было вспоминать мое прошлое, что я решила: «Анны Седоковой больше в шоу-бизнесе не существует». Начала придумывать себе псевдоним. Один раз я себя уже переименовывала, назвавшись Даной, и, как вы помните, ничем хорошим для меня это не закончилось, но меня это не остановило. Я решила, что отныне буду называться Аннабель. От имени Аннабель пахло примерно так же, как от всех Джульетт, Изабелл или Жозефин, массово наводнивших тогда нашу эстраду. Меня это не волновало. И вот эта самая Аннабель записала очень красивую песню под названием «Мое сердце». Результат получился неутешительным. Люди, которые и раньше-то не очень твердо знали, кто такая Аня Седокова, услышав еще и некую Аннабель, растерялись окончательно. Песня и снятый на нее затем клип потерялись в эфире, найти их сейчас можно с огромным трудом. Года два после этого меня только ленивый не спросил, зачем я учудила историю с псевдонимом. Я не знала, что им ответить. Тем более, разведясь с Вениамином, взяла свою девичью фамилию, и Аннабель растворилась в небытии.

Находясь в полнейшей растерянности, я выложила последние деньги за какую-то песню, которую мне кто-то принес, записала ее и пошла отдавать на радио. И здесь меня ждал неприятный сюрприз – песню не брали. И дело было даже не в том, что материал был плохой, – меня просто нигде не принимали и не хотели видеть. Я целый год обивала пороги всех радиостанций, но дальше приемной секретаря мне пройти ни разу не удавалось. Секретарша спрашивала: «Девочка, ты кто?» Мое имя ей ни о чем не говорило, и звание бывшей солистки «ВИА Гры» двери мне не открывало. До программных директоров мое произведение просто не доходило.

Как я тогда выживала – не помню. У меня был маленький ребенок на руках и никакой жизни – ни личной, ни профессиональной. Помню, что ради заработка соглашалась даже в караоке петь. Представляете, солистка известнейшей группы разогревает публику в караоке за небольшой гонорар? Я тоже была в ужасе, но деваться было некуда. Однажды даже отыскала телефон Тома и написала ему эсэмэску: «Том, здравствуй, можно я вернусь в группу?» Он ответил: «Я подумаю, что можно

сделать». И пропал. Спустя какое-то время я написала ему еще раз, и в ответ пришло сообщение: «Девочки против того, чтобы ты к ним возвращалась». В тот момент состав группы еще раз поменялся, оттуда ушла Лобода и пришла Альбина Джанабаева. Этот состав начали называть «бриллиантовым», мой голос везде заменили на Альбинин, и даже в клипе «Притяженья больше нет» поет теперь Альбина. Назад мне дороги не было, это стало очевидным. Я поняла, что делать нечего, придется учиться выживать самой.

Просто стиснуть зубы и терпеть

По сложившейся уже традиции я поревела положенные по регламенту полчаса, а когда время вышло – внезапно получила сообщение на телефон, которое, как мне тогда показалось, было очень похоже на мое спасение. Меня нашел один влиятельный продюсер и сказал:

– Мы хотим подписать с тобой контракт. – Он объяснил, что они сотрудничают с самим Первым каналом, пообещал мне золотые горы, в том числе место ведущей программы на Первом. Это была мечта. Мне предлагали быть и певицей, и телеведущей одновременно! Лучше и быть не могло. И тут я совершила одну из самых величайших глупостей в своей жизни. Не читая ни одного пункта в этом контракте, я его подписала. Не глядя. Не совещаясь с юристами. Не проверив ни одного пункта. Просто взяла и подписала. А там говорилось, что все мои песни, все, что я спою или напишу, в течение пяти лет безоговорочно будет принадлежать этой конторе. И выступать нигде без их ведома я не имею права. И сотрудничать ни с кем, кроме них, тоже не могу.

Поначалу все шло неплохо. Я поехала на конкурс «Пять звезд» в Сочи, там собрался весь цвет шоу-бизнеса, в течение трех

конкурсных дней на сцене выступило огромное количество звезд первой величины. Талантливые конкурсанты боролись за звание лучшего, и жюри, состоящее из маститых продюсеров, артистов и журналистов, оценивало их по всей строгости. Я участвовала в конкурсе в качестве молодого перспективного исполнителя. В общем, все начиналось сначала, и мне казалось, что вот он, передо мной – тот самый чистый лист, на котором я снова смогу начать писать всю свою биографию.

Выйдя на сцену, я подняла глаза и увидела сидевшего передо мной в жюри Тома. Это была наша первая встреча после того, как я ушла из группы, мы не виделись два года. Том мило улыбнулся мне, подбодрил, сказал, что я большая молодец. За свое выступление я получила низкий балл всего лишь от одного из членов жюри. Моя знакомая, удивительно, но все та же Грация, сидевшая в зале неподалеку от того места, где располагалось жюри, сообщила мне, что видела, кто именно поднял дощечку с цифрой «3». Это был именно Том. Ничего не выиграв, я покинула сцену и тут же встретила его за кулисами. Я подняла на него глаза и сказала: «Как вы могли поставить мне тройку! Это же как нож в спину!» (Да, соглашусь, я всегда была склонна к драматизму.)

Через некоторое время у «ВИА Гры» вышла песня. «Цветок и нож».

На конкурсе «5 звезд» никакого достойного места я не заняла. Впрочем, не думаю, что в этом виноват Том или кто-либо другой. Знаете, я давно про себя поняла, еще с детства, что я не конкурсный персонаж. Есть такие люди, которые выигрывают ну буквально в каждом конкурсе, в котором участвуют. Это те люди, которые все делают правильно – они выбирают правильные платья, поют правильными голосами песни о своей сложной судьбе. Я не умела делать ничего из вышеперечисленного, и даже в категорию «Девушка сложной судьбы» не попадала – потому что ездила на «BMW», который мне в 18 лет бандит подарил. Я не выигрывала ничего и никогда. Сейчас уже, конечно, понимаю, почему это происходило. В песенных конкурсах очень важна конъюнктура. Если вы хотите выиграть, надо выбрать правильную песню. Обычно лучше всего «заходят» песни про войну, или про маму, или про что-то, что будет важным для всех и заденет сердца максимального количества аудитории. Можно выбрать песню, которую написал или пел кумир миллионов, Высоцкий например. То есть важно выбрать произведение, которое отзовется в душе у большинства. Самому тоже при этом надо быть форматным, конкурсным человеком. Мне вот, например, всегда говорили: «Аня, все дело в том, что тебя не жалко». Понимаете, я

выглядела так, что меня никто никогда не жалел. Жизнерадостно слишком. У меня как будто все всегда хорошо было. И жюри, глядя на меня, думало: «Вот девочка, у которой все в порядке, не нужна ей эта победа на конкурсе, она и без нее отлично живет». И победа присуждалась тому, кто пел жалостливее и вздыхал проникновеннее. Ну или просто был талантливее, чем я, обладая голосом в 5 октав.

Я оказалась опять в Киеве, опять без денег, опять никому не нужной. Но при этом права на меня были переданы другим людям, которым я должна была три альбома, но которые даже не удосуживались ответить на мои звонки

В общем, конкурс «5 звезд» не стал исключением, я его тоже не выиграла. Мне было обидно, не буду лукавить, но настроения не испортило. Важнее было другое – я впервые после долгого забвения появилась на большой сцене, на таком крупном мероприятии, которое к тому же потом показали в эфире Первого канала. Это вселило в меня некоторую уверенность и позволило двигаться дальше. Я больше не сидела дома, я становилась самостоятельным музыкантом.

Тем более что в тот момент продюсеры принесли мне мою первую сольную песню, которая называлась «Самая лучшая девочка ждет звоночка». Сказали:

– Ты должна забыть о том образе, который у тебя был в «ВИА Грег», никакой сексуальности, никакой женственности. Мы хотим, чтобы ты стала миленькой. – То есть все эти пушапы, золотые костюмы, черное платье в кружевах, в котором я красовалась в клипе «Притяженья больше нет», – мне надо было забыть. И стать маленькой наивной девочкой с распахнутыми глазами. Они хотели уничтожить и стереть из памяти зрителя тот образ, который у меня был, им нужно было, чтобы я забыла все, чему меня два года учил Том.

Эта идея мне категорически не понравилась. Как и сама песня – она была откровенно глупая, и даже больше того, она была ни о чем. Да, конечно, этого, может быть, требовал рынок, но мне казалось, что, став такой, какой меня хотят видеть продюсеры, я предаю все, чему меня учили. А спев песню с такими словами, я предам свой мозг. Себя предам. Свою позицию сильной женщины, которая только начала тогда во мне формироваться. Это был переломный момент, в 25 лет я стала наконец-то превращаться из забитой девочки в женщину, которая больше не ждет ни от кого никакого звончка. И вообще я больше ни от кого ничего не ждала, точно решила идти вперед сама.

В общем, песня эта была не про меня, и петь я ее не хотела, о чем и сказала продюсерам. Они настояли и все-таки записали ее, а потом и сняли клип, где я усиленно хлопала наивными глазами и изображала наивную дурочку. И песня, и клип провалились чуть больше, чем полностью. Люди не верили тому, что видели на экране, чувствовали фальшь. А продюсеры, поняв, что петь по их указке я не буду, просто решили прекратить со мной общаться. В одностороннем порядке. Я звонила им, но они просто игнорировали мои звонки. А для того чтобы приехать в Москву и добиться аудиенции с людьми, заключившими со мной контракт, у меня не было денег.

Конечно, попади я в такую ситуацию сейчас, с моей нынешней способностью решать проблемы, я могла бы разрулить ситуацию в течение получаса. Но тогда это было невозможно. Я оказалась опять в Киеве, опять без денег, опять никому не нужной. Но при этом права на меня были переданы другим людям, которым я должна была три альбома, но которые даже не удосуживались ответить на мои звонки.

Моя история не была оригинальной. Очень многие молодые исполнители попадались на эту удочку – связывали себя по рукам и ногам, неосторожно подписав контракт. Суть, как правило, сводится к одному – артист не имеет права без ведома продюсера ни шагу шагнуть, а все права на его творчество безоговорочно принадлежат продюсерскому центру. У продюсера расчет

простой: если он подписал артиста и артист вдруг «выстрелил» – он зарабатывает. А если у артиста ничего не получилось – продюсер просто держит его при себе, денег на него не тратит, усилий не прикладывает, но отпускать не собирается. А вдруг мы контракт расторгнем, артист уйдет, через полгода напишет какую-нибудь волшебную песню, которая взлетит во всех хит-парадах и приведет его к сольнику в «Олимпийском»? Получится тогда, что продюсер плохой, не распознал талант? Представляете, какой удар по самолюбию? Но это все мотивы очевидные. А есть и еще один, и про него тоже не надо забывать. Вот, к примеру, у продюсерского центра есть флагманская группа. Группа узнаваемая, со своим форматом, с ярким вокалом, четким стилем. С огромной аудиторией. И вдруг появляется на свет еще одна группа. Формат, стиль, тембр голоса солиста – все очень похоже, иногда даже спутать можно. И эта молодая группа начинает завоевывать хит-парады, уверенно идет вверх. Продюсер начинает нервничать – это прямая угроза благополучию и кассовым сборам его коллектива. Надо себя обезопасить. Что делать? С молодой группой заключается контракт. Казалось бы, зачем продюсерскому центру две одинаковые группы? А вот зачем. Для того, чтобы их уничтожить. Чтобы не дать им выйти на рынок. Молодой группе обещают золотые горы, подписывают их на пять лет, кладут контракт в сейф и не делают больше ни-че-го. А так как все контакты, через которые можно связаться с группой и, например, пригласить на выступление, теперь в руках у менеджера – он может передавать эти приглашения своей флагманской группе, и у той будет в два раза больше концертов. А молодые музыканты останутся ни с чем.

Это был переломный момент, в 25 лет я стала наконец-то превращаться из забитой девочки в женщину, которая больше не ждет ни от кого никакого звоночка. И вообще я больше ни от кого ничего не ждала, точно решила идти вперед сама

Эта история действительно имела место, и группа, о которой я говорю, до сих пор так и не смогла выбраться из той ямы. Даже несмотря на то, что музыканты были многообещающие и взяли очень хороший старт. Но никакой талант не сможет ничего делать, если по контракту ему запрещено петь свои песни, нести их на радио, выступать на больших концертных площадках без согласия продюсеров (а те согласия, естественно, не давали), выпускать альбомы и клипы. Для группы это верная смерть. У нас в шоу-бизнесе огромное кладбище таких вот групп. И каждый день туда отправляется кто-то еще. Каждый день погибает

музыка, исчезает артист.

Я не знаю, был ли мой случай именно таким. Может быть, тем продюсерам показалось, что я могу составить конкуренцию девочкам, уже работающим в их продюсерском центре. Может быть, мотивы были другими. Но, так или иначе, с этого момента вся моя карьера, едва начавшись, снова пошла под откос.

Наверное, если бы я тогда была умнее и опытнее, я бы догадалась нанять юристов и попыталась бы бороться. Можно было бы выкупить этот контракт и все-таки обрести свободу. В тот момент я поняла, что в шоу бизнесе ничего не добиться не только без финансового образования, но и без юридического.

Так глупо я поставила свою и без того не особо удачную карьеру сольной певицы на жирный пятилетний стоп. Но победили ли они меня? Не думаю.

Впрочем, однажды меня нашли люди, видимо, не знавшие о существовании контракта. В моей киевской квартире зазвонил телефон, и на том конце провода поинтересовались, не желаю ли я попробоваться в шоу «Ледниковый период». Я даже не раздумывала особо, проект был невероятно рейтинговый, и участие в нем однозначно пошло бы мне на пользу. Я соглашаюсь, прошу маму посидеть с ребенком, собираю чемодан и лечу в Москву. Кастинг проводит Илья Авербух. Я выкатываюсь перед ним на лед, делаю какие-то па, которым научилась еще в детстве, катаясь на замерзшем озере в коньках на два размера меньше. Он говорит: «Классно, Аня, я тебе позвоню». Я возвращаюсь домой, жду звонка и, не дождавшись, начинаю волноваться. Окольными путями узнаю, что руководителям шоу я не подошла, их не устроил мой уровень катания. Понятно, что в паре «профессиональный фигурист – артистка» профессионализм требовался только от первого участника, но второй, оказывается, тоже должен был продемонстрировать хоть какой-то уровень владения мастерством, потому что иначе его просто не могли бы научить стоять сносно на коньках за такой короткий срок. В общем, мой уровень им показался недостаточным. Но я понимаю, что в тот момент единственный мой шанс выжить – это стать участником шоу. Превозмогаю свою гордость и робость, сажусь и пишу Илье письмо. «Здравствуйте, я прошу вас дать мне неделю. За эту неделю обещаю научиться кататься на коньках так, что вы меня не узнаете. И тогда вы точно не сможете без меня жить на вашем проекте». Отсылаю письмо и тут же иду прямиком на каток.

Слово свое я сдержала, каждый день по шесть часов я не уходила с катка в торговом центре, нашла себе тренера, каталась сама, смотрела на других людей. Это были катки в торговых

центрах, на которых катались все подряд. Но меня это нисколько не смущало. Через неделю я приехала в Москву и показала 14 трюков, 18 разножек и еще массу всего интересного. Илья посмотрел на меня и сказал:

– Мне нравится твой подход к делу. Нет, кататься ты все так же не умеешь, но мы тебя берем.

Я собрала два чемодана вещей, еще раз попросила маму посидеть с Алиной и приехала в Москву. Самой большой удачей было то, что канал мне снял квартиру в городе, и мне не надо было ломать голову, где жить. Поначалу я была очень счастлива, но потом счастья стало все меньше и меньше. Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что «Ледниковый период» стал самым большим моим тестом на выживание. Я в прямом смысле выживала – и морально, и физически. Занималась по 10 часов в день. Каждый день вставала затемно, плелась на каток, мне все время было холодно, я постоянно падала, все время билась об лед – то ногами, то головой. То есть состояния у меня тогда было три: холодно, больно, страшно. Больше никаких эмоций не существовало.

Атмосфера на катке была, прямо скажем, нервная. Каждому из профессиональных фигуристов, наших партнеров, очень важно было попасть в финал. Для нас, непрофессионалов, это был пусть и важный, но все-таки мимолеетный проект. А у них от победы зависело будущее. С фигуристами из проекта, выступившими лучше всех, заключали контракт, и они в течение года ездили по стране с ледовым шоу. Это была их работа, их жизнь. Конечно, они нервничали и очень хотели выступить на «отлично».

Но нам тоже нервов хватало. Оно и понятно – рядом с тобой тренируются твои соперники, и, волей-неволей, глядя на то, как ты репетируешь трюки, ждут, что ты навернешься, упадешь, травмируешь себе все и сойдешь с дистанции. Помимо этого, очень расстраивала собственная неуклюжесть. В «Ледниковом периоде» есть определенный уровень, до которого ты можешь дойти. Есть несколько трюков, которые ты можешь выучить и продемонстрировать. Но выше этой планки ты прыгнуть уже не можешь, как ни старайся. Потому что выше поднимаются только люди, которые на лед вышли в три года, тренировались каждый день и к твоему возрасту стали высокооплачиваемыми профессионалами. Но, даже понимая это, ты все равно расстраиваешься, что ничего не получается.

Еще одной проблемой стала моя фигура. Я совершенно неправильно сложена для фигурного катания. Трюки на льду основаны на том, что партнер поднимает партнершу, бросает ее, ловит, крутит и так далее. А я слишком тяжелая для всех этих фокусов. Посмотрите на фигуристок в парном катании – они все как одна худенькие и не имеющие никаких выраженных форм. А у меня то с одной стороны что-то перевешивает, то с другой, и я все время падаю то вперед, то назад. Поднимать и крутить меня сложно. В общем, я в любом случае не могла стать лучше, чем я есть.

Я сидела и думала: «Как я здесь оказалась? Что я делаю здесь? Мой ребенок за тысячу километров отсюда, я одна в чужой квартире, никого кругом нет, одни соперники и судьи. Надо прекращать, это не жизнь»

У Андрея Хвалько, моего партнера по проекту, был свой стиль катания – на мировой спортивной арене он и его жена (она же партнерша) были известны своими рискованными трюками. И со мной он начал ставить именно такие номера. Он меня раскручивал, и я летала, проносясь в миллиметре над льдом и молясь, чтобы он не разможил мне голову. Соглашалась я на это, потому что понимала – мы единственная пара, которая совершает подобные трюки, больше никто не мог их повторить, и надо было ради победы либо идти ва-банк, либо сдаваться и уходить. Поэтому каждый день был сплошным стрессом, от восхода до заката. И я помню, как просыпалась, а в голове у меня звучал голос Татьяны Анатольевны Тарасовой. Он произносил те слова, которые я слышала после каждого нашего конкурсного выступления:

– Ты ничто, звать тебя никак, все у тебя получилось отратительно и все плохо. – И я каждый день говорила себе, что

вообще зря в это все ввязалась, я же знаю, что я неконкурсный персонаж, зачем мне все это было нужно?! И сама себе голосом Тарасовой отвечала: «Конечно, сложно научиться кататься! А зачем же ты тогда, милочка, поперлась на Первый канал? Сидела бы дома, не было бы ни страшно, ни холодно. А раз уж пришла сюда – работай!»

В тот момент я впервые в жизни закурила сигару. Не знаю, что меня натолкнуло на эту мысль, но я пошла в магазин и дрожащими руками выбрала из коробки на витрине... сигару. Сигареты в этой ситуации были бы, конечно, уместнее, но их покупать я почему-то испугалась. Купила сигару, пришла домой, села у окна и закурила ее. От ужаса и безвыходности. И это было страшно. Я сидела и думала: «Как я здесь оказалась? Что я делаю здесь? Мой ребенок за тысячу километров отсюда, я одна в чужой квартире, никого кругом нет, одни соперники и судьи. Надо прекращать, это не жизнь».

А потом случилось наше последнее выступление на проекте. Понимая, что мы на грани вылета, я решила идти ва-банк и придумала, что буду кататься с завязанными глазами. Зачем мне это было надо? Почему я решила, что кто-то вообще способен исполнить такой трюк, если он, конечно, не Татьяна Навка? И, тем не менее, эта идея родилась в моей голове, я решила всех покорить и поразить. И я помню, как надела повязку. И помню, что дальше был абсолютный провал.

А еще перед выходом на лед я, чтобы не волноваться так сильно, наглоталась успокоительных таблеток. И не рассчитала дозу. Расслабилась так, что перестала контролировать тело. Я не могла поставить на лед ногу – она подворачивалась, и я неспособна была ее удержать. Представляете – выхожу, встаю на лед перед зрителями и жюри, а нога ровно не стоит. Во время этого концерта я очень сильно упала, травмировалась, и ничего из нашего выступления не вышло. Именно в тот момент я поняла, что не могу больше продолжать.

В результате мы заняли пятое место, давно это было, я забыла.

«Ледниковый период» для меня был закончен. Что дальше? Возвращаться в Киев, где у меня были мама и дочь, но не было никакой работы? Или пытаться начать карьеру в Москве? Здесь тоже особо ничего не предлагали, но за два месяца жизни у меня появились кое-какие знакомства, со мной начали здороваться коллеги и люди, от которых в шоу-бизнесе что-то зависело, меня начали узнавать на улицах. То есть перспектив в Москве было явно больше, но перевести сюда дочь я пока еще не могла. Так я начала жить на два города. То вела на украинском телевидении

программу «Телезвезда-суперзвезда» вместе с Андреем Малаховым, то уезжала в Москву для участия в проекте «Две звезды». И все время в поездах и самолетах. И все время думая о том, что, находясь в Киеве, я упускаю что-то из московских возможностей, а уезжая в Москву, лишаю собственную дочь ее родной матери. Я металась из города в город, от семьи к работе и думала, что хуже в моей жизни ничего уже не будет. В тот момент я и подумать не могла, что когда-нибудь у меня будет трое детей и я буду жить не на две страны, а на три, одна из которых при этом будет находиться за океаном, в 12 часах лета. И что эти испытания были лишь первой ступенькой из тех, что мне предстояло пройти.

Я металась из города в город, от семьи к работе и думала, что хуже в моей жизни ничего уже не будет

С музыкальной жизнью по-прежнему не клеилось. Это было и понятно – из-за моего контракта со мной никто не хотел связываться. Организаторы концертов не хотели тягаться с компанией, с которой у меня был контракт, – никто не собирался из-за меня портить отношения. Поэтому в основном я зарабатывала деньги, ведя свадьбы и другие мероприятия.

Сложность состояла еще и в том, что я поначалу очень боялась выходить на сцену как сольная певица. Я привыкла к тому, что обычно нас было трое и ответственность как-то делилась на троих, и поэтому, выходя к публике в одиночку, я норовила притащить и поставить рядом с собой кого угодно – барабанщиков, жонглеров каких-то, эквилибристов, лишь бы не чувствовать себя одиноко. И, конечно, я волновалась. Жутко волновалась. У меня дрожали и подгибались колени. Нервная система после «Ледникового периода» и «Двух звезд», в которых я незадолго до этого приняла участие и которые подорвали мою и без того не очень высокую самооценку, была искалечена. До сих пор участие в этих проектах и мое к ним гиперответственное отношение аукается мне. Шрамы на нервной системе так и не прошли. И даже сейчас, снимаясь в эпизоде обычной программы и глядя на трибуны, где сидят подсадные зрители, я боюсь, что не

поправлюсь им. Что уж говорить о больших концертах на серьезных площадках. Но в эти моменты мне помогает фраза, сказанная однажды Марлен Дитрих: «Настоящая женщина не волнуется, она волнует». И с тех пор, несмотря на то что меня по-прежнему слегка колотит перед любым концертом, я, вспоминая эту фразу, говорю себе: «Нет, я не буду волноваться, буду волновать». И иду работать.

Несмотря на то что контракт связывал мне руки, я все-таки пыталась записывать на студии свои песни. Так появилась композиция «Привыкаю», на которую вскоре был снят клип. Планируя съемки, я понимала, что рискую – его же никто не возьмет! Но все-таки решила действовать. Долго думала, кого пригласить на главную мужскую роль. Потом, дрожа от собственной наглости, подошла к своему соведущему Андрею Малахову и спросила:

– Андрей, могли бы вы сняться у меня в клипе? Я сделаю вас самым желанным мужчиной в кино, Джейм-сом Бондом.

Он не колебался ни секунды.

– Да, – говорит, – я согласен.

У меня от удивления аж ноги подкосились. В тот момент это было, как если бы «да» сказал мне Джон Ледженд. Андрей был знаменитостью, настоящей звездой и в России, и в Украине. Он легко мог бы отказаться от просьбы никому не известной певицы. Но он решил меня поддержать. Снялся при этом совершенно безвозмездно, денег с меня не просил (тем более что я все равно не смогла бы ему заплатить ни копейки). Выдвинул единственное условие:

– Когда встанешь на ноги и станешь известной, будешь мне должна концерт.

Кстати, мы с Андреем дружим по сей день, и он еще ни разу не вспомнил о своем условии.

Продюсеры, подписавшие со мной контракт, на связь так и не выходили, но палки в колеса, тем не менее, вставляли исправно. Сняв клип на песню «Привыкаю», я разослала его по всем музыкальным каналам. Он встал в ротацию, но буквально на следующий же день мои мучители разослали по каналам письмо такого содержания: «Снимите, пожалуйста, этот клип из эфира, все права на артиста принадлежат нам». Послушались все. Кроме одного человека – директора канала «Муз-ТВ» Армана Давлетярова. Он сказал:

– Меня не волнует ваш контракт, я не уберу клип, потому что он мне нравится. Буду его крутить. – И я до сих пор безгранично благодарна ему за то, что он тогда поддержал маленькую, никому не известную девочку.

Очень хорошим жизненным уроком послужила мне та западня, в которую я тогда попала и из которой не могла выбраться целых пять лет. Одна неосторожно поставленная подпись отбросила мою карьеру далеко назад. Я начала работать сольно в 2008 году, а первый свой альбом в результате смогла выпустить в свет только в 2016-м. Если бы я была тогда хоть на грамм умнее, я бы первым делом, приняв решение заниматься собственной карьерой, наняла бы не аранжировщика, не пиарщика и не концертного директора, а грамотного юриста. Который мне сказал бы: «Аня, даже если тебе сулят золотые и бриллиантовые горы. Даже если этот контракт принес тебе родной брат, или сват, или лучший друг. Даже если тебе кажется, что это единственный твой выход. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Не подписывай ничего, не посоветовавшись со мной». Юрист нужен обязательно. И не тот, который работает на дядю, принесшего вам контракт. А независимый специалист, способный составить мнение об этой бумаге. Заплатите ему 5 тысяч рублей, получите консультацию. Не спешите. Если продюсер, предлагающий вам сделку, действительно так хочет, чтобы вы работали с ним, он переделает контракт таким образом, чтобы он был вам выгоден. Если же он начинает доказывать, что это единственно возможная форма договора, если он говорит: «Не хочешь – уходи, я найду артиста поговорчивее», – бегите от него бегом. Вы должны первым делом научиться отстаивать свои права. Боритесь за себя.

История эта меня очень многому научила. С тех пор у меня больше никогда не было продюсера. А для артиста это не самый простой путь. Быть с продюсером намного проще. В этом случае твое дело – писать песни и ездить на концерты. А всю организационную работу берет на себя продюсер, и у тебя не болит голова, как организовать гастроли, где брать спонсоров, как снять клип, где найти стилистов, визажистов, как организовать грамотный пиар, каким образом пристроить песню на телеканал. Да, продюсер получает 70 процентов доходов с твоих концертов, но он и вкладывает в тебя будь здоров сколько. Он делает твою карьеру. А ты просто живешь, иногда выходишь на сцену, в остальное время отдыхаешь, получаешь свои 30 процентов, и жизнь твоя легка и весела. Есть второй путь, и он сложнее, – когда ты сам полностью несешь за себя ответственность. Ты ставишь свою песню на радио и в интернет, сам монтируешь клипы, сам ломаешь голову, где взять на все это деньги. И еще при этом надо успевать писать песни, хоть какие-то силы оставлять себе на творчество. И тогда твоя жизнь – твоя личная ответственность, и нет ни одного человека, которому ты

можешь поручить все это сделать. Ты сам себе хозяин и одновременно сам себе подчиненный. Сложно? Да. Но зато ты ни от кого не зависишь.

Я понимаю, что у меня нет времени на сон и отдых, что я отвечаю за все. Но это мой путь

Я сознательно выбрала для себя второй путь. Я понимаю, что если теряю я – теряет моя семья, мои дети. Я понимаю, что у меня нет времени на сон и отдых, что я отвечаю за все. Но это мой путь. Я непокорная. Но у меня при этом сейчас 100 процентов прав на мою собственную жизнь. Я могу полететь в Сыктывкар на концерт, а могу попросить директора поставить мне его в гастрольный план на следующий месяц, потому что мне нужно съездить отдохнуть с детьми, они соскучились, потому что давно не видели маму. Вот почему я добровольно взвалила на себя все тяготы жизни без продюсера – она позволяет мне оставаться мамой. Мне это очень важно. Смотрю на графики артистов первой величины, и меня восхищает то, что они каждый день выступают на самых больших площадках. На секунду мне кажется, что я бы тоже так хотела. А потом приходит мысль: «И что дальше? Я уеду сейчас, а вернусь через два месяца? А как я это переживу, если начинаю скучать по сыну уже через 10 минут после того, как он идет спать в свою комнату?» Все-таки я прежде всего мама. И женщина. А популярная артистка – во вторую очередь. Это мой выбор.

Впрочем, это я сейчас такая умная. Тогда я сидела и ждала истечения срока контракта. Время от времени я писала свои собственные песни, но клала их «в стол», мне было неудобно записывать их, казалось, что я как автор совершенно ничтожна и мои переживания никому не интересны, и, если я их обнародую, это будет смешно. Я робела, комплексовала. Первая песня, которую я решилась все-таки показать публике, называлась «Простые слова». До этого я была уверена, что мои песни не достойны жить. Когда сейчас «Шантарам» несется из каждого утюга, люди просят спеть ее на концертах и поют сами – для меня это невероятная магия. Я не понимаю, как это происходит. Вот у тебя в голове появляется какая-то история, ты ее крутишь-вертишь, придумываешь персонажа, канву. Вот рождаются слова. Ты их кладешь на музыку. Появляется песня. А потом ее почему-то начинают люди петь. Они понимают твои чувства, разделяют их. Это самое большое волшебство, которое может случиться с человеком.

Он хороший был парень, молодой и симпатичный,

но меня отталкивал весь этот мир богатства. Я считала себя недостойной этого мира и боялась его

Впрочем, тогда до этого момента было еще далеко. Пашу – известный продюсер, один из основателей лейбла Black Star – предложил мне записать совместный трек с Джиганом. Это был молоденький, никому не известный тогда пацан из Одессы, заглянул как-то к нам в студию, и я на него обратила внимание – милый такой, улыбчивый мальчик. А я тогда уже начала набирать обороты как певица, моя песня «Привыкаю», несмотря на все запреты, стала стремительно раскручиваться, у меня появились первые премии, первое признание. Так что я решила протянуть руку помощи молоденькому парнишке, и мы записали с ним дуэт «Холодное сердце».

Личная жизнь тоже не стояла на месте. За мной начал ухаживать мальчик из очень богатой семьи. С его стороны все было очень серьезно, он водил меня по дорогим местам, подарил мне мои первые в жизни роскошные часы. А поскольку он был не только богатый, но и умный, каким-то образом понял, что влиять на наши отношения можно и через мою маму. Однажды он преподнес ей в качестве презента пухлый конверт. Мама мгновенно поняла, что вот это и есть счастье – получать конверты от будущего зятя. И начала всячески мне его рекламировать, уговаривая принять ухаживания и быстрее бежать замуж. Он хороший был парень, молодой и симпатичный, но меня отталкивал весь этот мир богатства. Я считала себя недостойной этого мира и боялась его. И, наверное, самой большой ошибкой этого парня было то, что он любил меня слишком сильно. Мне показалось, что все его чувства, которые он демонстрировал, – вранье. Что меня так сильно любить нельзя. Словом, все в нем было не так – и его «ролексы», и конверты с деньгами, и то, что любил он меня слишком сильно. Наверное, мне нужен был другой? Может быть, тот, кто бы ноги об меня вытирал? Вот это было бы хорошо для меня, это было бы комфортно. И это была бы правда. А тут какой-то уж слишком совершенный жених. Девочка, брошенная отцом, никогда не поверит в безусловную любовь. Есть лишь несколько случаев излечения от этой болезни. И я каждый день молю бога, чтоб он меня излечил.

Но если серьезно, я была в тот момент слишком занята работой и ребенком и думала, что большой любви в моей жизни больше уже не будет никогда. С этими мыслями я записалась в спортзал – чтоб хоть чуть-чуть отвлечься от ежедневной суеты. Начала ходить в зал – и увидела на соседнем тренажере

симпатичного парня. Сама не заметила, как начала ходить на тренировки все чаще и чаще. Спорт меня невероятно заинтересовал. Я отныне буквально жить без спорта не могла. По шесть раз в неделю бегала в зал и занималась по 6 часов без перерыва. И однажды он подошел ко мне и сказал: «Аня, пойдёте в кино?» Я говорю: «С радостью, но мне надо побыть с дочкой». «Так давайте с ней вместе и пойдём? На мультик какой-нибудь», – предлагает он. Я радостно прибегаю домой и говорю: «Мама, я влюбилась, он потрясающий, классный, молодой, красивый! И он хочет пойти в кино не только со мной, но ещё и Алё с собой взять». Мама была категорически против: «Даже не думай, я тебе не разрешаю!»

Спорить с мамой было сложно. Мама жила в моей квартире, контролировала мои финансовые потоки, растила моего ребенка, а значит, вполне имела право голоса в моей судьбе. С одной стороны, я ее понимала. И мне самой было бы сильно легче, если бы я согласилась связать жизнь с олигархом. Потому что в моей семье в то время работала я одна. Я зарабатывала на всех и всех содержала – себя, ребенка, маму, брата. А тут вдруг появляется богатый парень и начинает дарить «ролексы» мне и пухлые конверты маме. Это же могло здорово облегчить мне жизнь. Но мне хотелось совсем другого. И Майк давал мне то, в чем я в тот момент нуждалась гораздо острее, чем в деньгах. Он был заботливый, галантно открывал мне двери в машине и уважал моего ребенка. Мне всегда внушали, что мужчины боятся женщин с детьми и уж если берут на себя смелость пригласить на свидание одинокую маму, то никак не в сопровождении ребенка. Майк не боялся Алину. Более того, он был не против с ней подружиться. И это говорило о том, что Майк – мужчина, который мне нужен. Если честно, Майк был первый мужчина, который открывал мне двери перед выходом из машины. Он останавливался, выключал мотор, выходил из машины, обходил ее, открывал двери мне и подавал руку. Эти 36 секунд казались мне вечностью. Ведь я должна была выскакивать, бежать, делать все сама-сама. А тут он. В тот момент я поняла: что бы ни случилось, какой бы вечностью тебе это ни казалось, сиди и жди, не выбегай из машины. Мужчине нужно дать время. Не нужно делать все за него. И да, иногда это занимает чуть больше времени, но результат тебя обязательно порадует. В общем, я влюбилась и думала, что встретила потрясающего человека.

Но моя мама думала по-другому. Перед походом в кино Майк зашел за мной. Я в тот момент собирала Алину. Мама встретила моего молодого человека фирменным взглядом «я смотрю на тебя как на пустое место». Мы поспешили покинуть квартиру и

выбежали на улицу. Идем, взявши Алину за руки – я справа, Майк слева. И вдруг нас догоняет моя мама, вся такая в черном, врывается вихрем в нашу стройную шеренгу, бьет Майка и Алину, чтобы разомкнуть их руки, становится между ними.

– Я никуда вас одних не отпущу, пойду с вами, – кричит она. Мама садится с нами в машину. Идет с нами в торговый центр. Невероятное первое свидание с девушкой. Ходит при этом с каменным лицом и следит, чтобы Майк на пушечный выстрел не подходил к Алине. Это был какой-то ад. Майк никак не мог понять, при чем тут вообще моя мама, зачем она нам? И почему она смотрит на него с лютой ненавистью и молчит? Что он сделал не так?

В общем, я какое-то время еще пыталась мирным путем убедить маму, что не собираюсь отказываться от любимого человека. Но когда разумные доводы не сработали, я сказала резко, прямо и твердо:

– Мам, тебе придется принять тот факт, что я люблю этого человека и хочу быть именно с ним. Это моя жизнь, мой мир и мои правила. Мне все равно, сколько он зарабатывает. Я не для этого с ним встречаюсь.

Мама встала на моем пути и сказала:

– Я никуда тебя не пущу, ты будешь делать то, что я скажу.

Надо сказать, что в тот период наши отношения с мамой были накалены до предела. Она, понимая, что ее власть над мной очень сильна, активно устанавливала на моей территории свои порядки. Разогнала всех нянь и всех помощниц, контролировала каждый мой шаг, а если что-то было не по ней – тут же раздавались крики и в меня летели всякие тяжелые предметы, я только успевала уворачиваться. Запретить ей приходить ко мне домой я не могла – она воспитывала Алину, у нее были ключи от моей квартиры. Но в тот день, когда она попыталась не пустить меня на встречу с Майком, у меня что-то оборвалось внутри. Я поняла, что дальше так продолжаться не может. Что больше я не дам себя в обиду и не позволю никому вмешиваться в мою жизнь. И когда она после слов «Я тебя не пущу» замахнулась и попыталась меня ударить, я перехватила ее руку, сжала ее и вдруг поняла – я сильнее. Я впервые в жизни стала сильнее, чем моя мама. Я ее остановила. Перевес на моей стороне. И тогда, держа ее руку, я посмотрела ей в глаза и сказала:

– А сейчас ты соберешь свои вещи и уйдешь. – И мама все поняла, собралась и ушла.

В этот момент я выдохнула. И поняла, что могу жить своей жизнью. Я никому ничего не должна. Я выполнила свой долг

перед всеми, всем все купила, обеспечила квартирами, деньгами. И теперь я буду жить, основываясь на своем собственном опыте. Я взрослая и должна жить сама. Тысячу раз потом вспоминала эту сцену, тысячу раз ругала себя за нее, но тысячу и один раз приходила к выводу, что все было к лучшему. Сложные отношения нужно заканчивать, даже если это отношения с твоими родственниками.

Я поняла, что дальше так продолжаться не может. Что больше я не дам себя в обиду и не позволю никому вмешиваться в мою жизнь

Сейчас я пишу эти строки и понимаю, что я сформировалась под воздействием моей мамы. А точнее, на противодействии ей. Вот уже почти 8 лет мы не общаемся. Наверное, я так и не смогла ее не простить, нет, понять, скорее. Я поздравляю ее в день рождения. Дарю цветы. Она мило мне отвечает. Недавно Мона создала группу в ватсапе, в ней были мама и брат, тетя из Томска. Она называлась «Семья Анны». Но я так и не смогла туда ничего написать, кроме: «Привет, у нас все хорошо». Семья – это люди, которые поддерживают друг друга, семья – это там, где тебя всегда обнимут, семья – это там, где тебя любят. А у меня давно уже другая семья, которую я по крупицам создала. В моей семье по-прежнему никто не кричит, я по-прежнему этого боюсь. Но вернемся к Майку и моей новой странице в жизни под названием «Калифорния».

Мы стали встречаться. И в моей жизни наступила гармония. Все были довольны и счастливы. Майк принял Алину, как родную. Был очень внимателен ко мне и, как мог, старался осуществить мои мечты. Однажды я призналась ему, что давно хотела поехать в Америку. И спустя некоторое время он сказал:

– Я купил нам билеты. Собирайся, мы уезжаем.

Мы собрали чемоданы и вдвоем с Алиной улетели в Америку. Сначала сняли на две недели квартиру в Майами, потом перебрались в Нью-Йорк, а оттуда в Лос-Анджелес. И в тот момент, когда мы туда попали, поняли, что это наш город. Мы решили остаться там. И однажды Майк сказал:

– Приезжай по такому-то адресу, заberi документы.

Я приехала и обнаружила дом с лужайкой, весь утопающий в розах. Этот дом был для нашей семьи. И Майк, встретив меня на пороге этого дома, сказал:

– Аня, ты будешь моей женой?

Америка для меня стала мечтой далекого детства, которая стала реальностью. Не знаю почему, но у меня всегда было ощущение, что я должна быть именно там. Может быть, виноваты

голливудские фильмы и сериалы, на которых я выросла. Помню, как сидела на стареньком диване в своей маленькой комнатухе и не могла оторвать взгляд от экрана телевизора, по которому шли сериалы «Мелроуз Плейс» и «Бeverли-Хиллз 90210». Я смотрела на этих красивых, стильных и очень счастливых ребят и девочек, ездивших на дорогих машинах, и в какой-то момент мне уже стало казаться, что все они – мои хорошие знакомые, они мне стали ближе, чем одноклассники. А слова «Мелроуз Плейс» и «Бeverли-Хиллз» звучали в ушах какой-то райской музыкой, не верилось, что обычные люди могут жить в местах с такими названиями, там живут небожители. Мне казалось, что вот оно – то место счастья, в которое я должна обязательно попасть. И что только там меня будут по-настоящему любить. Это уже потом выяснилось, что Бeverли-Хиллз – просто название района, что-то вроде Оболони или Бирюлево. А Мелроуз Плейс оказалась улицей с дешевыми магазинами. А города под названием «Голливуд» вообще не существует.

Но это все выяснилось потом, а в детстве казалось, что именно там, в Голливуде, центр вселенной. Ведь именно там все началось, там зародился шоу-бизнес. Там основа основ. Там все актеры, все продюсеры. И вот я наконец-то попала туда. Я добились того, о чем мечтала. Я стояла в обсерватории Гриффита, откуда открывался красивейший вид на весь Лос-Анджелес, меня обнимал красивый мужчина, который меня любил, сделал мне предложение, преподнес кольцо в три карата и подарил роскошный дом, в котором мы отныне будем вместе жить. И кажется, я тогда еще была певицей, но это уже не было точно... По крайней мере, в моей голове звучала песня The world is mine.

Переехав в город своей мечты, я каждый день встречала на улице или в магазине человека, чье лицо привыкла видеть по ту сторону экрана, и поначалу это просто сносило крышу. Помню, как мы сидели в ресторане, а за соседним столиком обедал Пафф Дэдди. Я миллион раз видела его клипы по телевизору, а тут вот он сам сидит на расстоянии вытянутой руки, ест свой шпинат точно таким же ножом и вилкой, как и я. И точно так же обсуждает проблемы по телефону, как и все мы. Потом я была у Паффа Дэдди дома. Ведь в Голливуде все возможно. Даже несмотря на то, что его нет.

Привыкнуть к новой жизни было сложно. Поначалу я, по старой киевской привычке, боялась заходить в дорогие магазины. У нас ведь как было? Чем дороже магазин, чем круче там продаются вещи, тем значительнее и неприступнее лица у охранников и продавщиц. Как будто все эти вещи принадлежат лично им, а ты, покупатель, ничтожество и никогда себе ничего

здесь не сможешь позволить купить, поэтому иди отсюда и не порть своим видом наш респектабельный магазин. Я эти взгляды охранников, пронзающие меня насквозь и подозревающие во всех смертных грехах, ощущала и когда работала в «ВИА Гре», и когда была замужем за одним из самых богатых футболистов страны. Поэтому старалась обходить подобные заведения десятой дорогой. А будучи в Нью-Йорке, не удержалась и заглянула в магазин «Луи Виттон». Мне открыл дверь огромный двухметровый темнокожий охранник и начал улыбаться так лучезарно, что я всерьез поверила – мне здесь рады. И все, кто там работал, тут же улыбнулись и сообщили, что они безумно счастливы меня видеть в своем магазине. И я расслабилась.

Вообще со временем стало понятно, что «Лос-Анджелес» и «расслабилась» – слова-синонимы. И, знаете, я к тому времени уже много раз встречалась лицом к лицу с разными врагами, которые портили мне жизнь. Кто-то просто не понимал меня, кто-то палки в колеса вставлял активно. В Лос-Анджелесе я встретила совершенно нового врага, доселе мне незнакомого. Он назывался «расслабилась». Лос-Анджелес – это место, где хорошо. И ты так счастлива, что тебе больше уже не хочется ни к чему стремиться. И хотеть тебе больше нечего. Ты просыпаешься каждое утро, за бортом у тебя 27 градусов тепла, ты встаешь, выходишь к бассейну, который расположен на заднем дворе твоего дома. Ты думаешь – почитать книжку или послушать музыку? Потом ты ешь нереально вкусную и полезную еду, потом идешь заниматься спортом, потом забираешь ребенка из садика, и вдруг внезапно наступает следующий день. И тебе хорошо. И это не лень. Это ощущение полной гармонии и счастья. Ты ничего за день не сделал, не добился, не свернул горы и не завоевал новые галактики. Но ты понимаешь, что это и не нужно. Тебе уже

хорошо. И постепенно приходит мысль, что, может быть, смысл жизни в другом. Не в том, чтоб, как белка в колесе, бежать все время, торопиться, не успевать и планировать больше, чем ты можешь совершить. А в том, чтобы просто чувствовать счастье. Каждый день. Каждый час.

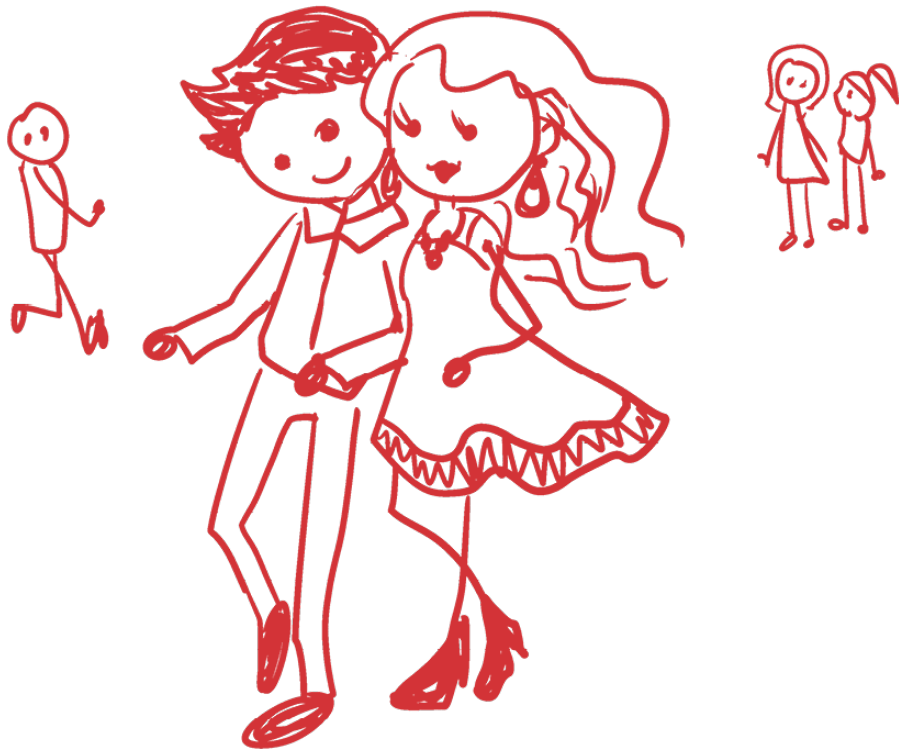
И вот ты уже начинаешь читать книги по психологии, которые оправдывают такой ход твоих мыслей. В этих книгах написано: «Кто понял жизнь, тот не спешит». Или: «Ничего пока не делай – просто подумай, туда ли ты идешь, просто посиди и расслабься». И ты расслабляешься. И если вы меня сейчас спросите, почему за 8 лет жизни в этом чудесном городе, где были все возможности, я не сделала карьеру в Штатах, – я вам скажу. Это произошло исключительно потому, что я расслабилась. Я могла сделать все. У меня в достижениях не только поцелуй с сыном Паффа Дедди был. Я ходила на «Голден Глобус», познакомилась там с одним из ведущих агентов страны в сфере развлекательных фильмов, и он говорил мне: «Приходите ко мне на встречу, я жду». И мне надо было только поднять трубку, набрать номер и обсудить с ним свои дальнейшие планы. Я была на финальном кастинге «Трансформеров». Я лично здоровалась за руку с Адамом Сэндлером, потому что тоже прошла кастинг в один из его фильмов. Он выбирал между мной и второй актрисой, встретился со мной лично и говорил, что я буду играть с ним в его новом фильме. Я видела его собаку и чесала ее за ухом. То есть у меня была масса возможностей начать свою голливудскую кинокарьеру. Надо было только начать. Но я расслабилась. А работа не прощает этого. Ты должен понимать: если хочешь чего-то добиться, ты ни в коем случае, ни на минуту не должен расслабляться. А мне было так хорошо, что я профукала пять лет в Америке. Но это были волшебные пять лет! Но вернемся к началу моей калифорнийской жизни.

Надо было только начать. Но я расслабилась. А работа не прощает этого

Когда мы только приехали в Штаты, поначалу, не понимая, как себя здесь положено вести, как одеваться, мы попадали в неловкие ситуации. Помню, однажды в 6 утра захотели пойти позавтракать (ну не отпускал нас джетлаг, мы днем спали, а ночью пытались жить). Вышли на улицу в поисках кафе. Нарядились как обычно – я надела лабутены на огромной шпильке, нацепила серьги, ожерелье, привычно накрасилась. Майк В. тоже не отставал от меня – он был в рубашке. Смотрелось это все сногшибательно – мы брели вдоль кафе и ресторанов, из которых не работал ни один, поесть нам так и не удалось, зато мы

порадовали редких утренних прохожих. Они шеи поворачивали себе, разглядывая странную парочку и пытаясь угадать – это мы уже проснулись или еще не ложились. Как выяснилось позже, каблуки в этой стране надевают самое раннее в 7 вечера, когда весь город начинает собираться на вечеринки. А идеальным временем для боевого раскраса и шпилек считается 12 часов ночи. А для утренних походов за круассанами существуют кроссовки и тренировочные костюмы. В тот момент я поняла значение фразы «Надо быть проще».

Постепенно все вошло в колею, я научилась носить кеды, перестала краситься и разрешила наконец-то себе быть самой собой. Америка стала для меня местом, где я могу спокойно идти в кедах и спортивной куртке в магазин за картошкой в сопровождении собственных детей, и никто не будет в меня пальцем тыкать. Конечно, в этом были и свои минусы. В России практически в любом заведении мне говорили: «Здравствуйте, Аня, проходите, мы сейчас подберем вам лучший столик». А в Америке меня никто не знал, невозможно было забронировать столик силой одной только своей фамилии. Но зато здесь я могла начать жить с чистого листа. Здесь у меня не было никакого бэкграунда. И относились ко мне все с теплом и пониманием, ни один не упрекнул меня в том, что я «понаехала». Мне просто искренне радовались, спрашивали: «Откуда вы приехали?», искренне интересовались моей родной страной и родным городом. Я еще и поэтому выбрала Америку как страну для проживания: Штаты, а особенно Калифорния, – это место, где «понаехали» решительно все. Там никто не разговаривает на настоящем английском языке. Там мексиканцы, латиноамериканцы, китайцы – кто угодно. И никто не порицает тебя за твой акцент, потому что он у каждого. И ты себя не чувствуешь ущербной, ты среди своих.

Я подала документы на специальную визу, которую американцы называют extraordinary. Это такая виза, которую дают людям, известным в своей стране. Выдающимся личностям. То есть разрешают человеку жить в Штатах просто на основании того, что он – выдающаяся личность в своей стране. Конечно, он должен доказать, что его действительно знают на родине. Для этого человек предоставляет в миграционную службу множество публикаций о себе, доказательство того, что он вел программы, участвовал в конкурсах, сидел в жюри и вообще был и остается уважаемым человеком. Это было очень непросто, приходилось собирать и подтверждать массу документов, платить за них деньги, суетиться, бегать по инстанциям. В общем, я была по уши в этих делах. Но пока бегала, все время вспоминала одну историю. Однажды, за много лет до моего переезда в Калифорнию, я сидела в каком-то киевском ресторане в компании известных и влиятельных людей и обмолвилась о том, что хотела бы пожить в Штатах. Они на меня внимательно все посмотрели – и бизнесмены, и балерины, и продюсеры, – разом все ухмыльнулись, и один из них озвучил общую мысль: «Ты, милочка, сможешь переехать туда только при одном условии: если выйдешь замуж за какого-нибудь старого жирного богатого деда, бросишь свою карьеру, он тебя увезет в Америку, и ты

станешь домохозяйкой, обслуживающей его интересы». Он так уверенно это говорил, что я тогда поверила. И вот, уже живя в Штатах, я думала: «Вот ведь бывает, что люди так ошибаются. Я в Калифорнии, никакого жирного старого деда рядом не наблюдается, я подала документы абсолютно легально на вид на жительство и планирую совмещать карьеру и личную жизнь».

Большую свадьбу мы решили не устраивать. Расписались, отметили это событие в кафе вместе с родственниками, поели круассаны, выпили кофе, а через несколько часов уже сидели с лучшими друзьями в самолете, предвкушая медовый уикенд в Дубае. Мне на тот момент и не надо было больше ничего – ни застолья на 260 человек, ни фейерверков, ни тортов, ни пышных платьев. Я была абсолютно счастлива. И абсолютно беременна.

Незадолго до свадьбы я получила потрясающее предложение – сняться в главной роли в фильме «Беременный». Согласилась не раздумывая: большая роль, прекрасные партнеры Дмитрий Дюжев и Михаил Галустян, интересная работа. Моя героиня – девушка непростой судьбы, она очень хочет ребенка, но вместо нее почему-то беременеет ее муж. И она его поддерживает в непростом деле вынашивания ребенка.

И вот мы снимаем финальную сцену, во время которой Дмитрий должен поцеловать меня в щечку. Звучит команда: «Мотор», я невинно подхожу к Дюжеву, подставляю ему щеку, а он хватает меня и целует в губы. Взасос. По-серьезному. Я в полной растерянности, не понимаю, что мне делать, и молюсь, чтобы этот эпизод не вошел в финальный монтаж. Но режиссер, отсмотрев запись, говорит: «Идеально, именно этот кадр мы и оставим». «Ну все, – думаю, – Майк увидит наш с Димой поцелуй и точно меня бросит!» Еду домой и молюсь о том, чтобы случилось что-то такое, что не позволило бы Майку меня бросить. Приезжаю, делаю тест на беременность, и оказывается, что я снималась в фильме «Беременный», будучи в положении. Майк меня, конечно, простил, но ни разу в жизни этот фильм не смотрел, и даже если наткнулся на него в телевизоре – обязательно переключал.

По иронии судьбы, фильм также делался 9 месяцев, и когда он вышел в прокат, я уже родила Монику.

В тот момент я еще не научилась тому, что на самом деле хорошие девочки просто обязаны уметь давать сдачи

Разумеется, как только моя личная жизнь начала набирать обороты, тут же на спад пошло все, что касалось работы. Если вы помните, у меня в дискографии уже появился в то время дуэт с

Джиганом. Так вот, когда Пашу предложил мне записать этот дуэт, он сказал, что мне надо будет только поучаствовать в записи. А все остальное – сведение, раскрутку, съемки клипа, все финансовые и организационные вопросы – они берут на себя. Мы записали песню, но в восторг от нее никто не пришел. Мне стало обидно – материал-то хороший! Я поехала к гениальному музыканту и продюсеру Роме Бестселлеру, попросила его поколдовать над записью. Мы долго что-то переделывали, шаманили, выстраивали гармонии – и наконец добились идеального результата. Пашу воодушевился и говорит:

– Сейчас я из нее сделаю хит, пристрою на все радиостанции, песня зазвучит!

Но у него ничего не получилось. Несмотря на все свое влияние, Пашу слышал в ответ одну и ту же фразу: «Извини, дорогой, но это неформат». В это сложно поверить, но тогда рэпа еще не было ни на радио, ни в телеэфире, и никто не рисковал его туда брать. (Пишу это и опять чувствую себя каким-то динозавром.) Пашу развел руками и, вероятно, перестал бороться за потенциальный хит. Я очень расстроилась, пыталась как-то со своей стороны повлиять на ситуацию, мои люди бегали с этой записью везде, где только можно. А дальше произошло чудо. Программный директор «Русского радио» отправилась отдыхать в Турцию. И там на дискотеке услышала наш трек. Прилетела с морей и прямиком к себе на работу: «Вы не понимаете! Это бомба! Это мегахит! Ставим в эфир». И песня действительно мгновенно стала хитом. Это было очень смешно: через три месяца, когда я принесла на радио новую песню, все говорили: «Нет, это не то! Принесите нам, пожалуйста, что-то более форматное. Что-то похожее на „Холодное сердце“». То есть получилось, что мы с Джиганом своей песней за несколько месяцев изменили весь формат музыкального радио и телевидения.

Но суть не в этом. Что происходит дальше? Когда в «Блекстаре» поняли, что песня стала стопроцентным хитом, они решили на нее снять клип. В этот момент я была на последних сроках беременности. Он мне звонит и говорит: «Срочно приезжай в Москву на съемки». Я говорю: «Ты понимаешь, что меня уже ни в один самолет на таком сроке не пустят? Подожди месяц». – «Если не можешь приехать, – говорит мне Пашу, – тогда снимай себя сама за свои деньги у себя в Америке». – «Как за свои? – удивляюсь я. – Вы же обещали все финансовые расходы взять на себя?!» – «А вот так. Либо приезжай, либо снимай за свои деньги, либо мы вместо тебя другую певицу сейчас найдем, поговорчивее». Но я не хотела бросать то, что уже начала. И по

бешеным американским расценкам наняла в Калифорнии людей, камеры, площадки, нашла платье XXL, села в правильную позу и сняла свою часть видео.

Песня стала хитом, крутилась везде, ее активно использовали в качестве рингтонов. Говорят, только на рингтонах эта композиция заработала полмиллиона, не меньше. Сколько из них получила я? Правильно, нисколько. В момент записи я все еще была наивной дурочкой, понятия не имела ни о каких роялти и не подписала, естественно, никакого контракта. А несколько лет спустя я спросила: «А где же мои деньги?» Понятно, что мне причитались только исполнительские. «Какие деньги? Ты же подписала с нами контракт, где сказано, что ты от всех выплат отказываешься?» Я заинтересовалась, попросила этот контракт мне переслать – очень хотелось своими глазами посмотреть, о чем идет речь (я же помнила, что нигде не ставила свою подпись). Мне прислали бумагу, на которой в том месте, где должна была стоять подпись, было написано прописными буквами «Седокова» (на первой странице) и «Седакова» (на второй). В тот момент я поняла, что перед любой творческой работой необходимо подписывать бумаги. И обсуждать не только цветочки, но и условия. Потому что сейчас песня работает не только «до», а главное – «после». И ты можешь не дать ни одного концерта, но заработать миллионы. Учитесь на моих примерах. Это лучше.

Конечно, я уже тогда была несколько более серьезным игроком на рынке, чем в начале сольной карьеры, силы были примерно равны, и можно было бы уже ввязаться в драку, но я же все еще продолжала быть хорошей девочкой. А хорошие девочки не дерутся. В тот момент я еще не научилась тому, что на самом деле хорошие девочки просто обязаны уметь давать сдачи.

Вообще в моих дуэтах просматривается интересная тенденция. У меня были композиции, записанные вместе с Джиганом, с Димой Монатиком, с Мишей Крупиным и многими другими. У меня получились прекрасные композиции – «Тише», «Холодное сердце», «Небезопасно»... Я горжусь этими работами. Но я всегда записывала дуэты только с молодыми исполнителями. Они все были классные музыканты, талантливые исполнители. Они мне все очень нравились, и я считала своим долгом помочь им. Дима Монатик на тот момент, когда мы с ним работали, был не так широко известен. Его песня мне очень понравилась, а уж когда Дима сел за пианино и сыграл ее, я все поняла – его талант и обаяние были очевидны. Мы записали дуэт. Я сразу увидела в нем огромный талант, и мне хотелось донести его всем. Через мой уровень публичности.

При этом ни разу в жизни я не догадалась записать дуэт с каким-то музыкантом, который, наоборот, вытянет меня и выведет на новый уровень популярности. Можно же было приложить усилия, записать дуэт с Димой Биланом или, скажем, Григорием Лепсом. Такой дуэт многое мне бы дал. Но я никогда не просила помощи у более сильных, а всегда старалась помочь тем, кто в тот момент был слабее. Наверное, я помогла слабым, потому что боялась попросить помощи у сильных. И очень зря.

А истина в том, что невозможно помогать людям в тот момент, когда помощь нужна тебе. Чтобы эффективно помогать, ты должен быть для этого наполнен сам, должен быть в ресурсе. Недавно узнала очень правильную мысль: чтобы стать профессионалом, необходимо постоянно общаться минимум с пятью профессионалами, которые преуспели в нужной тебе отрасли. И, думаю, это верно. Только поймите правильно, речь о блате тут совсем не идет. Речь идет о передаче опыта. Я должна впитывать их опыт, их энергетику, их мысли по поводу того, что происходит в шоу-бизнесе. И учиться, и делать выводы. Люди, с которыми ты общаешься, должны быть умнее тебя.

(И вот тут самое время вспомнить мою любимую присказку, которая звучит так: «Если ты самый умный в комнате – выходи из этой комнаты».)

Я же всю жизнь шла по другому пути. Я хотела помочь всем вокруг и при этом не осознавала, что прежде всего помощь нужна мне самой. Мне надо было самой наполниться, а уж потом делиться с другими. Это касалось не только карьерных вопросов. В отношениях с мужчинами была та же самая картина. Кстати, вернемся к отношениям.

Итак, у нас с Майком родилась Моника. Она появилась на свет в Cedars Sinai – самой лучшей американской клинике, где рожают своих детей все голливудские звезды. Мы радовались, были абсолютно счастливы. Слегка омрачало ситуацию то обстоятельство, что у нас были куплены билеты на концерт группы Maroon 5, и у меня было ровно два дня на то, чтобы прийти в себя после родов. Майк сомневался, что я смогу в таком состоянии идти и смотреть на выступление группы, но мне очень хотелось туда попасть. К тому же я очень хотела, чтобы Майку было весело и чтобы он не думал, что я какая-то там ленивая жена, которая не может пойти с ним на концерт из за такого пустяка, как роды. И я ему сказала:

– Даже не думай, заезжай за мной, я буду готова. – Наглоталась каких-то таблеток, которые мне дал доктор, они поставили меня на ноги. Я съездила на концерт, была там идеальной спутницей, веселой и прикольной, а потом вернулась

назад в больницу.

Я очень старалась быть идеальной женой. Да, конечно, иногда мы ссорились, не без этого, но старались мириться как можно быстрее. Мы были молоды, жизнь подкидывала нам испытания. Некоторые мы не прошли.

Через несколько недель после рождения Моники мне опять позвонили с проекта «Подиум» и позвали работать. Я уже тогда подала документы на гринкарту, но мне ее никак не одобряли, полуполюгальное существование доставляло массу хлопот. Нужно было во что бы то ни стало предпринять какие-то шаги. И в этот момент раздается звонок, и мне говорят: «Здравствуйте, Анна, мы хотим вас пригласить стать ведущей проекта „Подиум“». Я подумала, что ослышалась. «Подиум» – огромный американский проект, его вела Хайди Клум, потом он стал международным. И вот меня приглашают его вести. А я только родила ребенка, прибавила 20 килограммов и совсем не горю желанием все бросать и лететь в Москву. «Не полечу никуда», – говорю. «Нет, – говорят на том конце провода, – мы хотим видеть в качестве ведущей только вас. 30 тысяч долларов. Приезжайте». Я в шоке звоню своему адвокату, и она говорит: «Немедленно соглашайся. Это гениальная возможность! Это проект, узнаваемый в Америке, как только ты его проведешь, тебе сразу дадут гринкарту». Но тем не менее я все еще не могу решиться, два раза отказываю им, они звонят снова и снова. И в этот момент происходит следующая история. У Майка в Америке был друг. Знаете, у каждого мужчины должен быть такой друг, который ведет его не туда. Который едва появляется, и тут же начинается какое-то безудержное веселье, гулянье и тусовки. Эдакий человек-праздник, неизменно возникающий около мужчины, у которого есть деньги. Разумеется, отдыхает этот друг исключительно за счет этого мужчины. Вот такой друг был и у Майка. Он жил у нас дома. Больше жить ему было негде. И вот однажды мы поехали кататься на вейк-серфинге. Есть такой вид спорта, для которого нужны катер, доска и фал. Катер тянет спортсмена, спортсмен держится за фал, а сам балансирует на доске. И мы поехали ради этого развлечения в Лас-Вегас. Причем мы все помним, что я только родила ребенка, и мне бы, по-хорошему, не по Лас-Вегасам скакать, а дома с малышкой быть, но это бы значило, что я превратилась в скучную унылую жену, неспособную составить компанию своему мужу. А мне бы не хотелось, чтобы он обо мне так думал. Я собрала остатки сил и поехала с ними.

Контракт стал первой трещиной между нами. Как будто я летела на белых крыльях в розовых облаках и тут вдруг бабах – со всей дури об стенку треснулась

Мы сели в катер: друг за руль, я в качестве пассажира, Майк прыгнул в воду и начал готовиться к старту. Друг дает катеру старт, но путает рычаги, и лодка, вместо того чтобы ехать вперед, движется назад. Наезжает на Майку и винтом перерубает ему обе пятки. Мы в ужасе несемся на берег, наскоро бинтуем Майку ноги, приезжает «Скорая», летит с ним в больницу. Приезжаем туда и первым делом, естественно, слышим вопрос: «Есть у вас страховка или нет? Без страховки эта операция будет стоить 200 тысяч долларов». И пока врачи делают сложнейшую операцию – вставляют железные штыри Майку в ноги, – я пытаюсь вспомнить, что у нас со страховкой. Дело в том, что за сутки до этого мы подписали договор на новую страховку. Мы заполнили все бумаги, и я должна была положить их в конверт и отправить на почту. Но моя голова, забитая мыслями о новорожденном ребенке, работала тогда крайне плохо и не могла мне дать ответ – я отправила эти бумаги или все-таки нет. Я тогда с трудом вспоминала даже рецепт куриного супа. Но сейчас речь шла о сотнях тысяч долларов и нашей жизни. Нет или все-таки да? Три дня я терзалась этими мыслями, понимая, что моя забывчивость могла мне стоить 200 тысяч долларов. Это был бы очень серьезный удар. Три дня я не спала, а на четвертый врачи

сообщили нам, что наша страховка одобрена и платить за операцию нам не надо.

Через какое-то время после этой операции мужа привозят домой. Он лежит, передвигаться может только на инвалидном кресле, обе ноги у него забинтованы. К нам приезжает вся его семья, в доме полно людей, все ему помогают. Мужу было сложно, но, мне кажется, больше всего его беспокоило то, что я видела его таким беспомощным. Он стал избегать меня. И, когда мне третий раз позвонили с «Подiums» и еще раз попросили подумать над их предложением, он сказал:

– Уезжай, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты видела меня таким беспомощным и несчастным. Мне помогут, присмотрят за мной. А у тебя на кону наша гринкарта и наше будущее. – Со слезами на глазах мы приняли наше решение. Мне пришлось оставить свою семью, маленького ребенка и улететь зарабатывать деньги. В доме оставались бабушки, мамы, няни, друзья, которые приехали его поддержать. А я уехала одна в Москву.

Я провела эту программу. Работала круглосуточно, и при этом каждую секунду голос в моей голове твердил: «Ты хреновая жена, ты бросила раненого мужа. Ты хреновая мать, ты оставила маленькую дочь на попечение няни на целых две недели». Я была максимально хреновая во всех своих проявлениях. Я просыпалась и засыпала с этой мыслью.

Знаете, с момента моей первой длительной поездки в этот город прошли годы, но я все так же, как и в прошлый раз, сидела у окна, смотрела на ночную Москву и думала о том, что вот сейчас самое время спуститься вниз, в магазин, и купить сигару. Настроение было подходящим, чтобы начать курить. Но тогда я не закурила. Хорошие девочки не курят, это я точно знала. Первая сигарета в моей жизни случилась только тогда, когда я развелась.

Едва проект закончился – я тут же полетела домой, купила мужу часы за 30 тысяч долларов, чтобы его как-то утешить. Мы подали документы и получили гринкарту.

Казалось бы, жизнь должна была после этого события наладиться. Но она, наоборот, начала рушиться с катастрофической быстротой. Наш брак летел в пропасть.

Первая трещина возникла в отношениях еще накануне свадьбы. За три дня до бракосочетания мой жених преподнес мне... брачный контракт. И я поняла, что такое ирония судьбы. За пять лет до этого дня я точно так же, будучи беременной, ждала своей первой свадьбы, и ровно за день до свадьбы мой первый муж принес мне брачный контракт. С требованием его немедленно подписать. А это означало, что мужчина, которого я любила и за которого хотела выйти замуж через три дня, не сильно-то отличается от того мужчины, с которым я уже развелась.

В контракте, который принес Вениамин, было написано, что все подарки, которые нам преподнесут гости этого важного мероприятия, достанутся ему. Потом я уже поняла, зачем такой странный контракт был нужен. Мой первый муж очень рассчитывал на то, что его футбольная команда подарит ему на свадьбу квартиру. И совершенно не планировал в случае чего ею со мной делиться. Но что-то пошло не так, квартиру ему никто не подарил, поэтому при разводе мой бывший супруг забрал себе все блендеры и салат, которые нам щедро надали гости.

В общем, контракт я, разумеется, подписала, но осадок остался навсегда. «Мне не доверяет мой любимый мужчина!», – думала я, как только у нас случалась размолвка, пусть даже самая незначительная. Контракт стал первой трещиной между нами. Как будто я летела на белых крыльях в розовых облаках и тут вдруг – бабах – со всей дури об стенку треснулась. Конечно, сейчас, повзрослев, обзаведясь собственной недвижимостью, я понимаю, что, возможно, это было правильно – особенно с точки зрения родственников мужа. Вступая в брак, каждый из нас вносит туда все, что у него есть, все накопленные деньги, всю

недвижимость, и, конечно, все хотят ее защитить. Умом я это понимаю. Но тогда, в мои юные годы, мне казалось, что это какое-то унижающее меня недоверие. Тем более что я сама про себя прекрасно знала, что ухажу обычно ни с чем, забрав только свое (а иногда и свое отдаю). Поэтому для меня все эти контракты были дикими и странными.

Я работала над собой. Днем и ночью ходила на высоченных каблуках, накупила себе лифчиков с пушапом, потому что мне казалось, что моя собственная грудь недостаточно большая

Постепенно наш брак начал рушиться. Ну или нам так начало казаться.

Друзей, готовых спасти нашу семью, в нашем окружении, к сожалению, не нашлось. Мы были молодые, в чужой стране, у нас родился только что ребенок, кругом было много родственников, стремящихся руководить нашей жизнью. А у нас в голове был ветер. Нам очень не помешало бы, если бы хоть кто-то сказал: «Ребят, сходите к психологу, пусть вправит вам мозги». Или: «Поезжайте-ка вы на недельку-другую вдвоем на Мальдивы, поостыньте, побудьте друг с другом. А по возвращении уже будете принимать решение. Не горячитесь, развестись всегда успеете». Потому что самим нам ума на это все не хватило.

В том, что наш брак развалился, виновато и мое маниакальное стремление быть хорошей девочкой. Если в случае с моими первыми серьезными отношениями в понятие «хорошая жена» входило прежде всего умение вести хозяйство, мыть полы и вымачивать печенку в молоке, то в других, как мне тогда казалось, нужно было кое-что другое. Когда появился «Инстаграм», я видела, что он все время лайкает женщин одного типа. Ему нравились женщины с идеальной внешностью, у них были темные прямые волосы, идеальные фигуры, грудь пятого размера, маникюр и сумки стоимостью в десятки тысяч долларов. Они никогда не улыбались, не дурачились, не выкладывали свои фото без макияжа и со спутанными волосами. Они были идеальны во всем. Мне показалось, что ему нравится этот мир богатых пластиковых кукол. А я туда не вписывалась. Потому что у меня не было идеального стиля, дорогой одежды и ни одной сумки «Эрме» за 50 тысяч долларов. Просто не могла позволить себе купить такую.

Честно признаюсь: я была тогда настолько глупа, что пыталась анализировать отношения со своим мужчиной через модели сумок. С сумками у меня всегда проблемы были. Помните, я рассказывала, с какой сумочкой выписывалась из

роддома? Так вот, я всегда хотела что-то другое, не то, что у меня было. Мечтала о маленькой BOY CHANEL, тогда она была жутко популярна – небольшая, матовая, с длинной цепочкой через плечо. Я буквально во сне ее видела. А муж подарил мне «Диор» – такую лаковую, квадратную, большую. Посмотрев на себя, я подумала: в глубине души он хочет, чтобы я стала, как эта сумка, – большая, лаковая, квадратная, очень элитная и утонченная. Я все время смотрела на эту сумку и понимала, что я ее недостойна. Даже соревновалась с ней. Сделала однажды селфи в зеркале, выставив сумку вперед, и получилось, что на фотографии видно только ее, а я вся в ее тени, закрыта, спрятана. Более утонченной от этого я, конечно же, не стала. А снимок был крайне глупый. По иронии судьбы, съезжая от мужа после расставания, я в эту сумку положила свое помолвочное кольцо с бриллиантом в три карата. А открыв ее уже в новом доме, кольца там не обнаружила. Я еще не раз открывала и закрывала ее спустя годы, надеясь, что кольцо волшебным образом там материализуется. Но все было напрасно. Так лаковая сумка «Диор» победила меня и мой брак. А я так и не смогла победить свои комплексы. Но они смогли победить мою семью.

Несмотря на то, что я уже некоторое время жила в Лос-Анджелесе, я все равно оставалась в душе простой своейской девчонкой, и сумки эти мне никак не подходили. Но мне казалось, что именно в них все и дело. Что мужу нужны женщины, которые умеют носить такие сумки. Я работала над собой. Днем и ночью ходила на высоченных каблуках, накупила себе лифчиков с пушапом, потому что мне казалось, что моя собственная грудь недостаточно большая. Сейчас я понимаю, что это была огромная ошибка. Нельзя подстраиваться под вкусы даже самого прекрасного мужчины. Нужно быть самой собой. Но тогда я еще этого не понимала и считала вот эту способность мимикрировать под вкусы своего мужчины самой большой женской добродетелью. В результате мое стремление во что бы то ни стало стать самой сексуальной женщиной планеты привело к тому, что я прочно заняла первые строчки в рейтингах самых дурно одетых женщин. Правда, в рейтинге самых желанных я тоже при этом фигурировала, но упорно продолжала считать, что мужу этого недостаточно, что ему нужны какие-то другие женщины. Я решила, что со мной он несчастен, что он не получает от меня того, чего заслуживает. А значит, я должна его отпустить.

А мне было совсем не до того, чтобы разгадывать тайный смысл этих вот посланий и звонков. Сказал

человек: «Хочу развестись» – получил развод

Нет, я не говорила на эту тему с ним самим, не спросила, что он думает по этому поводу. Скорее всего, весь этот бред был исключительно в моей голове. Наверное, если бы я ему озвучила эти мысли и спросила, что ему по-настоящему нужно, он бы выбрал меня. Но я все решила сама. За себя и за него.

Мы начали ссориться, и после одной из таких ссор муж укатил в Вегас. А мы же все знаем, что такое Вегас, да? Это дно. Это много выпивки и много доступных женщин. И вы себе представляете, сколько всего может додумать женщина, чей мужчина укатил в Вегас. Да еще в компании того самого развеселого друга. Несколько дней Майк не выходил со мной на связь, но при этом радостно постил веселые фотки в «Инстаграм». А потом позвонил мне и говорит:

– Давай разведемся. Почему? Потому что ты не нравишься моим друзьям.

Меня шокировало предложение развестись, но еще больше удивила причина, по которой он хотел это сделать. Но спорить я не стала. Сказала: «Хорошо» и пошла паковать чемоданы. Ведь именно так поступают сильные гордые девочки. Они не плачут. Потом выяснилось, что на самом деле развода он не хотел, он просто решил меня припугнуть. Добрые друзья присоветовали: мол, напугай ее разводом, и она станет как шелковая, перестанет выпендриваться и приползет к тебе на коленях.

А мне было совсем не до того, чтобы разгадывать тайный смысл этих вот посланий и звонков. Сказал человек: «Хочу развестись» – значит, так нужно. С чемоданом и разбитым сердцем я улетела готовить очень важное мероприятие – я выступала на разогреве у Дженнифер Лопес на трех ее концертах, киевском и двух московских. Я очень волновалась, поскольку никто из наших артистов еще не удостоивался такой чести – разогревать саму Дженнифер. К концерту я готовилась очень тщательно, сама делала постановки своих номеров, придумывала костюмы.

Узнав, что я в Киеве, Майк прилетел ко мне туда, чтобы поговорить. Но я уже была непреклонна. Развод – значит, развод. И через день мы подали документы. Монике тогда было чуть больше двух лет.

Дальше начался ад. Когда я проходила через развод первый раз, это было тяжело психологически и только – мне от Вениамина ничего не было надо, мы не делили имущество, не устанавливали опеку над дочерью. Но по американским законам все должно было решаться по справедливости, поэтому мы

разводились долго и мучительно. Кроме того, мне негде было жить. До этого у нас был большой дом на Голливудских холмах, с потрясающим видом, со всеми удобствами. И девочки – Алина и Моника – привыкли к такому положению дел. А тут я возвращаюсь с гастролей, и Майк говорит: «Я снял вам дом, перевез ваши вещи, можете там жить. Не благодарите». Я еду по адресу, который он назвал, и вижу нечто кошмарное, маленькое, нелепое. Смотрю в окно, но вместо привычной просторной лужайки мой взгляд упирается в страшный бетонный забор. Я поняла, что мои дети там не останутся, я не позволю им жить так. Они не заслужили этого. Они и так находятся в огромном стрессе из-за нашего развода и переезда в другой район. Их надо пожалеть. Итак, я решила, что сама выберу нам дом. Просмотрела тысячи объявлений и наконец-то нашла что-то потрясающее стоимостью 7 тысяч долларов в месяц. Но оно того стоило – там была огромная баскетбольная площадка, теперь это так символично, батут для детей, и бассейн, и все, что надо для жизни, и при этом красиво. Естественно, на дом уже был найден покупатель. Я говорю:

Майк меня действительно очень сильно любил. И если бы не мои детские травмы, если бы не отсутствие уверенности в себе, все могло бы быть по-другому

– Как я могу перебить вашу цену и снять этот дом?

Хозяева говорят:

– Только если заплатите прямо сейчас за 6 месяцев вперед.

Я, естественно, заверила их, что сию минуту принесу им деньги, и, как только вышла за дверь, поняла, что у меня нет такой суммы. Максимум, что я могу наскрести, – задаток за два месяца, но при этом останусь вообще без средств к существованию. Как вы понимаете, я села, заплакала 30 минут и начала искать выход. Дошла до того, что взяла деньги даже у мамы своего водителя.

Но я тогда не догадывалась, что помимо платы за дом нужно было еще оплачивать непомерные счета за воду, электричество, бассейны, газоны – в результате дом в месяц вставал тысяч в 15. И жили мы там целый год. Я опять потратила все, что скопила, пока была замужем за Майком и 100 тысяч долларов, которые остались у меня после брака. Я отказалась претендовать на любое имущество и решила ни за что не бороться, хотя люди кричали: «Ты имеешь право на половину домов и пароходов». Но о чем вы говорите, если я сама разрушила сказку в своей жизни и корила себя каждую минуту. Я сильная, я справлюсь. Я отгоняла драму от себя. Газеты писали о моем алчном выборе и что я купаюсь в деньгах от алиментов, а я просто жила улыбкой своих детей, которые прыгали на батуте, и пыталась собраться и понять, как же мне жить дальше. Главное, что мои дети жили в невероятном доме. И тогда же я совершила самую идиотскую свою покупку – пошла в магазин и купила самый большой телевизор, который там был. Мы с Майком, когда еще были женаты, всегда мечтали о

домашнем кинотеатре, но купить его руки не доходили. И вот я решила осуществить нашу общую мечту. Телек с огромным экраном стоил 7 тысяч долларов – сумма для меня неподъемная. Но я отдала эти деньги, доставила телевизор в квартиру. Сейчас он находится на складе в Америке, я плачу за склад 150 долларов в месяц, так что цена этого монстра упала с 7 тысяч до 300 долларов, но выкинуть я его не могу, хотя он и устарел безнадежно и вряд ли когда-нибудь кто-нибудь его включит.

Разумеется, сейчас, будучи уже взрослой и умудренной опытом, я бы так делать не стала. Я бы как-то ужалась, подтянула пояс себе и детям, сняла бы небольшую квартирку, но скопила бы денег и взяла бы ипотеку. И была бы у меня своя недвижимость в Америке. Вместо этого я психанула и спустила все свои сбережения на ветер. И в результате все равно поняла, что не тяну, и нам пришлось переехать в квартирку.

И сейчас я скажу важную и неожиданную вещь: но нужно было слушать бабушку. Она говорила мне, что я солью все, что у меня было, и я так и сделала. Все под ноль. Я снова жила в доме с баскетбольной площадкой, а заправить машину у меня было не на что.

Как мне казалось, развелись мы довольно мирно. Более того, у нас явно оставались чувства друг к другу – в тот день, когда я поставила подпись под документами о разводе, мы занялись любовью.

Уже спустя несколько лет, разбирая этот этап своей жизни с психологом, я пришла к выводу, что наш брак разрушила я сама. Наверное, меня действительно очень сильно любили. И если бы не мои детские травмы, если бы не отсутствие уверенности в себе, все могло бы быть по-другому. Я бы подошла к нему и сказала: Майк, я очень хочу такую сумку. Давай мы ее купим, я выложу ее в „Инстаграм“, и ты поставишь мне лайк. И я буду той женщиной, которую ты лайкаешь в „Инстаграм“». И этот вопрос, который на самом деле не стоил выведенного яйца, навсегда разрешился бы. Но я, вместо того чтобы поговорить с собственным мужем, вырастила в собственной голове какого-то монстра и подкармливала его. Я считала, что не надо мужчину тревожить подобными разговорами. Не надо просить у него денег. А надо на все соглашаться, быть покладистой и суперкрасивой. Мне казалось, что ему нужна вот эта пушاپная утрированная отфотошопленная красота, и я пыталась стать такой. А спустя годы понимаю, что надо было просто поговорить.

В общем, как и предрекали мне мудрые люди, через год после развода я осталась с голой жопой и с двумя детьми. Отступные я потратила в первый же год – на съём дома и прочие глупости. И

мне приходилось тяжело.

**НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ХОРОШЕЙ ДЛЯ ВСЕХ.
НЕВОЗМОЖНО. ЕСЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТВОЯ
КОМПАНИЯ РАЗВИВАЛАСЬ И ИМЕЛА УСПЕХ, ТЫ
ДОЛЖНА ПРИНЕСТИ ЭТОМУ СТРЕМЛЕНИЮ В
ЖЕРТВУ СВОЕ ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ХОРОШЕЙ ДЕВОЧКОЙ.
ИНАЧЕ ДЕВОЧКА БУДЕТ ХОРОШАЯ, НО БЕДНАЯ.**

Глава 5

Деньги откуда-то надо было добывать. И я затеяла собственное дело. Насмотревшись на обилие доступной яркой, красивой одежды в американских магазинах, я решила создать собственный бренд LA Story. И это было началом трудного тернистого пути, по которому я продолжаю идти по сей день. Только ввязавшись в это дело, я начала постигать, насколько это сложный бизнес – производство одежды. Первая проблема, с которой я столкнулась: производя одежду небольшими партиями, невозможно сделать ее дешевой. Монстры типа Zara или Bershka отшивают свои кофточки в Камбодже или Китае партиями по миллиарду штук, делается все это руками камбоджийских женщин, согласных получать смешные деньги за свой труд. Закупая ткань на миллиард кофточек, монстр приобретает ее у поставщика по приятной оптовой цене. А маленькое производство покупает ткань по розничной цене, и шьет одежду наша женщина Татьяна, которой надо платить нормальную зарплату. И в результате себестоимость одной футболочки получается какой-то нереальной. И выход у тебя только один – экономить на качестве. Когда я начинала свой бизнес, зарабатывали в этом сегменте только те, кто сам ничего не производил, а закупал одежду за копейки в Китае и перешивал на нее свои лейблы. До сих пор, кстати, эта практика сохраняется. Я не хотела идти по такому пути, просто потому, что не могла себе позволить дурить покупателя. Я же печатала на бирке свое имя, а значит, несла ответственность за качество. Как же так – люди купят футболку с моим именем и обнаружат катышки и нитки, торчащие из всех швов? Не дело это. В общем, я решила делать все сама, и делать честно.

Первую коллекцию мы с девочкой-дизайнером создали на моей двухметровой киевской кухне, расположившись на деревянной табуретке. И первый магазин у нас был на этой кухне, а склад – все на той же табуретке. Мы там и отшивались, и принтовались. Спустя какое-то время я решила позволить себе снять офис. Искала что подешевле и нашла ужасающее помещение со стенами, крашенными унылой зеленой масляной краской, на первом этаже дома, расположенного в самом ужасном бандитском районе города Киева. Мы туда переехали, завезли все купленные накануне в кредит швейные машинки, всю отшитую коллекцию, весь имеющийся товар. Придя в офис наутро, обнаружили, что нас ограбили. Вынесли все, вплоть до последней катушки ниток. Я когда увидела это пустое помещение, жуткий этот офис с зелеными стенами, у меня сердце оборвалось. И, по-хорошему, единственным выходом тогда было закрыться и никогда больше близко не подходить к одежному бизнесу. Но я не могла так поступить. За мной же стояли люди. Я обещала платить им зарплату, надо было выполнять свое обещание. И я начала все снова. Даже не с нуля. С минуса. Самолично чемоданами возила ткани из Америки. Купила новые машинки. Снова отшила коллекцию. Снова была в деле.

Мой собственный бизнес мне был нужен еще и для того, чтобы не зависеть от других. В шоу-бизнесе ты постоянно от кого-то зависишь – от продюсера, от организатора концертов. Ты ждешь, позовут тебя на корпоратив или нет, волнуешься – потому что от этого зависит твой доход. И я так от этого устала, что мне показалось – можно по-другому. Можно открыть свое дело и больше никогда не дергаться, ожидая звонка от продюсера. Оказалось, что не все так просто. Одежный бизнес ничего не приносил. Я продаю футболку за 30 долларов, при себестоимости в 20, раздаю зарплату, плачу за аренду офиса и в результате зарабатываю на этой футболке 1 доллар. А сколько сил и энергии тратится на разработку коллекции, разговоры с подрядчиками, со швеями, на производство, на продажу? И при этом за один концерт я тогда могла заработать 5 тысяч долларов. Люди кругом недоумевали: зачем, при таком раскладе, мне нужны эти футболки?

В этот бизнес надо постоянно вкладываться. Если ты хочешь расти, вложись в коллекцию, в людей, в материалы. При этом прибыль из него вынуть невозможно, все заработанные деньги уходят на покупку новых материалов и найм новых людей. Даже на сегодняшний день, когда я все-таки сумела создать отличный узнаваемый бренд, приобрела необходимый опыт и нашла идеальную формулу успеха, которая работает, – я прибыль оттуда

не достаю. Это работа на будущее.

Но самым сложным для меня оказался человеческий фактор, с которым приходилось постоянно сталкиваться. Оказалось, что начальником быть невероятно сложно. Я старалась стать родной матерью каждому из тех, кто на меня работал. Была у меня одна сотрудница, которая все делала из рук вон плохо и которую, по-хорошему, надо было уволить. Все к тому шло, и она это понимала. Однажды она остановила меня в коридоре, заплаканная вся.

– Анна Владимировна, умоляю вас, у меня муж пьет, бьет меня, не увольняйте, Христом-богом молю.

Я – воин, я каждый день сражаюсь на своей собственной войне. Сражаюсь со счетами, со срывами поставок, с недобросовестными работниками

Что мне делать в такой ситуации? Конечно, оставляю ее. Со второго захода она таким же образом выклянчивает из меня повышение зарплаты. И я снова иду ей навстречу, я же хороший работодатель, внимательный и чуткий к людям. А потом, проходя как-то по цеху, где работали девочки-швеи, слышу:

– А вы знаете, сколько наша Анна Владимировна в месяц имеет с тех футболок, которые мы тут шьем? А нам она сколько платит? Ясно же, как божий день, что она нас обирает. Давайте все уволимся.

Я цепенею. Подхожу ближе, чтобы увидеть, кто это за моей спиной саботаж устраивает. И кто это был, как вы думаете? Правильно, эта несчастная, у которой муж пьет и которой я зарплату повысила.

Была у меня еще одна девочка – я ее тоже пожалела в свое время, уж очень из бедной семьи она была, жила в глуши какой-то. Я ее выучила, сделала своей правой рукой. Нарadowаться не могла – такая она была сообразительная, шустрая девочка. Проработали мы с ней год, надышаться друг на друга не могли. А потом я узнала, что весь этот год она создавала коллекцию из моих материалов, воспользовавшись моими лекалами, и продавала их за моей спиной налево, пользуясь моими же связями.

Или швея, которая у меня каждый день просила:

– Простите, можно я возьму вот эту пуговичку, сыну очень надо к брюкам пришить, совсем ему в школу ходить не в чем. И вот этот клочок ткани не выбрасывайте, я ему заплатку сделаю. – Оказалось, оставшись в офисе одна, она выносила ткани рулонами, не стеснясь.

Прошло уже 10 лет с тех пор, как я стала руководителем

собственного предприятия. И знаете, какой вывод я сделала? Нельзя быть хорошей для всех. Невозможно. Если ты хочешь, чтобы твоя компания развивалась и имела успех, ты должна принести этому стремлению в жертву свое желание быть хорошей девочкой. Иначе девочка будет хорошая, но бедная.

Знаете, меня часто спрашивают, как я могу выносить ежедневные атаки хейтеров. Да я просто не обращаю на них никакого внимания, потому что привыкла. Потому что каждый день с самого моего рождения на меня шла и продолжает идти такая мощная атака, по сравнению с которой все эти хейтеры – дети. Их можно просто отключить, закрыть компьютер – и они исчезнут. А вот эти люди, с которыми ты работаешь, которым доверяешь, а они берут и ни с того ни с сего размазывают тебя об стенку – их не выключишь и глаза на них не закроешь. С ними приходится разбираться, договариваться и решать все эти проблемы. Я – воин, я каждый день сражаюсь на своей собственной войне. Сражаюсь со счетами, со срывами поставок, с недобросовестными работниками. И у меня ни разу в этой жизни не было мысли обратиться к кому-то за помощью, я не разрешала себе подойти к человеку, который мог бы мне помочь, и сказать: «Помоги. Поддержи. Дай денег». Ведь так поступают только слабые. А я – сильная женщина. Я справляюсь со всем сама. И на фоне этой ежедневной войны какая-то очередная статья о том, что я дура и уродина, просто теряется. Она не может меня обидеть или задеть.

Почти пять лет я жила в таком вот ритме, пытаюсь в своей голове совместить и соединить воедино три разные картинки, три разных мира. Семью в Америке, бизнес в Украине и работу в Москве. Это были три параллельные жизни, в одной из которых я была мамой, в другой пела, в третьей шила. И контролировать надо было все три свои ипостаси. Получалось плохо. 12-часовая разница во времени оптимизма не прибавляла. Когда я в Москве ложилась спать, мои домочадцы в Лос-Анджелесе только просыпались, с ними надо было поговорить и в течение дня (то есть моей ночи) решать какие-то их проблемы. Когда я в Америке пыталась поспать, просыпались Москва и Киев и тоже требовали моего участия. Я каждую неделю летала по 12 часов, в конце концов организм перестал понимать, что вообще с ним происходит, прекратил перестраиваться и обращать внимание на джетлаги, я могла засыпать и просыпаться в любое время и в любом состоянии. Приезжая в другой город, я сразу жила в том времени, в котором надо было там жить.

Это было интересно, это было насыщено, в этом был вызов. Но я не справилась. Моя жизнь начала рассыпаться, как

карточный домик. Как только я оказывалась в одном из мест своей дислокации, тут же что-то ломалось в другом. Я не могла, будучи в Калифорнии, работать одновременно певицей в Москве. Потому что как это обычно происходит? Тебе приходит письмо: «Здравствуйте, Анна, не могли бы вы завтра приехать на телеканал „Муз-ТВ“ и выйти в эфир?» Нет, Анна не может приехать завтра в эфир, ей лететь 12 часов. И телеканал вместо Анны ставит в эфир другую певицу. Которая может приехать, когда ее просят.

Я не могла, разъезжая по гастролям в России, одновременно вести швейный бизнес в Киеве. Мне звонили и рассказывали, что поставщик опять где-то накосячил, а чтобы с этой проблемой разобраться, требовалось мое немедленное присутствие в Киеве. «Анна Владимировна, можете приехать сейчас?» Нет, Анна Владимировна не может, она едет в поезде Москва – Нижний Тагил.

И, конечно, самым сложным было оставаться хорошей, внимательной мамой для своих детей. Потому что работа требовала моей постоянной отлучки. Но уехать из Америки даже мысли не было. Алина ходила там в школу, английский был ее родным языком, она говорила на нем лучше, чем по-русски (и до сих пор, кстати, думает по-английски). Поэтому вариантов у меня не было, надо было устраивать самостоятельную жизнь в Калифорнии. Отказавшись от большого дома, мы переехали в небольшую квартиру поближе к клубу, где Алина занималась танцами, – известному танцевальному клубу «Миллениум». Я продолжала мотаться каждую неделю за океан и практически жила в самолете. Это все очень выматывало и истощало нервную систему, и мне просто необходимы были позитивные эмоции. И тогда я решила осуществить еще одну свою детскую мечту.

Я мечтала о защитнике, который будет меня оберегать, сделает мою жизнь проще, красивее и уютнее, а в результате что получила? Кучи дерьма

Когда я была маленькой и в моей кровати жил игрушечный песик Бимка, я мечтала, что, когда вырасту, обязательно заведу себе настоящую живую собаку, она будет меня охранять, мы с ней будем гулять, играть и станем лучшими друзьями. И вот после развода с Майком, когда мужчины рядом со мной уже не было и защищать меня было некому, я поняла, что время пришло. Мне нужна большая красивая собака. И я нашла ее – прекраснейшую собаку во всем мире. Щенок овчарки, которого я себе присмотрела, жил во Львове, и я сложными путями организовала его доставку в Киев, а оттуда в самолете перевезла домой в Америку. Из этого щенка выросла прекрасная собака Баффи. Она была, как мне и мечталось, – большая, сильная, красивая. Но бесконечно, безнадежно, катастрофически глупая. Единственное, что она хотела в этой жизни, – играть. Больше ничего ее не интересовало. Игра заключалась в том, что она приносила тебе в зубах мячик, ты брал у нее этот мячик, зашвыривал его подальше, и она радостно за ним неслась, чтобы поймать и притащить тебе обратно. Так могло продолжаться часами. Если она видела мячик – она тебе его несла, садилась рядом и, глядя внимательно тебе в глаза, ждала, когда ты уже кинешь мячик. Ее не волновало,

что тебе некогда, что ты не в настроении, что тебе надоело. Ей надо было бегать за мячиком. В какой-то момент мы уже до того утомились играть с ней в эту игру, что спрятали все мячи, которые были в доме. Баффи это огорчило, но не остановило – она начала тырить откуда-то детские резинки для волос и приносила их в зубах, мол, тоже сойдет, кидай резиночки. Когда мы спрятали и резиночки, она тащила нам вообще все, что могла найти. Находила малюсенький клочочек бумаги и шла с ним ко мне. Садилась напротив, жевала этот клочок, свисающий у нее из пасти, с которого текли слюни, и часами пилила меня взглядом: «Кинь бумажку, я побегу!» Часами могла так сидеть.

Никаких команд собака не знала и знать не хотела. Мы с ней три раза ходили на самые крутые собачьи тренировки, я платила за них по 3 тысячи долларов, с ней работали известнейшие тренеры, способные самую тупую болонку превратить в вышколенную овчарку. Она возвращалась после этих тренировок домой, брала в пасть кусочек бумаги, садилась напротив и таращилась на меня все теми же пустыми глазами. Идея с тем, что Баффи будет защитником, провалилась на корню – любой преступник, самый страшный и опасный, мог прийти к нам в дом и просто кинуть ей мячик – собаку бы тут же вымело из квартиры куда угодно за этим мячиком. И при этом Баффи была невероятно сильная и на прогулке рвала поводок из рук с такой силой, что ладони стирались в кровь. Удержать ее не было никакой возможности. Команд она не понимала, окрики не помогали, уговоры не спасали. Стоило ей увидеть другую собаку – и Баффи неслась за ней, невзирая на поводок. А еще у нее были огромные какашки. Она наваливала гигантские кучи по три раза в день. И каждый раз мне надо было за ней все это убирать. Моя жизнь приобрела довольно странные очертания. Все, что я делала, – это непрерывно убирала дерьмо за собакой. Огромные кучи. Три раза в день. Я мечтала о защитнике, который будет меня оберегать, сделает мою жизнь проще, красивее и уютнее, а в результате что получила? Кучи дерьма. Неплохой девиз всей моей жизни, кстати. Мечтаешь завести защитника – получаешь, как по расписанию, кучи трижды в день, которые надо убирать. Развлекай, выгуливай, раздирая ладони в кровь, убирай отходы жизнедеятельности. Ей-богу, проще было уже самой научиться драться и защищать себя, проблем было бы меньше.

Однажды нам пришло коллективное письмо от соседей: «Уважаемые квартиросъемщики, извините, но вы не можете больше жить в нашем доме со своей собакой, она очень громко лает». Соседей можно было понять, Баффи действительно было слышно днем и ночью. Стоило пройти мимо нашего дома любой

собаке – Баффи реагировала мгновенно, и заглушить ее было невозможно. Услышав лай, к ней присоединялась еще одна наша собака – йорк Булочка. В общем, нам давали 10 дней на то, чтобы съехать. Пришлось признать очевидное – мы с этой собакой оказались несовместимы. Что нам оставалось делать? Снять отдельный дом только ради собаки? У меня не было на это средств. Да и потом, там же тоже соседи, и им бы тоже не понравился ее лай. Отдать собаку в приют? Никак невозможно. Это же мой ребенок. Что я за мать? Что я за человек?

Выход был один – пореветь. Через положенные полчаса решение нашлось. Я вспомнила, что на одной из вечеринок, которую проводила Оксана Робски, со мной пытался познакомиться известный американский хирург. Такой был взрослый, мудрый, убежденный сединой мужчина. Он с симпатией на меня посматривал. А когда мы с ним разговорились, сообщил, что страшно любит собак, а еще у него есть ранчо в Малибу, и он там живет. «Это же то, что мне надо!», – подумала я. Нашла его контакт, написала: «Здравствуйте, не могли бы вы мне помочь? У меня есть прекрасная собака, она невероятная, но нас с ней выгоняют из дома. Не знаю, что делать». Он откликнулся тут же, написал, что давно мечтал о собаке именно такой породы. Я ему привожу собаку, и они влюбляются друг в друга с первой секунды. И началась у Баффи райская жизнь. На сегодняшний день у нее есть ранчо в Малибу, личная прислуга, которая гуляет с ней по два часа три раза в день, и три личных доктора. Она спит в кровати со своим хозяином, который не может на нее надышаться. А мой номер телефона он удалил тут же, как только я уехала, оставив ему Баффи. И не берет трубку, когда я звоню. Боится, наверное, что я передумаю и заберу у него Баффи. Вот так простая украинская собака вытащила счастливый билет. Я точно знаю, что по мне и нашей семье она ни капли не скучает, потому что, даже живя у меня в квартире, не отличала меня от няни, а няню от Моники. И была рада любому человеку с мячиком в руках. Но, как бы то ни было, чувство того, что я ужасная предательница и что я своими руками отдала в чужой дом собственную собаку, чуть-чуть начало отпускать только через три года.

В жизни моей собаки все складывалось как нельзя лучше. А вот о своей жизни в тот момент я не могла такого сказать. Через пару недель после подписания бумаг о разводе на телевидении стартовало шоу «Холостяк» с моим бывшим мужем в главной роли. О том, что он планирует в нем участвовать, он сообщил мне по телефону. Я сначала очень долго смеялась – мне показалось,

что это замечательная шутка. Но оказалось, что мой бывший муж и не думал шутить. Весь интернет был до отказа забит рекламой шоу «Холостяк» с известным американским бизнесменом и девелопером Майком, которому изменила и тем самым жестоко разбила сердце Анна Седокова. 30 женщин были готовы бороться за место рядом с моим бывшим мужем. И теперь уже он целовался на экране телевизора с женщинами, а я сидела дома и вся в печали и соплях смотрела на это по телевизору. Очередная ирония судьбы.

По сюжету передачи, Майк был в этой программе героем, главным действующим лицом, принцем на белом коне. Но в любой сказке принцу надо сражаться с чудовищем или какой-нибудь там злодейкой бабой-ягой. И таким чудовищем стала я. Я стала антигероем, какой-то ведьмой на сером козле, которая незримо присутствует в каждом эфире, и в нее не плюет только ленивый. Те, кто меня не любил, – стали ненавидеть. А те, кто ненавидел, – только лишний раз убедились в том, какая я сука. Чтобы придать шоу нужный градус драматичности, Майк рассказал о нашем браке разные истории, которых требовал сценарий. В передаче говорили о том, что я ужасная мать и

ужасная жена, годами не вижу нашу дочь Монику, и о том, что я только и делаю, что тяну из него деньги. О том, как я его бросила умирать одного в доме с перебитыми ногами, а он умолял меня не уезжать. (О поступке его друга в передаче не говорилось. О том, что мне надо было зарабатывать деньги, кормить семью и добывать нам визу, тоже не упоминалось.) Красной нитью через всю программу проходила тема того, что я изменница.

Видеть своего мужчину через месяц после развода целующимся и дарящим розы другой женщине, было нелегко. Слышать, как с экрана телевизора родственники бывшего мужа говорят о том, какая ты тварь и что ты сама разрушила все собственными руками, – не легче. Хотелось отмыться от всего этого. Хотелось, чтобы это закончилось.

Это был какой-то невероятный ад. Меня ненавидели не только эти 30 девушек, из которых Майк должен был выбрать себе невесту. Меня ненавидела вся страна. Рейтинг у программы был большой, цитируемость высокая, и только ленивый не высказался в мой адрес, какая я стерва, сволочь и дура. На меня выливались ежедневно потоки чудовищной грязи. Девушки в студии наперебой говорили: «Не может быть, как же ты с ней жил, бедный Майк, давай мы тебя пожалеем, а она плохая!» Хейтеры мне писали: «Ты курица, ты злая, ты его бросила, как ты могла предать такого хорошего мужчину?! Ты будешь гореть в аду!» Все это продолжалось год. Я не знала, куда от этой ненависти деваться. Даже прятаться пыталась. Умные люди советовали мне извлечь из этого пользу, дать на гребне хайпа пару громких интервью, рассказать, как было дело, заодно прорекламировать новый клип или коллекцию одежды. И, если бы у меня был для этого хоть какой-то ресурс, может, я бы так и поступила. Может быть, даже в студию к ним напросилась, поговорила с этими девицами, было бы у меня полчаса эфира в рейтинговом проекте. Но у меня не было сил бороться. Мне было так больно, что я не хотела дышать. Единственное, чего мне хотелось по-настоящему, – исчезнуть. Но исчезать вместе с двумя детьми очень сложно. Оставалось только терпеть и плакать от бессилия.

В какой-то момент девизом передачи стал слоган: «Мы ищем Монику новую маму». И вот тут уже мне стало совсем плохо. Я смотрела на все это, и мне хотелось кричать: «Подождите! А старую маму Моники мы куда денем? А мне куда теперь? У нее разве мамы нет?» Тут уже были затронуты не только мои интересы, но и интересы моего ребенка.

Мне понадобился еще год, чтобы пережить ту лавину ужаса, которая неслась признаниями с телеэкрана. Еще несколько месяцев после того, как «Холостяк» завершился, в мои комментарии в «Инстаграме» невозможно было заходить. 200 комментариев подряд о том, какая я сука. Так думала вся страна. И я ничего не могла изменить.

Итак, я снова была на дне – морально раздавлена, в финансовой пропасти и совсем без сил. Но надо было всплывать. Я должна была кормить свою семью, на содержание которой в Америке уходило по 30 тысяч ежемесячно (речь только о минимальных платежах – за жилье, детский сад, школу и продукты). Найти работу в Америке, чтобы чаще видеться с детьми, я не могла. Куда бы меня взяли? В «Старбакс»? В «Макдоналдс»? Официанткой в ближайшую забегаловку? Или певицей в ресторан? Мне было 30 лет, и за плечами уже была кое-какая музыкальная карьера, начинать ее заново совсем не хотелось. Оставались кастинги в кино. И я исправно ходила по ним, но у меня не было ни сил, ни энергии. Люди чувствовали, на каком дне я тогда находилась, и сторонились меня. Ни о каких

ролях не могло быть и речи.

Знаете, я не очень верю в историю Золушки. Нам всем внушают с помощью этой сказки, что можно быть бедной и несчастной, сидеть и ждать, и в результате приедет прекрасный принц и спасет тебя. Этого не будет. Принц встретил Золушку в тот момент, когда она была в вечернем платье, с макияжем и прической, танцевала на балу, была весела и энергична. Я ни в коем случае не должна была сидеть и ждать никаких принцев. Чтобы достичь успеха, я должна была взять себя в руки и вернуть себе уверенность. Только тогда у меня бы все наладилось.

Я не могла сказать ничего другого – меня и ак все ненавидели

Единственным выходом в той ситуации было вернуться туда, где меня любили. То есть на сцену. Я так и сделала.

Начались мои бесконечные трансатлантические 12-часовые перелеты. Родственников, которые могли бы взять на себя полностью заботу о детях, у меня не было. Мне было очень сложно. А еще ведь каждый встречный в Москве буквально первым делом задавал вопрос: «Ой, а с кем же твои дети там?» Приходилось врать, что они с моей мамой. Я не могла сказать ничего другого – меня и так все ненавидели. А больше всех ненавидела себя я сама. Я не переставала думать о том, насколько я ужасная мать, не в состоянии нормально построить свой график. Но моя работа давала нам возможность жить, и отказаться от нее я не могла.

В то время я часто слышала такие фразы: «Ты могла бы пореже давать концерты. Ты же деньги гребешь лопатой, мы знаем, что только за один концерт получаешь 10 тысяч долларов. Зачем тебе так много?» Тогда спорить было бесполезно. Но сейчас я все-таки расскажу, как это все работает. Да, за один концерт певец может заработать очень много денег. Гораздо больше, чем среднестатистический человек. Но у него и траты несоизмеримо больше. Тот факт, что я получаю большой гонорар за концерт, не означает, что все эти деньги оказываются в моем личном кармане. Обычно там оседает мизерная часть. Сначала свой процент забирает организатор концерта. Оставшееся уходит на оплату работы очень и очень многих людей. Что такое певец? Это, прежде всего, репертуар. Песни. Песня стоит от 100 тысяч рублей до 10 тысяч долларов. Ты должен ее купить, потом заплатить деньги за ее запись в студии. Каждая минута работы студии стоит денег. За аранжировку песни отдай полторы тысячи. За сведение – еще 500. Потом ты должен снять на нее клип, а хороший клип стоит 30 тысяч долларов минимум. Потом ты

должен потратиться на раскрутку этого клипа в интернете, на это обычно уходит от 10 тысяч долларов. И это суровая необходимость, потому что без этой раскрутки тебя не услышит твоя потенциальная аудитория. Раньше, чтобы оставаться на волне и не потеряться, ты должен был выпускать по два-три клипа в год. Сейчас ты должен выпускать по песне в месяц, и желательно на каждую из них снять клип и каждую раскрутить. Вот и считайте, сколько певец должен потратить, чтобы у него была аудитория и были концерты. И это мы еще не берем в расчет костюмы, постановку шоу, оборудование, зарплаты директорам, пиару, администраторам, музыкантам. А у меня, помимо всего этого, еще была компания LA Story, которая денег не приносила, но я должна была ежемесячно выплачивать зарплату тем, кто был в штате компании. В итоге денег почти не оставалось.

Я работала, стараясь постепенно выбраться из ямы, финансовой и моральной. Старалась снова жить. И, кажется, влюбилась. Познакомились мы на съемках клипа. Снимали сцену, во время которой он должен был меня поцеловать. И он меня поцеловал. Чуть-чуть. Немножечко.

Мы начали встречаться. Жил он в Киеве, что, конечно, увеличило количество моих трансатлантических перелетов, которых и без того было предостаточно. Теперь я много работала в России, личная жизнь и LA Story у меня были в Киеве, а дети находились в Америке. Я каждую неделю садилась в самолет и куда-нибудь летела, каждую неделю мир вокруг меня кардинальным образом менялся. Но это было счастье. Впервые у меня появился человек, который разделял мою страсть к работе. Он ездил на гастроли вместе со мной. И, разумеется, говорили мы с ним о работе. Прежние мои мужчины неспособны были говорить со мной о том, чем я дышу и чем горю, максимум – могли кивнуть, но в глубине души не понимали, зачем вообще мне все это надо. А мой любимый мог часами обсуждать какие-то нюансы режиссуры и постановки. У нас были одни цели и задачи. Мы вместе ставили программы, вместе выступали. И это был настоящий кайф. Я нашла человека, который меня понимает. Я нашла того, с кем можно ночью на кухне пить чай и с жаром и страстью говорить и говорить бесконечно. И мне было абсолютно наплевать, что это была самая маленькая кухня на самой окраине города. Туда даже таксисты не всегда соглашались ехать. Он снимал самую крошечную квартиру в мире. Но меня это не смущало, и я, не задумываясь, сменила царство гламура, Голливудские холмы, на маленькую однушку с зелеными обоями. И мне плевать было на слухи, на усталость, на джетлаг. Я была счастлива. У меня была работа, у меня была любовь, мои дети

были здоровы, ходили в хорошие садики и школы, а обо всем остальном я говорила себе, как Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра».

Я работала, стараясь постепенно выбраться из ямы, финансовой и моральной. Старалась снова жить

Я нашла того, с кем можно ночью на кухне пить чай и с жаром и страстью говорить и говорить бесконечно. И мне было абсолютно наплевать, что это была самая маленькая кухня на самой окраине города

В этом счастливом мире был только один не очень радующий меня нюанс – я зарабатывала сильно больше, чем мой любимый. И что еще хуже – те деньги, которые он зарабатывал, платила ему я. Я ведь была его работодателем. А он отказался от всех других подработок, чтобы быть со мной. Мы попали в замкнутый круг, в центре которого были деньги и наши комплексы. Нет, не поймите меня неправильно – то, что у моего парня мало денег, меня совсем не напрягало. Я боялась поставить в неловкое положение его самого. Как вы помните, я всегда была хорошей девочкой, и моей главной задачей по жизни было не доставлять мужчине хлопот, а дарить одну только чистую радость. Что сделала я? Выработала такую стратегию поведения, которая бы наименьшим образом задевала его чувства. Я никогда ничего не хотела. Просто разучилась хотеть. Если мы приходили в супермаркет и я не понимала, есть ли у него на тот момент деньги, – я ничего не хотела в магазине. Если мы приходили в ресторан – я ничего не хотела в ресторане. Максимум – чай. Потому что на чай у него точно хватило бы денег. А постепенно я все чаще стала хотеть исключительно в «Макдоналдс». Вот туда я хотела всегда, да. Объясняя это тем, что мне приелась гламурная пища, хочется, мол, чего-то попроще. Анна Седокова, собирающая тысячные залы и блиставшая на обложках гламурных журналов, ела только в «Макдоналдсе».

Я делала все, чтобы мой мужчина рос – профессионально и финансово. У него была возможность снимать клипы. Ему начали каждый день писать различные звезды, предлагать сотрудничество с ними. Многие артистки мечтали заполучить его в качестве хореографа и режиссера. Но мой парень держался стойко: «Я работаю с Аней и не намерен от нее уходить».

Мы встречались несколько лет. Это был период счастья. Все слилось воедино – моя любовь, моя работа, моя семья. Он очень любил моих детей, мог часами болтать с ними по телефону, играть в какие-то игры. А если мы вместе ехали отдыхать, он по три часа плескался с девчонками в бассейне, и это совсем его не

напрягало. Дети его просто обожали. Он был добрый. Самый внимательный и очень заботливый. Мы потрясаяще смотрелись вместе, люди постоянно говорили нам: «Какая вы красивая пара!» Все было хорошо.

Но потом я почувствовала, что мы начинаем отдаляться друг от друга. Однажды он объявил, что его пригласили играть в театре.

– Я хочу попробовать себя в качестве актера, – сказал он мне.

Я не пыталась связаться с ним, поняла, что ему будет лучше без меня, и старалась по возможности совсем удалиться из его жизни. Но я им очень гордилась

Я обрадовалась и говорю:

– Отлично, я приду посмотреть.

– Нет, – сказал он, – я не думаю, что тебе стоит это делать. Я хочу, чтобы это был мой личный мир. Без тебя.

И я поняла, что вся эта публичность, свалившаяся на него из-за меня, то, что он стал «парнем Седоковой», на него давила, раздражала и злила. Он другой человек, он из андеграунда, мыслит по-другому, ему не нужны были медийность и слава, тем более такая. Он устал от этого и хотел уйти, чтобы действительно построить свой мир, в котором он что-то будет значить сам по себе. Меня было слишком много в его жизни. Как бы я ни старалась минимизировать свое превосходство, в том числе и финансовое, – его нельзя было сбросить со счетов. Он любил меня, но так жить тоже не мог. Наверное, он должен был доказать сам себе и миру, что стоит большего.

На премьеру спектакля я все-таки пришла. Не смогла пропустить это событие. Меня посадили в первый ряд, так, чтобы я в полной мере насладились искусством. А зрелище, надо сказать, было довольно специфическим. Спектакль, в котором

играли люди, которые до этого не играли никогда и нигде, но внезапно стали актерами. И получилась у них жуткая махровая самодеятельность. А мой любимый был там и вовсе в максимально невыигрышной роли. Он не говорил ни слова, а просто выходил на сцену и выносил стул. А потом выходил вновь и заносил его обратно. На нем была какая-то странного вида женская шуба из чернобурки, которая, очевидно, должна была что-то символизировать, но выглядела просто ужасно.

Разумеется, он увидел меня, сидящую в первом ряду. И мы жутко поругались. Благодаря этой шубе из чернобурки я впервые поняла, что и я тоже хочу большего. И что я тоже не могу так жить. Не могу летать 10 тысяч километров ради человека, который хочет в шубе из чернобурки выносить на сцену стул.

Мне надоела моя вечная спонтанность,
неспособность ничего планировать наперед

Было ясно, что дальше так продолжаться не может. Он не хотел, чтобы я влияла на его жизнь. Я не могла больше жить на три страны и мотаться между Москвой, Лос-Анджелесом и Киевом.

– Может быть, переедем в Москву? Тебе будет полезно, да и мне полегчает, – предложила я.

– Нет, мне хорошо в Киеве, – сказал он.

– Значит, расстаемся?

– Значит, да.

Мы сидели на полу в его крохотной кухне, смотрели друг на друга и понимали, что это конец. «Сегодня вторник?» – спрашивает он. «Да», – говорю я. «У меня предложение. Давай расстанемся в пятницу. У нас будут еще три счастливых дня», – предлагает мой бывший. Я соглашаюсь.

Мы провстречались еще три счастливых дня и в пятницу, как и было оговорено, расстались.

Дела у него постепенно пошли в гору. Он стал заниматься постановкой и режиссурой, проекты, которые он ставил, становились все больше, все масштабнее. Я не пыталась связаться с ним, поняла, что ему будет лучше без меня, и старалась по возможности совсем удалиться из его жизни. Но я им очень гордилась.

Через несколько месяцев я увидела его в Москве. Это был счастливый день в моей жизни. Тогда я, человек, который никогда в жизни ничего нигде не выигрывает, получила премию «RU.TV» в номинации «Лучшее видео» и была бесконечно рада этой победе. Я сидела в первом ряду зрительного зала в невероятно красивом платье и наконец-то со статуэткой в руках. На секунду подняла глаза на сцену и увидела своего бывшего парня, который... танцевал в номере у другой артистки...

А спустя несколько часов на вечеринке в честь этой премии я встретила папу Гектора.

Личной жизни в Киеве у меня больше не было, и меня там ничего не держало. Хотелось обо всем забыть и сбежать. А, как вы помните, бегать я всегда умела лучше всего. В общем, решила перевозить производство в Москву и из трех стран, в которых я тогда жила, оставить только две.

Для меня это была трагедия – все, к чему я привыкла, надо было рушить и создавать заново уже в Москве. И людей в команду набирать заново, потому что, конечно, из моей старой гвардии никто за мной поехать не смог.

В Москву я переехала налегке: у меня были с собой два чемодана с отшитой коллекцией «LA Story» и один чемодан моих личных вещей. Все, что нажито непосильным трудом, как говорится. Жить мне было негде, и меня согласилась приютить подруга. Это было прекрасно, за исключением одной маленькой проблемки – она сама жила у подруги, которая ее приютила. В результате первый месяц жизни в Москве я спала на раскладном диване валетом с подругой. Каждое утро мы его собирали, и комната превращалась в гостиную, а вечером раскладывали и устраивали спальню. Так и жили.

Пресса меж тем не дремала. Я сделала заявление, что рассталась с молодым человеком, но все газеты и интернет тут же сообщили, что это он меня бросил. На мне как на женщине поставили жирный крест. Роза Сябитова написала разгромную статью о том, что я старая, толстая и умру теперь в одиночестве, потому что кому я еще буду нужна с двумя детьми? А еще одна блогерша сообщила во всеуслышание, что я жирная и несчастная и счастья никогда уже мне не будет. В общем, общественность единогласно постановила, что жизнь моя на этом закончена.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ТЕБЕ ЧТО-ТО ПОЛУЧИТЬ,

СНАЧАЛА НАДО ЧТО-ТО ДАТЬ. КАЖДЫЙ ДАЕТ ДРУГОМУ КАКОЙ-ТО РЕСУРС, КОТОРЫЙ У НЕГО ЕСТЬ. У ОДНОГО, НАПРИМЕР, ЕСТЬ ДЕНЬГИ, А У ДРУГОГО – ЭФИРНОЕ ВРЕМЯ. И ОНИ НАХОДЯТ ДРУГ ДРУГА К ОБОЮДНОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ.

Впрочем, я так себя и ощущала – никому не нужной женщиной средних лет с двумя детьми и разбитой судьбой. Мне давно не дарили цветов, и однажды я даже отправила своего водителя купить мне розы. За мои же собственные последние деньги. Ну просто мне очень хотелось цветов. Водитель у меня был понимающий, я деньги занимала у его мамы на съём своего американского дома. Он, услышав мою просьбу, не удивился, только кивнул и спросил, какие именно цветы я хочу сама себе подарить.

– Сколько у нас там денег осталось? – спросила я его.

– Пять тысяч, – говорит.

– Красные розы купите мне на все эти пять тысяч, – решила я.

Он привез мне букет красных роз, я поставила их в центре комнаты, ходила вокруг них, а потом сфотографировала и выложила в «Инстаграм». Хотелось, чтобы люди думали, что у меня есть хоть кто-то, щедрый и романтический. Вот до чего я дошла. Выкладываю букет на свою страничку, и в голове у меня при этом звучит фраза: «Ты, дорогая моя, никому не нужна, так и знай».

Но потихонечку жизнь опять стала входить в колею. Я писала музыку, параллельно искала команду единомышленников. У меня появилось время, чтобы немного подумать, а куда я, собственно, иду и чего хочу добиться. И я поняла, что нужна какая-то упорядоченность. Мне надоела моя вечная спонтанность, неспособность ничего планировать наперед. И тогда в моей команде появились люди, которые смогли эту ситуацию исправить, занялись моим графиком, и мы стали работать грамотно, системно, забивать гастроли на месяцы вперед, активно давать концерты. Я решила, что выступать буду под живую музыку, и у меня появились первые музыканты. В общем, постепенно я начала становиться настоящим серьезным артистом. В этот период вышел альбом «Личное», он получился чудесным. Пока еще мое финансовое состояние было далеко от стабильного, но я начала вставать на ноги. Пожив месяц в чужом углу на раскладном диване, сняла свою собственную квартиру.

Учиться приходилось на собственных ошибках. Помню, мы решили устроить презентацию песни «Вселенная». Хотелось сделать что-то необычное, потому что «Вселенная» – особенный для меня проект. Это не просто клип на песню. Это истории жизни пяти девушек, истории преодоления. И мы придумали провести мероприятие в планетарии. До нас там еще никто не проводил презентацию песни, и поначалу было совершенно непонятно, как и с кем там договариваться, как это все организовать, разрешат ли вообще нам такое. Постепенно все срослось, мы собрали публику, прессу, и, казалось бы, все предусмотрели, но было понятно, что где-то же мы должны были лохануться. Так и вышло. Оказалось, что мы забыли заказать подставку под баннер – огромный плакат три на три метра, на котором было написано «Вселенная». Его не на что было крепить. А на фоне этого баннера должны были фотографироваться звезды, пришедшие к нам на презентацию. И вот мой помощник, для которого тоже подобные мероприятия были тогда еще в новинку, просто стоял несколько часов за баннером и держал его на вытянутой руке. Я очень боялась, что мой помощник не выдержит и уронит баннер на какую-нибудь звезду. Он выдержал. И мы все выдержали. И презентация была невероятная, и концерт замечательный.

Я могу возвысить любого, кого пожелаю. Пусть на день, но ему достанется его минута славы – плохой или хорошей, о нем узнают миллионы. А могу уничтожить

Как только я упорядочила свой график и перестала раз в неделю ездить в Киев, жить стало чуть проще. Я жила теперь всего лишь на две страны, между которыми были прямые перелеты. У меня появилось больше свободного времени, и я смогла сосредоточиться на том, чтобы в Америке быть мамой, а в России больше времени уделять работе. И не только концертам, но и тусовкам и нужным мероприятиям, на которых я знакомилась с людьми, работающими в шоу-бизнесе. И тогда же я, может быть, поздновато, но все-таки начала осваивать элементарные правила, по которым живут успешные люди. Оказывается, для того чтобы у тебя что-то получилось, тебе нужно на этом сконцентрироваться. Получается только то, чему ты уделяешь внимание. Можно миллион лет сидеть и мечтать, что прилетит какой-то волшебник в каком-то там вертолете и поставит твою песню на радио. Сам, без каких-либо усилий с твоей стороны. Или, сидя в Лос-Анджелесе, попивая коктейль и обнимаясь с любимым, надеяться, что у тебя в Москве без твоего участия свершится презентация твоего альбома. Этого не будет. Всего этого можно добиться только неимоверными усилиями. И всегда надо помнить, что в Москве на каждый метр как минимум три штуки таких, как ты. И все хотят славы и успеха. И когда ты улетаешь в Лос-Анджелес, чтобы пить коктейли с любимым, остальные три таких же, как ты, в этот момент сидят в ресторане с программным директором нужной тебе радиостанции, и разговаривают с ним, и смеются над его шутками, и убеждают его, что именно их песни должны быть в его эфире. Как вы думаете, кто быстрее достигнет успеха? Правильно. Вот вроде элементарные вещи, а поняла я их далеко не сразу.

Еще один нюанс, работающий в шоу-бизнесе: для того, чтобы тебе что-то получить, сначала надо что-то дать. Каждый дает другому какой-то ресурс, который у него есть. У одного, например, есть деньги, а у другого – эфирное время. И они находят друг друга к обоюдному удовольствию. Или один может пригласить другого на свою вечеринку, где много нужных и важных гостей, а другой ему за это спеть. Вариантов может быть масса. И если вы подумали о том, что я говорю о сексе, – поверьте, у тех, от кого что-то зависит в этом бизнесе, есть с кем заниматься сексом. И это не вы и не я. Так что меняться на секс не получится. В данном случае я говорю о каких-то профессиональных ресурсах. У каждого они свои. Кто-то делает очень красивые браслеты, кто-то футболки, у кого-то рестораны.

У меня же долгое время ничего не получалось, потому что мне не на что было меняться. У меня не было никакого ресурса. LA Story только становилась на ноги, и объемы производства у

нас были маленькие. Я долго думала, что же я могу предложить этому бизнесу, и ничего в голову не приходило до тех пор, пока я не начала новую и, наверное, самую интересную главу в своей бизнес-жизни.

Эта глава, которая открылась неожиданно и внезапно, называется «Инстаграм». Я его завела одной из первых в нашей стране и сразу начала вести в своей характерной манере – откровенно и открыто. Я не скрывала от читателей никаких эмоций. Однажды, когда в жизни произошел настоящий факап, выложила свое фото, где я вся заплаканная, зареванная, и написала: «Как же возможно, что такое случается в жизни?» Следом шел большой откровенный текст. Я вывернулась наизнанку. А тогда, на заре «Инстаграма», так никто не делал, все постили только глянцевого, вылизанные картинки. А писать тексты, тем более выворачиваться при этом наизнанку, показывая свои слезы, свои синяки, свою раненую душу, стали позже. Сейчас всех хлебом не корми, дай порыдать в прямом эфире. Сейчас слезами уже никого не удивишь, наоборот, плакать в «Инсте» уже дурной тон, тебя осудят за то, что ты выносишь все наружу. А тогда это было в новинку.

Тогда вообще все было в новинку. Не было никаких трехтомных пособий «Как сделать ваш „Инстаграм“ популярным и зафоловить свой первый миллион». Мы все делали на ощупь, действовали методом проб и ошибок. И я, видимо, нащупала нужный тон, потому что у меня начали очень быстро расти подписчики, я одна из первых набрала миллион и почти сразу вошла в топ-10 самых больших инстаграммщиков у нас в стране и вхожу туда до сих пор. Меня фоловили абсолютно все – от крупных руководителей до их секретарей, от школьников до их мам. Моя популярность росла, и мое влияние стало заметным. Когда мне первый раз позвонил программный директор большого радио и сказал: «Извини, пожалуйста, у нас к тебе такая просьба неожиданная – а не могла бы ты поддержать нашу акцию, разместить объявление о ней у себя в „Инсте“?», я поняла – вот он, этот момент. Он настал. Теперь и у меня есть на что меняться.

Я стала осознавать, что социальные сети – это власть. Я могу возвысить любого, кого пожелаю. Пусть на день, но ему достанется его минута славы – плохой или хорошей, о нем узнают миллионы. А могу уничтожить. «Инстаграм» сделал важную вещь. Он убрал посредников между мной и моим слушателем. Я стала общаться с публикой напрямую. Раньше, для того чтобы рассказать о новой песне или актуальной коллекции одежды, я должна была встретиться с журналистом (в лучшем случае знакомым, в худшем – с непонятым). Должна была договориться,

чтобы статью обо мне напечатали в газете, и не просто напечатали, а написали теми словами, которые я действительно говорила, а не которые выдумал присланный редакцией журналист. Я должна ему рассказать свою историю и гадать, что же он там понял, потому что все равно каждый журналист пишет по-своему и вкладывает в рассказ что-то свое. И из ста интервью, которые я дала, 98 были в итоге не про меня и рассказаны как будто не мной. Потом я должна была ждать, выйдет это интервью или нет, – редакция могла его завернуть по своему усмотрению на любом этапе. И если выйдет, то когда и в каком виде.

А сегодня все разворачивается стремительно. Могу выложить фотографию с любым человеком и через 15 минут все сайты, все газеты и журналы напишут о моем новом романе. А на следующий день выйдет об этом телевизионная программа.

С появлением в моей жизни «Инстаграма» я стала игроком на рынке. До этого я была маленькой миленькой девочкой, которая могла нравиться, могла не нравиться, но не могла управлять ситуацией и не могла влиять на нее. Сейчас я обладаю силой.

А еще эта площадка – реальный способ заработка. Конечно, когда мы только начинали ее осваивать, даже подумать о таком не могли. Первым, кто понял, что в «Инстаграме» можно делать деньги, был Ашот Габрелянов. Он написал мне: «Привет, не хочешь с нами поработать? Мы делаем рекламное агентство, которое планирует зарабатывать деньги на рекламе в „Инстаграме“». Вы не представляете себе, как я тогда смеялась. На чем зарабатывать вы собираетесь? Кто-то будет предлагать

деньги за то, чтобы разместить что-то в аккаунте другого человека? Это же смешно! Но Габрелянов, как человек, опережающий время и видящий перспективу в технологиях, понял, какой силой уже очень скоро станет «Инста». И жизнь показала, что он не ошибся. На сегодняшний день блогер может заработать за один пост от ста тысяч до миллиона. Разумеется, такие деньги предлагают только тем, у кого миллионы подписчиков. И это действительно кажется фантастикой. Ты обрабатываешь фотографию, выкладываешь ее в своей сети и получаешь за это сто тысяч.

Я оправдывалась, доказывала что-то кому-то, расстраивалась и не спала ночами, думая, какая я, действительно, плохая мать

У общества к этому явлению неоднозначное отношение. Большинство считает, что это дурные деньги, которые блогер получает за просто так. Но люди не совсем понимают, как это работает. Чтобы рекламодатель пришел именно к тебе и предложил эти деньги именно тебе, ты должен очень много сделать. У тебя должна быть отличная статистика – количество просмотров сторис, количество переходов по ссылкам, вовлечение публики. Но для этого ты должен каждый день удивлять читателя, предлагать ему что-то новое. Ты должен расставаться, сходиться, разводиться, судиться (как видите, я идеальный персонаж «Инстаграма»). В общем, твоя жизнь должна быть как сериал для читателя.

Сделать так, чтобы за твоей страничкой каждый день следили миллионы, – это не просто. Это надо снять, обработать и выложить сто тысяч роликов, сто тысяч фотографий, которые привлекли бы внимание. И делать это надо регулярно. Вот я сижу и завтракаю. Вы думаете, я прямо очень хочу запостить сейчас фотографию своей чашки кофе и яичницы? Я ее хочу съесть, пока она не остыла, а вместо этого фотографирую, обрабатываю и выкладываю. Но я понимаю, что люди ждут от меня весточки. Как я там? Проснулась? Все у меня хорошо? Если я ничего не запостила – значит, я еще сплю. А если пост не появился в течение дня – значит, со мной что-то случилось и пора начинать волноваться.

Но тут, конечно, ситуация двоякая. Если бы я была чистым блогером, который зарабатывает деньги только этим, я бы только и делала, что документировала каждый свой шаг, монтировала бы, подкладывала музыку и постила. И люди знали бы обо мне все. Но я при этом была и остаюсь артистом. И для публики я должна быть загадкой, которую интересно разгадывать. Я не

должна быть слишком близкой и открытой для своего зрителя. И тут нужен баланс. С одной стороны, рассказывать людям, что я на завтрак ем, а с другой – оставаться загадкой. Чтобы мистика не пропала.

Еще один положительный эффект «Инстаграма» раскрылся далеко не сразу. Я много лет выслушивала от разных совершенно посторонних мне людей, что я плохая мать. Журналисты писали: «Она слишком много гастролирует, наверняка забыла, как выглядят ее дети». Хейтеры всех мастей призывали лишить меня материнских прав, потому что: «Как можно, у нее трое детей, и она все еще заводит новые романы, наверняка детьми не занимается совсем». Я оправдывалась, доказывала что-то кому-то, расстраивалась и не спала ночами, думая, какая я, действительно, плохая мать. Но выход нашелся неожиданно. Оказалось, что хорошей матерью в глазах общественности быть очень просто. Надо просто регулярно выкладывать в «Инстаграм» фотографии детей. Вот мы с ними гуляем, вот они едят, вот играют, вот делают уроки. И сразу все становится нормально. Сразу я становлюсь прекрасной мамой. Даже если за час до этого вдрызг разругалась с детьми и наделала ошибок – я выложу милую фотку и вновь стану супермамой. Потому что очень многие уверены: «То, что ты постишь в „Инстаграме“, – это и есть твоя жизнь». Правда, тут возникает обратная проблема. Если я за сутки не запощу, например, фотографию одного из своих детей – значит, я точно его бросила. И тут возникают проблемы, хорошо известные каждому блогеру, – как запечатлеть свою жизнь. Вчера, например, играю с Гектором, катаем машинки, бесимся, веселимся. И надо бы это заснять и выложить, но сыну не нравится, когда я отвлекаюсь на телефон, и его можно понять. Как незаметно взять телефон и снять нашу игру? Никак. У девочек, которые занимаются своим блогом серьезно, у которых это единственный источник дохода, есть специально нанятый человек, который снимает каждый их шаг. Я на такое пойти пока не могу, мне кажется, все-таки это перебор.

Но, так или иначе, рецепт был найден. Ты можешь быть ужасным человеком, но если у тебя в сторис ежедневно появляются фотографии твоих счастливых детей – ты идеальная мать. Даже если эти фото делал другой человек, даже если ты по часу обрабатывала каждое из них, а дети в это время играли с няней – ты все равно идеальная мать. Поэтому надо всегда водить за собой детей: куда бы ты ни пошла, в магазин или на выставку, на презентацию или в бар, – бери с собой детей. Если нет детей – позиционируй себя как хорошая жена. Ходи везде с мужем, позируй с ним на фоне пресс-воллов (если это работа) или уютной кухни (если вы дома). Это тоже отлично работает. Создай в своем „Инстаграме“ счастливую жизнь – и люди будут уверены, что так оно и есть. Признаюсь честно – меня так все это бесит! Вся эта наигранность, которая стала популярной. Впрочем, может быть, она меня бесит, потому что я сама в нее никогда не верила? Где-то глубоко во мне еще живет та маленькая девочка, которая не верила в настоящую любовь и красивые отношения, и за фотографиями счастливых пар мне по-прежнему видится фальшь.

Но я все равно продолжала мечтать о большой любви. Вернемся к ней. Вернемся на премию «RU.TV». Знаю, вы ждете этого.

Итак, сменив свое шикарное платье на сексуальное черное, я пришла на афтепати премии. День был не из легких, и я точно знала, что заслужила бокал вина. Рядом с баром я заметила очень пьяного и очень симпатичного молодого человека. Похоже, он не очень понимал, где находится. Среди смокингов его толстовка с капюшоном выглядела довольно странно, и он сам был абсолютно инородным телом на той тусовке. Прямо вот не вписывался он туда. Его привел на афтепати друг-певец, мой знакомый. И тут же начал мне его сватать, отрекомендовав как

самого завидного жениха в Москве. Надо сказать, что в тот момент самый завидный жених Москвы совершенно не производил такого впечатления. Но, как оказалось, меня он все-таки запомнил, и через некоторое время мне пришло приглашение на первое свидание... на озере Комо. Конечно, я отказалась. Но парень не сдавался и настойчиво заваливал меня цветами и приглашениями. Я подумала, что, пожалуй, могу себе позволить совершить самый сумасшедший поступок в своей жизни – слетать на свидание в Италию. Так начался мой роман с папой Гектора.

С дивана, на котором я спала валетом с подружкой и на котором читала статьи о том, что Седокову можно списывать в утиль, никто на нее больше не посмотрит, потому что она толстая, целлюлитная и никому больше не нужная, я меньше чем за месяц переместилась в совершенно другую реальность.

В этой другой реальности было море цветов. Он знал, что я помешана на красивых цветах, и присылал мне сотни роз. Даже не сотни. Океаны. Однажды мы поссорились, и на следующий день курьер доставил мне 10 тысяч роз. Я никогда столько цветов не видела. И, мало того, он прислал по тысяче роз всем моим друзьям и подругам. Даже саксофонисту моему букет доставили. Такая вот получилась красивая просьба о примирении.

В другой реальности был совершенно безумный шопинг. Выглядело это так: захожу в ЦУМ, и мне прикатывают шесть рейлов, на которых плотными рядами висят вешалки с одеждой. Он говорит продавцам: «Заверните все вот это, мы берем», и одним махом покупает одежды на 150 тысяч долларов. В другой реальности были самые дорогие рестораны с роскошными винами. А моим спутником был не мерзкий старикашка, которого все пророчили мне когда-то, говоря, что, разведясь со своим мужем, я никогда не встречу больше «такого же молодого и классного, как он». Нет, напротив меня сидел молодой, красивый, богатый, щедрый парень.

В общем, я оказалась в сказке. Я получила премию «RU.TV» за самое сексуальное видео, у меня было много концертов, у меня была любовь. Та самая любовь. Казалось, я ее нашла.

Но моему парню стало казаться, что я непрослительно много работаю. Когда мы снимали клип на песню «Вселенная», я хотела, чтобы все было сделано идеально, и сама занималась его монтажом. Я просиживала за монитором ночи напролет, и его, естественно, это начало напрягать. Он был из среды, где женщины не утруждали себя такими мелочами, как работа. Он вообще никогда не видел в своем окружении работающих женщин и, соответственно, не совсем понимал, зачем это нужно мне. А я всю жизнь до часу ночи сидела в студии и писала песни, до 5 утра монтировала клипы, а в 7 утра уже бежала на новую съемку. Для меня работать 22 часа в сутки было нормой, а его такое расписание категорически не устраивало. Он говорил:

Меня пытались истребить люди, которым он сам по себе был не нужен, а нужны были только его деньги

– Вон, посмотри на Земфиру, она практически не выпускает новых песен и не снимает клипов – и нормально живет. Зачем тебе торчать в студии? Зачем ты работаешь? Тебе денег надо? Сколько? Я дам.

А я не собиралась брать у него деньги. С какой стати? Это недостойное поведение. На свой бизнес я должна зарабатывать сама. А расходы у меня на тот момент были большие: мы снимали очень большой офис в центре города – ну просто потому, что уже устали мыкаться по разным углам и хотели жить и работать, как люди. Офис стоил столько, что вся наша прибыль уходила на его аренду. Мои швеи сидели в шикарном офисе с трехметровыми потолками в центре города, а я оплачивала это великолепие из своих концертных заработков. Компания требовала вложений, и я пыталась заработать, потому что подружку жить не умела. Но мой молодой человек отказывался понять, зачем мне столько пахать, если можно тупо взять у него денег.

Но это была не единственная проблема. Начав встречаться с олигархом, я поняла, что спутницей такого человека может быть только женщина с очень крепкой нервной системой. Как только мы познакомились, на меня началась настоящая атака. Все женщины мира – и те, которые были с ним до него, и те, которые хотели бы быть на моем месте, – делали все, чтобы нас развести. Женщины вешались ему на шею, плели интриги, писали сообщения, эсэмэски, присылали свои фотографии в разных видах. Меня в чем только не обвиняли: и в том, что я оказываю

эскорт-услуги, и в том, что я проститутка. В подтверждение этих слов ему пачками присылали какие-то сомнительные доказательства, например такие: «Вот мне один друг сказал, что он ее снимал за такую-то сумму». Даже друзья моего молодого человека не остались в стороне – один из них рассказывал ему, что знаком с бывшим мужем певицы Жасмин, уверяющим, что у него со мной был роман (хотя я этого бывшего мужа в глаза не видела ни разу в жизни). А другой говорил, что однажды снимал меня лично, еще в то время, когда я пела в группе «Блестящие». Объяснять, что я никогда не входила в состав этой замечательной группы, было бесполезно.

В общем, я оказалась посреди кучи какого-то жуткого дерьма. Меня пытались истребить люди, которым он сам по себе был не нужен, а нужны были только его деньги. Парадокс заключался в том, что как раз мне его деньги были не нужны, потому что я всегда зарабатывала себе на жизнь сама. Но именно это его и бесило. Потому что, по его понятиям, я должна была быть готовой разделять его досуг и отдыхать вместе с ним – по первому его звонку. А если меня рядом не было, рядом тут же оказывалась другая женщина. Недостатка в них, как вы понимаете, не было. Все столы вокруг него были обсижены женщинами, желающими приобретать себе вещи в ЦУМе целыми рейлами, принимать каждый день букеты цветов и вкушать дорогие вина. Поэтому они, как коршуны, вились вокруг, готовые подсесть к нему в любую секунду. А поскольку меня в 5 вечера никогда в ресторане не оказывалось – ну можете сделать выводы, что было дальше.

А потом мой молодой человек сделал мне предложение. Все было сделано чрезвычайно романтично – он отвез меня на озеро Комо, там встал на одно колено и преподнес мне кольцо с огромным бриллиантом.

Конечно, я сказала: «Да». Внешне это было что-то невероятное. Но у этой любви появился какой-то странный привкус. Что-то шло не так. И окончательно я это осознала, когда мы большой компанией – с его друзьями и близкими – отправились в большой морской круиз на яхте вдоль побережья Италии. Это было как в роскошном кино – красиво, романтично, идеально. Но я и моя семья в то кино не вписывались никак. У них были определенные традиции. Например, детей никогда не пускали за общий стол, всегда кормили отдельно. Шуметь и смеяться за столом было не принято. Представляете, сидит большая компания за общим столом, и все молчат. Не смеются, не болтают, не играют ни во что. Просто сидят, чинно и тихо. Когда его мама увидела, как я себя непринужденно веду, улыбаюсь и болтаю, она сказала, что я из деревни. Потому что только в

деревне люди разговаривают во время еды и дети сидят на коленях у родителей. А в их мире – мире больших денег – родители детей не обнимают. Собак в доме быть не должно, потому что у всех вокруг аллергия, и вообще это не комильфо – держать дома животных. А у меня тогда дома жил йорк Булочка. И мне было велено собаку куда-нибудь отдать. И сделать как-то так, чтобы дети никогда не заходили в спальню к родителям. И вообще поменьше путались под ногами.

И тут я поняла, что, кажется, мой жених не очень-то любит моих детей и даже не пытается это скрыть. Когда Моника говорила ему: «Привет», его передергивало, и он тут же уходил куда-нибудь подальше. Мне вряд ли будет по пути с человеком, который не любит моих дочерей – главных людей на моей планете. Увы, поняла я это, уже будучи беременной Гектором.

Чтобы оставаться в этой сказке, жить в красивом доме на Кап-Ферра и путешествовать на яхте, я должна была стать бесчувственной стервой и пожертвовать своими детьми. Готова ли я была к этому? Я не знаю большего счастья, чем лежать со своими детьми и собаками в одной постели, обниматься с ними и смотреть фильмы о любви. И вот от этого я должна была добровольно отказаться. Нет. Я не могла этого сделать. Да, все эти яхты и дома, шопинг и рестораны – это была сказка, волшебная сказка, но она была не моя. Не мое счастье. Это чье-то другое счастье. Миллионы женщин отдали бы все на свете, чтобы оказаться тогда на моем месте. Но мне такое счастье было не нужно.

Мы были помолвлены и планировали свадьбу, когда я осознала, что замуж выходить не хочу. Это я-то, женщина, свято убежденная в том, что дети должны рождаться в законном браке! Впрочем, пожить вместе мы все-таки попробовали. Получалось плохо. Он все так же не выносил Моника, он не очень

интересовался своим новорожденным сыном. Через месяц после рождения Гектора мы крупно поссорились, и я поняла, что я не могу так жить. И что – если я хочу что-то изменить, как бы ни было сложно – я должна изменить это сейчас. И я ушла.

Папа Гектора очень тяжело воспринял мой уход. Настолько тяжело, что в результате он практически не общается с сыном, не интересуется его жизнью и, разумеется, никак не помогает мне финансово. Я в этом тоже, конечно, виновата, потому что, уходя, гордо бросила, что мне от него ничего не нужно. Я же сильная. Я гордая. Я идеальная женщина, которая справится сама с любыми трудностями. И когда его кто-то спросил, почему он не помогает ребенку, он вполне резонно ответил:

– Знаете, уходя, она сказала, что сильная и справится. Вот пусть справляется.

Наверное, если бы я попросила у него денег, он бы дал. Или нет. Я не знаю. Просто потому, что я никогда этого не делала.

Иногда я думаю, почему все-таки у нас ничего не получилось? Ведь вначале мы очень сильно друг друга любили, все было красиво, достойно, правильно. И «да» на предложение выйти замуж я ему ответила совершенно искренне. Казалось бы, ну всего-то надо было для счастья – отказаться от работы. Денег бы хватило. Но именно в этом и была проблема. Отказавшись от работы, я должна была отказаться от себя настоящей. От своей реальной жизни. Профессия всегда была моим спасением в сложные времена, моей отдушиной. Когда не было ни денег, ни ресурсов, меня не спасали ни родные, ни друзья, ни мужчины – только работа. Работа меняла мою жизнь, будь то кастинг в группу «ВИА Гра» или «Ледниковый период» и еще десятки таких важных моментов. И предать дело, которым я занималась всю жизнь и которое искренне люблю, я не могла.

Сейчас я уже понимаю, насколько это важно – встретить человека, который не будет ревновать тебя к твоему делу, не будет его обесценивать. А, наоборот, будет давать тебе силы. Вы должны думать вместе, идти вместе в одном направлении, вот тогда что-то получится.

Как только я объявила о расставании с отцом ребенка, снова мир вокруг меня взорвался. Газеты наперебой выясняли, кто же отец Гектора. Кто же он? (Я говорила тогда и еще раз скажу сейчас: «Это человек, который не хочет, чтобы все знали, что он отец Гектора. И мне кажется, я должна хранить эту тайну. Для него это важно, а значит, я не вправе тайну открыть».) Газеты писали о том, что Седокова вновь осталась одна, снова никому не нужная, только теперь у нее уже трое детей от разных отцов. Сколько можно уже рожать и что она себе позволяет, в конце

концов!

Предать дело, которым я занималась всю жизнь и которое искренне люблю, я не могла

Верю, что рано или поздно у нас все получится. Это путь, который нам всем надо пройти, он сложный, но мы его преодолеем

Я, казалось бы, уже привычная к подобным ударам судьбы, опять начала погружаться на дно. Окончательно добила меня следующая история.

Когда родился Гектор, стало очевидно, что жить между двумя континентами больше нельзя. Летать с ним по 12 часов каждые две недели было сложно. Оставаться где-то в одной стране тоже невозможно – в России у меня работа, в Америке у Алины школа, а у Моники отец. Принять решение было очень сложно, но все-таки чаша весов склонилась в пользу Москвы – у Алины в Америке начались серьезные проблемы со школой, в которой она училась. Мне вообще не очень нравилось то, как влияли на нее ее американские одноклассники – отношения с ними были очень сложные, друзей моя дочь там себе так и не завела, и у нее стал портиться характер. Я подумала, что будет неплохо хотя бы на год сконцентрироваться на какой-то одной стране, дать возможность Алине пожить в других реалиях и немного прийти в себя. Мы вернулись в Москву.

Положение было ужасное. Я понимала, что снова, в который уже раз, облажалась. Только теперь у меня на руках уже не двое, а трое детей, один из которых совсем маленький и которому я должна стать одновременно и мамой, и папой. Параллельно надо было адаптировать Алину к новой, совершенно чужой для нее стране, искать для нее подходящую школу, оплачивать ее, снимать квартиру, всех кормить. А для этого я должна постоянно ездить на гастроли и петь песни. Куда при этом девать совсем маленького Гектора? Ему постоянно нужна мама, а родственников, которые бы могли помочь мне его растить, у меня нет.

Я понимала, что силы мои на исходе и что я сейчас сломаюсь.

И тут, как будто всего вышеперечисленного было мало, начался судебный процесс, в ходе которого мы с Майком устанавливали опеку над Моникой. Это был очень долгий процесс, он вымотал мне все нервы и совершенно меня разорил. Каждый месяц мне приходилось отдавать американскому адвокату 30 тысяч долларов. А мысли о том, что у меня забрали ребенка, она живет в другой стране, работоспособности не добавляли. Виделись мы только под надзором. Разговаривать с ней надо было только по-английски, и неважно, что Моника практически не понимала этого языка, главное, что надзирательница понимала. По телефону нам с ней разговаривать не давали.

В общем, я не знаю, как выжила вообще в тот год. Я ни о чем не думала, кроме как об этой борьбе. И я победила. Нам оставили обоюдную опеку над ребенком. Единственное условие – я не имею

права забирать Монику в Москву, даже на один день. И в этом большая сложность, потому что у нас дома я с ней встретиться не могу. Только на нейтральной территории. И каждый раз при встрече дочка плачет, потому что хочет домой. Потому что последний раз видела нашу собаку Марусю, когда та щенком была, а сейчас ей два с половиной года. Но самое главное – Моника хочет быть в семье, хочет проводить время с братом и сестрой в нашей общей квартире. Да, мы встречаемся все вместе, когда едем отдыхать, но это немного не то. Там мы живем в гостинице. А Моника скучает по дому, где разложены ее вещи, где хранятся ее игрушки и висят на стенах ее картины. Несмотря на то, что она уже полтора года не была в нашей квартире, мы все оставили на прежних местах.

Еще одна моя большая победа – наши хорошие отношения Майком. Меня мало кто понимает, все удивляются, что я, пройдя через весь этот ад, сама инициировала наши хорошие отношения. Но, поскольку я сама – ребенок разведенных родителей, я, еще будучи совсем юной, пообещала себе, что никогда в жизни не позволю, чтобы мой ребенок слышал, как мы с его папой ругаемся. Пока держу слово, данное себе тогда, и очень этому рада. Когда мы с Майком ссорились, я ему всегда говорила:

– А сейчас мы с тобой оставляем все конфликты здесь, в этой комнате, где мы одни, выходим к детям, и ты улыбаешься мне, а я тебе, и мы с тобой спокойно беседуем. Дети не должны подозревать, что мы ругаемся. – Он со мной был согласен.

Именно поэтому моей целью было во что бы то ни стало сохранить мир между нами. Я понимаю, зачем он затеял эту историю с судом. Он пытался действовать в интересах Моника. Да, он делал это грубо, дерзко, резко, мне очень больно было, но он не хотел причинить зло.

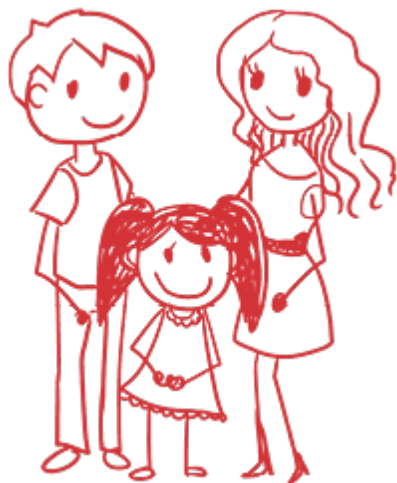
Сейчас мы стараемся максимально бережно относиться друг к другу.

А недавно я спросила:

– Может быть, все-таки возможно придумать какой-то вариант, чтобы Моника приезжала хотя бы иногда в Москву? – и Майк пообещал попробовать решить этот вопрос. Верю, что рано или поздно у нас все получится. Это путь, который нам всем надо пройти, он сложный, но мы его преодолеем.

Суды закончились, но это были не все испытания, посланные мне судьбой. Придя немного в себя после пережитого кошмара, я задумалась – а правильно ли я живу? Правильно ли я распоряжаюсь своими финансами? Мне было 35 лет, я работала с 16, не покладая рук, но все еще снимала квартиру в Москве и, сколько бы ни зарабатывала – все подчистую тратила. Если не на

покупку дорогих часов своему мужу, то на вещи для детей, или швейные машинки, или клипы, или на суды, или на что угодно. Но накоплений никаких и нигде мне сделать так и не удалось. И в голове у меня нет-нет, да и звучали слова мамы: «Ты никогда ничего не завершаешь, ничего не умеешь и ничего не добьешься».

Все мои родственники объявляют, что я – худший человек из всех, когда-либо живших на земле, но отступить мне некуда, решение принято

И тут одновременно случаются два события. Моя подруга берет в ипотеку квартиру в очень красивом жилом комплексе. И я получаю очень хороший гонорар за работу в рекламе шампуня. Гонорар, соответствующий 10 процентам стоимости квартиры, или первому взносу за ипотеку в том жилом комплексе. И я поехала в гости к подруге, в ее свежкупленную квартиру, а заодно полюбопытствовала, что они там предлагают, в том доме. И была впечатлена. «Пора, – решила я, – все складывается как нельзя удачнее. Время обзаводиться своим жильем». Выбрала квартиру и пошла подавать документы на ипотеку. Нам долго не отвечали, но, в конце концов, одобрили кредит. Впрочем, как говорил мой бывший муж: «Рано захлопали». Поскольку я – гражданка Украины, одобрили кредит на совсем других условиях, весьма далеких от тех, на которые я рассчитывала. Первый взнос в моем случае был не 10 процентов, а 30. Отказаться было нельзя, поскольку, как мне сказали: «Если вы не заплатите взнос сейчас, то ваш кредит аннулируется, и потом вам уже не одобряют ни одну ипотеку ни в одном российском банке».

Итак, для суперженщины появилось новое задание: как найти 250 тысяч долларов всего за 10 дней. Я рассмотрела все

возможные варианты, прикидывала так и сяк, и по-любому выходило, что мне не обойтись без продажи квартиры в Киеве, которую я купила давным-давно. Я звоню родственникам и объявляю им, что продаю единственную недвижимость в городе детства. Они, конечно, в шоке, отговаривают, как могут, старенькая бабушка говорит: «Не смей продавать квартиру!», мама обещает, что проклянет. Все мои родственники объявляют, что я – худший человек из всех когда-либо живших на земле, но отступать мне некуда, решение принято. В тот момент я поняла, что за свои мечты иногда приходится бороться даже с родственниками.

Расставаться с квартирой, где мы когда-то жили с маленькой Алей, было ужасно жалко. Она была очень уютная. А в детской еще сохранились рисунки – точно такие же, как те, которые когда-то давно для нас с братом нарисовал наш папа. Я понимала, что новые хозяева все это закрасят, как только въедут, и чуть не плакала.

Поскольку продавали мы эту квартиру в кратчайшие сроки, выручить за нее удалось гораздо меньше, чем она стоила на самом деле. Но других вариантов у меня не было. Ирония судьбы еще заключалась в том, что нотариус, к которому я пришла оформлять эту сделку, находился в том же подъезде, в котором мы когда-то давно снимали квартиру вместе с моим Вениамином. Там, где я, беременная, сидела по ночам, затаив дыхание, и слушала, не едет ли лифт. Я услышала этот до боли знакомый звук, поднимаясь на этаж к нотариусу, и поняла, что история моя закольцевалась.

Я продала квартиру за 110 тысяч, и это произошло в последний день взноса по кредиту. Опоздай я на день – и банк аннулирует мне согласие на ипотеку. То есть мне нужно было срочно переправить деньги в Москву. Сумма солидная, в кармане ее не перевезешь. Я нашла компанию, которая за внушительный процент согласилась доставить деньги в Москву. Надо было вручить специальному человеку пачки банкнот в Киеве и встретить его в Москве. Никаких документов мы при этом не подписывали, мне дали только загадочный код, по которому в Москве передадут банкноты моему водителю. Других вариантов не было. И вот я сначала тряслась мелкой дрожью, когда везла эти деньги по Киеву, затем молилась всю дорогу от Киева до Москвы, чтобы мне их отдали потом и не кинули меня. Мой водитель поехал на окраину Москвы, где неизвестные люди вручили ему 100 тысяч долларов, которые он должен был поменять на рубли и срочно отвезти в банк. Всю дорогу до обменника моего водителя преследовала угрожающего вида

машина с подозрительными людьми внутри. Доехав до обменника, водитель вышел из машины. Подозрительные люди припарковали свой автомобиль рядом, вышли и сказали:

– Не волнуйтесь, это мы вам передавали деньги только что, ехали за вами, чтобы убедиться, что все пройдет хорошо и вас не обидят. – Я тогда еще раз убедилась в том, что даже у бандитов бывают большие сердца.

Но, как ни крути, а денег на первый взнос все еще не хватало. Я упростила банк дать мне еще два дня на поиски. Итого у суперженщины оставалось три дня, и надо было найти «всего лишь» 140 тысяч долларов. Я стала думать дальше. Открыла шкатулку с украшениями, вынула оттуда дорогие часы и крестик Graff, украшенный бриллиантами. Крестик стоил три миллиона, часы тоже были не из дешевых. Мой водитель повез это все богатство сдавать в ломбард. Звонит мне оттуда и говорит: «Ну что, Анна Владимировна, сдаем? Мне за них всего 400 тысяч рублей дают». Я говорю: сдаем. А у самой слезы катятся по щекам. Сажу одна дома в ванной на голой плитке, в руке пачка банкнот – и плачу навзрыд. Как же так получилось, что я, Анна Седокова, работая всю жизнь на износ, ничего в результате не заработала и вынуждена сдавать украшения в ломбард, чтобы найти недостающую для ипотеки сумму?! Где я, черт возьми, не туда свернула? Что со мной не так?

Поплакав полчаса, положенные мне по придуманным мной же самой правилам жизни, я опомнилась, взяла себя в руки и стала думать дальше. Ревы не ревы, но полученной в ломбарде суммы все равно не хватало до первого взноса. Я уже голову сломала, где взять оставшиеся 100 тысяч. И решила раз в жизни

побыть девочкой и попросить денег у мужчин. «Ну хотя бы попробовать-то можно?» – спросила себя я и сама себе ответила, что можно. Нашла парочку телефонов, которые оставили мне поклонники, клявшиеся в вечной любви и требовавшие, чтобы я звонила им в любой момент и просила любой помощи. Позвонила одному – очень богатому мужчине. Он меня узнал, обрадовался, выслушал мою историю и говорит:

– Я вам перезвоню. На следующей неделе у меня будет большая сделка – и я попробую с нее вам деньги дать. Но процент будет у вас такой-то. – Так, кстати, и не перезвонил потом.

Второму звоню – тоже узнает, радуется и исчезает. Стало понятно, что на мужчин надежды как не было, так и нет. Если уж не научилась к 35 годам брать у них деньги – нечего и начинать. В результате я нашла компанию, которая под 15 процентов в месяц и под мое честное имя одолжила недостающую сумму.

И вот я еду в банк. Отдаю им эти деньги. Потом смотрю на себя в зеркало и говорю сама себе: «Ты нашла такие огромные деньжищи за такой короткий срок! Что это значит? Это значит, что в этой жизни ты сможешь все».

Думаю, что как раз сейчас у меня начинается новый этап в жизни. Может быть, я наконец-то повзрослела, не знаю. Приоритеты теперь расставляются совсем по-другому. Я давно себе не покупала новые туфли, потому что гораздо важнее на этом этапе новую кухню в квартире смонтировать. Я осознаю, что все свободные деньги буду вкладывать в квартиру. У меня теперь есть квартира, и я очень довольна собой. Это правильные вложения. Это то, что останется со мной и перейдет по наследству детям.

Я много размышляла над тем, как добиться в жизни успеха, что для этого нужно и что по-настоящему важно. Рецепт один: «Если ты хочешь чего-то добиться – ты должен работать над этим и только над этим». Если ты хочешь открыть ресторан – ты круглосуточно сидишь и прорабатываешь все нюансы, касающиеся твоего будущего дела. Не отвлекаешься ни на что. Не делаешь с детьми уроки параллельно. Не готовишь ужины. Не отвечаешь любимому на сообщеньки в ватсапе. А сидишь и думаешь только о ресторане. Если ты хочешь заниматься музыкой – сиди в студии и пиши, не отвлекаясь. Ищи авторов, вдохновляйся, покупай биты, пробуй писать слова или находи уже готовые стихи и накладывай их на биты. Изо дня в день. Без выходных. И тогда у тебя, может быть, что-то получится. Иначе никак.

Но если ты хочешь, чтобы у тебя была семья и личная жизнь –

надо уделять внимание ей. Сохранять этот баланс между работой и семьей – безумно сложно. Когда у меня налаживается личная жизнь – тут же пропадают концерты. И это закон. Наверное, поэтому я не стала певицей номер один, но при этом у меня есть о ком заботиться и ради кого лететь домой.

Я только сейчас учусь по-настоящему правильно жить. Оглядываясь назад, понимаю, сколько ошибок я наделала. В том числе и в отношении финансов. Если бы можно было вернуться в прошлое, я бы вместо того, чтобы проматывать все деньги, вкладывала их потихоньку в недвижимость. Купила бы маленькую квартиру, выплатила за нее кредит – взяла побольше. Недвижимость – это незыблемо. Так, как меня спасла продажа квартиры в Киеве – не спасало ничего. А еще обязательно бы руководствовалась правилом – откладывать 10 процентов с любого дохода на счет в банке. Откуда бы доход ни пришел, какой бы ни был – 10 процентов железно несешь в банк. Это работает. И об этом надо задумываться, получая самую первую свою зарплату. Я бы пробовала вкладываться в стартапы, в акции, в инвестиции, в общем, делала бы все, чтобы деньги не проматывать. Нет, конечно, иногда надо себе позволять тратить и безумствовать, но нельзя это делать постоянно.

Вообще, конечно, очень жаль, что нельзя назад вернуться. Я бы и в себе кое-что исправила. Я бы научилась хитрить, обходить острые углы в отношениях с людьми, быть гибче. Но самое главное, и это я бы выбила на своем фамильном гербе: я бы перестала пытаться быть хорошей для всех. Это то, что навредило мне больше всего в жизни. Я всю жизнь пыталась сделать так, чтобы со мной всем было комфортно. Мужьям, родственникам, друзьям, коллегам, партнерам. И все время забывала о себе. А главное, что это все равно не спасло. Как-то раз я спросила одного человека, работавшего со мной:

– Скажи честно, что люди говорят тебе обо мне?

– Все в один голос твердят, что ты стерва, – честно, не задумываясь, ответил мне он.

Я страшно удивилась. Как же так? Я же хорошая. Я всем помогаю. Я стараюсь никого не обидеть. И в результате все равно оказываюсь стервой. Этот человек, видя мое замешательство, сказал очень правильные слова.

– Видишь, ты хочешь быть хорошей, но люди не замечают этого. Так зачем тебе пытаться быть хорошей для всех? Это же не работает. Может быть, тогда уже проще быть самой собой? А иногда даже, если это остро необходимо – стервой? Делать так, как удобно тебе в первую очередь?

И я с ним согласилась. Сколько можно, действительно. Мне

всегда было неудобно перед всеми людьми: неудобно расстаться с человеком, если я его наняла на работу, а он не справляется. Неудобно отказать тем, кто просит меня поучаствовать в проекте, который мне неинтересен и неудобен. В результате я на все соглашаюсь, испытываю дикий дискомфорт, не получаю должного результата и при всем при этом остаюсь для всех кругом стервой. Ну и смысл?

Для того чтобы быть взрослой и плавать в открытом океане, тебе надо перестать быть рыбкой Немо. Ты сам должен стать акулой. Если ты ею не станешь – тебя просто съедят. Живя взрослой жизнью и будучи в большом бизнесе, ты просто обязан иногда принимать жесткие решения. Да, о тебе будут плохо говорить, да, тебя не будут любить, но только так можно чего-то добиться. Конечно, добрым быть проще, и хорошим быть проще, и сейчас мне уже кажется, что стремление быть хорошей и удобной – просто способ избежать трудностей и убежать от ответственности.

Сейчас я учусь расставаться с людьми и с делами на том этапе, когда это становится неудобно мне. И это касается не только работы. С личной жизнью та же история. Я всегда мучилась от осознания того, что у меня не сложилась одна семья, вторая, третья. Вокруг все говорили: «Сколько можно менять мужей?!», и я переживала. Действительно, думала, сколько можно? Но скажите мне честно, было бы лучше, если б я оставалась до конца жизни с мужем, который бы мне изменял, бил и кричал на меня? И это было бы счастье? Или, может, я должна была выйти замуж за олигарха и жить в достатке, но навсегда выгнать из своего дома детей и собак, потому что ему они не нравятся? Может быть, кому-то это бы и показалось счастьем. Но не мне. Я всегда иду за своим сердцем.

Почему люди упрекают меня в этом? А вот почему. Я это только недавно поняла. Каждый человек, который упрекает меня в чем-то, – защищает свою точку зрения, свою позицию. Вот, например, женщина, которой изменяет муж, но она продолжает с ним жить. Она страдает и мучается, но решила почему-то, что так правильно. И тут она читает, например, что Аня Седокова в точно такой же ситуации от своего мужа ушла, не захотела мириться с изменами. Что она будет делать? Конечно, упрекать меня. Потому что, если женщина признает мою правоту, получится, что сама-то она живет неправильно. Поэтому я только и слышу со всех сторон: «Не уходи, терпи, жди. Пусть он изменяет тебе, пусть денег не дает, пусть в грош не ставит – а ты терпи». Потому что все терпят. И все хотят подтверждения того, что они правильно делают. «Ну я же терплю. Я же молодец. И ты будь такой же».

Люди всегда, комментируя твою жизнь, говорят про себя. И надо это помнить.

А вообще, конечно, все это фантазии – насчет того, что можно вернуться в прошлое и что-то там изменить. Я вообще не уверена, что можно изменить путь, который тебе предначертан. Да, разумеется, он зависит от твоих действий, этот путь, но процентов на 30, не больше. Есть где-то сценарий, по которому ты живешь, он прописан. Предопределен. И как бы ты ни пытался с него свернуть – ничего не получится. У меня он именно такой, мой сценарий. И вы знаете, вот этот парень, который его написал, – он офигенный сценарист. Он очень интересно пишет! У меня было все – взлеты и падения, и гангстеры, которых искал Интерпол, и миллионеры, и президенты, танцующие под мою музыку. У меня были дома в Калифорнии, и яхты, и много цветов – а были периоды, когда я не могла себе пачку макарон в супермаркете купить. Что со мной будет дальше? Я не знаю. Я выплачу ипотеку и возьму себе еще парочку. Перееду жить в другую страну, а может быть, и не в одну. Рожу еще ребенка, а может быть, и не одного. Возьму из приюта собаку, и точно не одну. Открою еще несколько бизнесов, и напишу много красивых песен, и обязательно сниму фильм о такой удивительной любви. Но уверена, что это еще не последний сезон моего прекрасного кино, и мой сценарист приготовил еще массу захватывающих поворотов этого сюжета, который называется просто – моя жизнь.

Жизнь научила меня многому, дала мне многое. И самое главное – у меня наконец-то появилась семья, которую я искала всю жизнь. И я больше не боюсь смотреть на счастливых родителей, которые идут по бульвару, шурша листьями и ведя за

руку довольного ребенка, который прыгает через лужи. У меня нет причин их ненавидеть. Я верю им. Я знаю, что так бывает. Что есть счастливые семьи. И моя – одна из них.

**НИКТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВО СУДИТЬ ТЕБЯ ЗА ТВОЙ
ВЫБОР, ВЕДЬ ПРАВДУ ЗНАЕШЬ ТОЛЬКО ТЫ.
НИКОГДА НЕ УПРЕКАЙ СЕБЯ В ЛИШНЕЙ
ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ, ВЕДЬ СПОСОБНОСТЬ ЛЮБИТЬ,
ЭТО ДАР. КОТОРЫМ В НАШЕ ВРЕМЯ ОБЛАДАЮТ
ЛИШЬ ЕДИНИЦЫ. А ЗНАЧИТ ТЫ ИЗБРАННАЯ И
УНИКАЛЬНАЯ. Я ВСЕГДА РЯДОМ.**

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

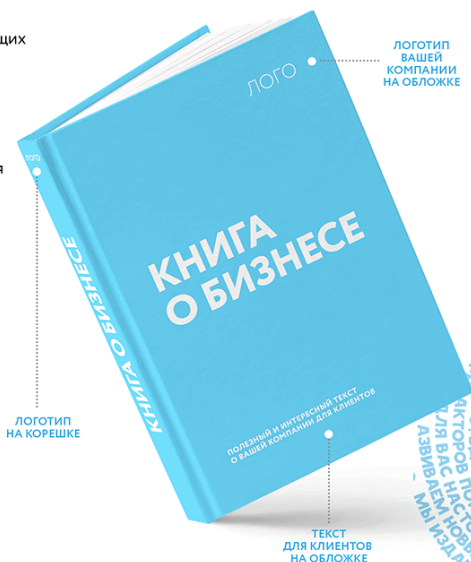
Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:

+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:

eksmo.ru/b2b

